

**КАЛИНИНГРАДСКИЙ ФИЛИАЛ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ВЕСТНИК

**КАЛИНИНГРАДСКОГО ФИЛИАЛА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ**

№2(32)

КАЛИНИНГРАД - 2013

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК КАЛИНИНГРАДСКОГО
ФИЛИАЛА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

№2(32)

2013

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-50634 от 13 июля 2012 г.

Подписной индекс 45691, каталог ОАО «Роспечать»

УДК 340:330
ББК 67:65

Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета
МВД России. Выпуск №2(32), 2013 г.: Научно-теоретический журнал.
Калининград: Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2013. 168 с.

ISSN 2227-7226

Электронная версия журнала: www.klimvd.ru/page_nauka_vestnik.html

Приказом МВД России от 16 декабря 2011 г. №1250 Калининградский юридический институт
МВД России реорганизован в форме присоединения к Санкт-Петербургскому университету МВД России
в качестве филиала. В связи с этим издаваемый учебным заведением журнал переименован
в «Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России».

**Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации
для опубликования работ, отражающих основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по экономике и праву.
(Решение Президиума ВАК Минобрнауки России от 19 февраля 2010 г. № 6/6).**

Научные публикации, включенные в Вестник, представляют **точку зрения автора**
на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности,
экономики, образовательного процесса и гуманитарных наук, которая не всегда
совпадает с мнением редакционной коллегии журнала.

*«Противникам государственности хотелось бы избрать
путь радикализма, путь освобождения от исторического
прошлого, освобождения от культурных традиций ...
Им нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия!»
П.А. Столыпин*

Адрес научно-исследовательского и редакционно-издательского отделения
Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России:
236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30.

Тел. 8(4012) 46-23-04; e-mail: rio1@ptskl.baltnet.ru; niirio_klimvd@mail.ru.

© Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2013.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

научно-теоретического журнала «Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ВЕКЛЕНКО
Сергей Владимирович,
доктор юридических наук,
профессор, начальник
Калининградского филиала
СПбУ МВД России

ГАЙДЫШЕВА
Марина Геннадьевна,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника
Калининградского филиала
СПбУ МВД России
по учебной и научной работе

СОКОЛОВ
Альфред Нилович,
доктор юридических наук,
профессор, профессор
кафедры общеправовых
дисциплин Калининградского
филиала СПбУ МВД России

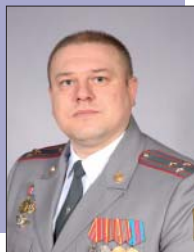
КУЛИКОВ
Александр Викторович,
доктор юридических наук,
профессор, профессор
кафедры оперативно-
разыскной деятельности
ОВД Калининградского
филиала СПбУ МВД России

МЕШКОВ
Владимир Михайлович,
доктор юридических наук,
профессор, профессор
кафедры криминалистики
Калининградского филиала
СПбУ МВД России

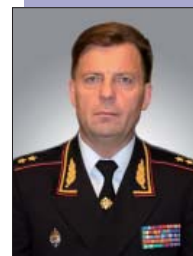

ФАДЕЕВА
Виолетта Владимировна,
доктор педагогических наук,
доцент, профессор
кафедры АПДиИО ОВД
Калининградского филиала
СПбУ МВД России

АВДЕЕВ
Виктор Николаевич,
кандидат юридических наук,
доцент, начальник кафедры
уголовного процесса
Калининградского филиала
СПбУ МВД России

МАРТЫНОВ
Евгений Владимирович,
кандидат социологических
наук, доцент,
начальник УМВД России
по Калининградской области

КЛИМОВ
Андрей Юрьевич,
доктор исторических наук,
доцент, заместитель
начальника Калининградского
филиала СПбУ МВД России
по работе с личным составом

ГРИГОРЬЕВ
Анатолий Николаевич,
доктор педагогических наук,
доцент, начальник
кафедры АПДиИО ОВД
Калининградского филиала
СПбУ МВД России

ЧАПЛЫГИН
Владимир Германович,
доктор экономических наук,
профессор, заведующий
кафедрой «Финансы и кредит»
Калининградского
государственного технического
университета

ЛУКША
Александр Евгеньевич,
кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры
оперативно-разыскной
деятельности ОВД
Калининградского филиала
СПбУ МВД России

ИВКОВА
Леонтина Эдуардовна,
преподаватель кафедры
социально-экономических
и гуманитарных дисциплин
Калининградского филиала
СПбУ МВД России

СТУЛОВ
Андрей Владимирович,
старший редактор НИиРИО
Калининградского филиала
СПбУ МВД России
(ответственный секретарь)

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	7
---------------------------	---

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

АВДЕЕВ В.Н., КАМАНИЦИН А.С.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ОБВИНЯЕМОГО	9
---	---

ГАЙДЫШЕВА М.Г., ВОСКОБОЙНИК И.О.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ПОЛОЖЕНИЙ УПК РФ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.....	14
--	----

МОЖАЕВА И.П.

ГЕНЕЗИС НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ.....	19
---	----

СЕМЧЕНКОВ И.П.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С АЛЬТЕРНАТИВНЫМ УМЫСЛОМ	25
--	----

КОЗАЕВ Н.Ш.

ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОТИВОПРАВНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.....	31
---	----

СВЕТОЧЕВ В.А.

О РОЛИ СЛЕДОВАТЕЛЯ-КРИМИНАЛИСТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	36
--	----

ШЕЛЕГ О.А.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ ПО НЕДОПУЩЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	40
---	----

ПАВЛОВА Т.А.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ СОКРАЩЕННОМ ДОЗНАНИИ.....	44
--	----

ВОСКОБОЙНИК И.О.

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ	48
--	----

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

СТАРОСТИНА С.А.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ	53
---	----

УХАНКИН В.В.

ДОГОВОР В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	58
---	----

ЗИБЕРОВА О.С.

РОССИЯ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ НРАВСТВЕННОСТИ И СОБОРНОСТИ В РАМКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ	63
---	----

КИРИЧЁК Е.В.

МЕСТО И РОЛЬ ПОЛИЦИИ В ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОМ МЕХАНИЗМЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА
И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ 68

ЗВЕРЕВ П.Г.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ВООРУЖЕННЫХ СИЛ,
УЧАСТВУЮЩИХ В МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЯХ ООН 74

ВОПРОСЫ КРИМИНОЛОГИИ

КРИВОШЕЕВ В.В.

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА:
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ..... 79

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

ДЕРЕНДЯЕВА Т.М., МУХИНА Г.А.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИИ
В ВТО: НА ПРИМЕРЕ ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 85

ПОПОВА Т.В.

ДОГОВОР ФИНАНСОВОЙ АРЕНДЫ (ЛИЗИНГ): ЮРИДИЧЕСКАЯ
СУЩНОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 90

КАЗАКОВА Л.С.

РОЛЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ..... 94

ОРЛОВА К.А.

ЕДИНСТВО СТАТУСА СУДЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМЫ МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ 98

ПОПОВА И.А.

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 103

ИВАНОВ Р.О.

БЕЗОПАСНОСТЬ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ..... 108

КОЗЛОВСКАЯ О.В.

НЕОДНОЗНАЧНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
МЕТОДОВ МОНИТОРИНГА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ..... 112

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

КУЛИКОВ А.В., ЧОБАНОВ Г.А.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НЕЗАКОННОЕ ЗАДЕРЖАНИЕ..... 117

ВАРЛАЧЕВА А.В.

ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
АЗАРТНЫХ ИГР В РОССИИ В XVIII-XIX ВЕКАХ..... 123

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

АЛИБЕКОВ Ш.И., ШИШКАНЕВА В.Д. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ЖИЛЬЯ	128
РЯБЦЕВ С.В., СБОЙЛОВА Л.Е. НАЛОГОВЫЕ СИСТЕМЫ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ПЕРИОД 2008-2011 гг.	131
СТЕПАНЕНКО Д.М. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА: СМЫСЛОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	137
АНДРОНЮК Н.В. КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ТУРИЗМА.....	142
ОСТРОГЛЯДОВА О.И. КОНТРОЛЛИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННЫМ КОМПЛЕКСОМ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	146
ШИШКАНЕВА В.Д. НАПРАВЛЕНИЕ И ТЕМПЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА ЖИЛЬЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	149
ПРОХОРОВА О.В. ПОКАЗАТЕЛИ КАЧЕСТВА ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В РАМКАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ	154
РЯБЦЕВ С.В., МИЛЕНЬКИЙ В.И. МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ПОТЕНЦИАЛА САМОФИНАНСИРОВАНИЯ ОБОРОТНОГО КАПИТАЛА ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	160
ПАМЯТКА АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК КАЛИНИНГРАДСКОГО ФИЛИАЛА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ».....	165

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые читатели!

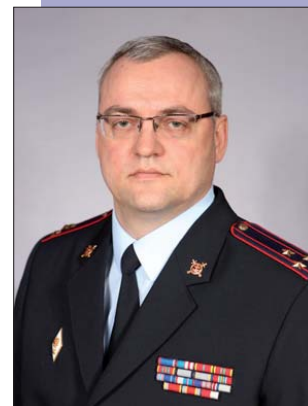
2013 год стал для филиала дважды юбилейным. Вместе с 15-летием Санкт-Петербургского университета МВД России в этот год празднуется 60-я годовщина со времени создания в Калининграде учебного заведения для подготовки сотрудников органов внутренних дел. Филиалом пройден большой путь становления - от школы милиции с двухгодичным сроком обучения милицейского начсостава до современного, динамично развивающегося регионального научно-педагогического центра.

Однако «круглые даты» - не только повод оценить уже сделанное, но и возможность взглянуть вперёд, определить новые рубежи и перспективы роста. Тем более что само время, связанное с масштабным реформированием системы МВД России, ставит всё более сложные задачи перед органами внутренних дел. И в первую очередь, большая ответственность за формирование нового кадрового ядра для российской полиции ложится на ведомственные учебные заведения.

При этом нельзя не учитывать и то обстоятельство, что деятельность вузов МВД не может оставаться в стороне от другой реформы, не менее важной для общества и государства, - реформы системы образования. В частности, речь идёт о переходе на образовательные стандарты нового - третьего - поколения. Теперь от ведомственных учебных заведений требуется подготовка сотрудников, обладающих комплексом профессиональных компетенций, необходимых для качественного выполнения служебных обязанностей. Очевидно, что сформировать у выпускника такие компетенции невозможно, организовав учебный процесс «по старинке», без внедрения инновационных форм и методов обучения, без вовлечения курсанта, слушателя в процессы самообразования и самосовершенствования.

Сегодня можно утверждать, что система высшего образования, получаемого по учебникам, исчерпала себя, динамика современной реальности доказала её низкую эффективность. «Сухие» знания, пусть даже полученные в значительных объёмах, не позволяют молодому специалисту в полной мере раскрыть свой потенциал с первых же дней самостоятельной службы в органах правопорядка. Ему требуется немало времени, чтобы получить непосредственный опыт приложения своих знаний, на базе которого у него в итоге и будут сформированы умения и навыки, составляющие основу профессиональной компетенции. Можно признать рациональным перенесение значительной части этого процесса на годы обучения в вузе. Получение знаний должно сочетаться с точной профессиональной направленностью образования.

Добиться этого невозможно без привлечения обучаемых, в частности, к исследовательской деятельности. Следует согласиться с точкой зрения о том, что курсанты и слушатели должны не только овладевать уже сложившимися знаниями, заложенными в учебниках, но обязательно должны формировать у себя аналитические навыки через участие в научно-представительских мероприятиях, работу в рамках научных кружков, самостоятельного выполнения НИР.

ВЕКЛЕНКО
Сергей
Владимирович,
доктор юридических
наук, профессор,
начальник
Калининградского
филиала Санкт-
Петербургского
университета
МВД России

29 мая в филиале состоялось знаменательное событие. Впервые была проведена межвузовская научно-практическая конференция курсантов, слушателей и студентов «Наука и практика: взгляд молодых». Тем самым было положено начало новой традиции, которая, как хочется надеяться, станет заметным звеном в системе организации и развития научно-исследовательской деятельности молодежи в нашем регионе.

В конференции приняли участие не только курсанты, слушатели и студенты филиала, но и представители Балтийского федерального университета им. И. Канта, Калининградского пограничного института ФСБ России. Для заочного участия были присланы доклады из нескольких вузов МВД России.

Планируется сделать конференцию ежегодной, и мы рассчитываем на то, что с каждым разом она будет привлекать всё большее внимание учащихся высших учебных заведений, тех, кто делает первые шаги в науке.

Время для проведения этой конференции было выбрано неслучайно. Она была специально приурочена к окончанию учебного года, для того чтобы все могли оценить, чего удалось добиться за этот год, чтобы курсанты, слушатели и студенты могли представить на суд своих товарищей и старших коллег результаты проведённых исследований, подводя тем самым определённый итог своей научной работе в том или ином направлении.

Кроме того, формат конференции позволяет её участникам обмениваться мнениями, сделать для себя заметки на будущее, увидеть новые ориентиры для творческого поиска. Не вызывает сомнений, что участие в научно-исследовательской работе способствует расширению кругозора, повышению познавательной активности, росту дисциплинированности, развитию навыков делового этикета и ведения дискуссии. А главное - стремлению к самосовершенствованию.

В заключение хотелось бы выразить надежду на то, что запланированное удастся реализовать уже в новом учебном году, пожелать всем творческих успехов, новых перспектив, успешного решения поставленных задач!

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

АВДЕЕВ В.Н.,

кандидат юридических наук, доцент, начальник
кафедры уголовного процесса Калининградского
филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
viktor.avdeev.1969@mail.ru

КАМАНИЦИН А.С.,

заместитель начальника полиции (по охране
общественного порядка) УМВД России по г. Калининграду
camanitsin@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ОБВИНЯЕМОГО

AVDEEV V., KAMANITSYN A.

THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF THE INVIO- LABILITY OF THE PERSON DURING THE ARREST OF THE ACCUSED

Принцип, неприкосновенность личности, обвиняемый, задержание.

В настоящей статье рассматриваются некоторые аспекты реализации принципа неприкосновенности личности при задержании обвиняемого, сформулированы предложения по внесению изменений в ст. 10 УПК РФ.

Несмотря на то, что за период существования действующего УПК РФ в него было внесено огромное количество изменений и дополнений, в тексте данного закона и в настоящее время содержится масса противоречивых и трудно воспринимаемых положений.

Так, согласно п.4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, мера пресечения заключение под стражу может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, если он скрылся от органов предварительного расследования или суда. При этом указанное напрямую не связано с фактом задержания скрывшегося.

Часть 4 ст. 210 УПК РФ говорит о том, что в отношении разыскиваемого обвиняемого может быть избрана мера пресечения, в том числе и заключение под стражу в случаях, предусмотренных ст. 108 УПК РФ.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 238 УПК РФ судья приостанавливает производство по делу, если обвиняемый скрылся и место его пребывания неизвестно. При этом судья избирает ему меру пресечения в виде за-

ключения под стражу и поручает прокурору обеспечить его розыск (ч. 2 ст. 238 УПК РФ). Принятие решения о заключении обвиняемого под стражу в этом случае не связано с обязательным участием в судебном заседании последнего.

Если следовать указанным нормам закона, то на первый взгляд ничего противоречивого в них не наблюдается.

Однако часть 4 ст. 108 УПК РФ содержит требование о том, что ходатайство следователя, дознавателя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подлежит рассмотрению судом с обязательным участием подозреваемого или обвиняемого. Принятие судебного решения в отсутствие обвиняемого допускается только в случае объявления его в международный розыск (ч. 5 ст. 108 УПК РФ).

Получается, что, с одной стороны, законодатель разрешает применять меру пресечения в виде заключения под стражу, если обвиняемый, подозреваемый скрылся от органов предварительного расследования и суда, а с другой стороны, он запрещает принимать такое решение в отсутствие обвиняемого, за исключением

случаев объявления его в международный розыск.

Между тем, как справедливо указывают А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский, «редакция частей 4 и 5 ст.108 УПК РФ предполагает только буквальное толкование правила о недопустимости «заочного ареста» [9, с.246]. Следовательно, данное требование закона применяется во всех случаях избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу, даже вопреки логике объявления в розыск обвиняемого или подозреваемого.

Часть 5 ст.108 УПК РФ была введена Федеральным законом от 29 мая 2002 года №58-ФЗ еще до вступления УПК РФ в силу. Появление соответствующей нормы в уголовно-процессуальном законодательстве России связано с требованием ряда международных норм в области защиты личности от незаконного и необоснованного ограничения права на свободу и личную неприкосновенность.

Так, например, Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) устанавливает право любого человека на свободу и личную неприкосновенность:

«Статья 5. Право на свободу и личную неприкосновенность»

1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

а. законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;

б. законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

с. законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

д. заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу,

произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

е. законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

ф. законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче.

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию» [1, с.665-712].

Положение указанных норм неоднократно подтверждалось практикой рассмотрения дел в Европейском суде по правам человека. Так, например, по делу «Курта против Турции» (судебное решение от 25 мая 1998 года [1, с.509-534]) суд подчеркнул, что любое лишение свободы должно осуществляться не только в соответствии с основными процессуальными нормами национального права, но также отвечать целям статьи 5 Конвенции, т.е. защищать человека от произвола властей.

В соответствии с ч.4 ст.15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. УПК РФ объявил общепризнанные

принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации составной частью законодательства России, регулирующего уголовное судопроизводство.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) и протоколы к ней были ратифицированы Российской Федерацией Федеральным законом от 30 марта 1998 года №54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» [2] и стала составной частью нашего законодательства.

С целью реализации положений Конвенции в сфере защиты прав личности на свободу и личную неприкосновенность законодатель, как указывалось выше, внес соответствующие изменения в редакцию статьи 108 УПК РФ. Данные изменения были положительно оценены многими учеными и практиками [4, с.35-36; 8, с.8].

Однако законодатель поверхностно отнесся к изменению уголовно-процессуального законодательства России и в результате появились некоторые коллизии. Так, в ч.4 ст.108 УПК РФ говорится о том, что постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит рассмотрению по месту производства предварительного расследования либо по месту задержания подозреваемого в течение 8 часов с момента поступления материалов в суд.

В данном случае законодатель забыл про обвиняемого. Получается, что вопрос о заключении под стражу обвиняемого может быть рассмотрен только по месту производства предварительного расследования. Но ведь скрывшийся обвиняемый может быть обнаружен и задержан далеко от места производства предварительного расследования.

Рассматривая указанные проблемы, нельзя не согласиться с мнением Д. Гараджаева о том, что в настоящее время зона действия международного права, в частности, международных стандартов в области прав человека постоянно расширяется и становится значительнее. Проекты законов, как правило, разрабатываются и рассматриваются с точки зрения соответствия международным стандартам, хотя этот процесс не всегда приводит к позитивным результатам [3, с.163-167].

Указанную точку зрения поддерживают также П.А. Лупинская и Л.Б. Алексеева. В частности, они указывают, что законодатель внес существенные коррективы в процедуру лишения гражданина свободы и привел ее в соответствие с требованиями Конституции РФ и международного права. Однако приведение законодательства в соответствие с международными, в том числе европейскими стандартами, еще не свидетельствует о том, что таким стандартам будет соответствовать и правоприменительная практика [10, с.64].

Описанные пробелы и противоречия, содержащиеся в нормах УПК РФ, вынудили правоприменителя ограниченно толковать недопустимость «заочного ареста» и при доказанности неважности неявки обвиняемого (подозреваемого) судьи иногда принимают решение о заключении под стражу без его участия [7, с.268].

С другой стороны, законодатель для того, чтобы смягчить указанные противоречия, ввел в уголовный процесс России новую меру процессуального принуждения - задержание обвиняемого (ч.3 ст.210 УПК РФ).

Соответствует ли такое нововведение принципам международного права в области защиты личности от незаконного и необоснованного ограничения права на свободу и личную неприкосновенность, а также принципу неприкосновенности личности, изложенному в ст.10 УПК РФ?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, вновь обратимся к тексту ст.5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.). В п. «с» ч.1 ст.5 Конвенции говорится о том, что лицо может быть задержано, для того чтобы оно предстало перед компетентным органом, если есть основания полагать, что оно скроется после совершения преступления.

Как мы видим, сам факт задержания без судебного решения нормами международного права не исключается, говорится лишь о том, что задержание должно быть законным, т. е. основания и порядок задержания должны быть предусмотрены в соответствующем законе и не должны противоречить международным нормам. А вот решение вопроса о дальнейшем содержании задержанного под стражей, безусловно, должен быть решен судом при обязательном участии задержанного. В связи с этим целью задержания скрывшегося обвиняемого является необходимость доставления его в

суд для решения вопроса о заключении под стражу.

Таким образом, введение в уголовно-процессуальное законодательство России новой меры принуждения в виде задержания обвиняемого не противоречит нормам международного права и Конституции РФ. Однако, вопреки требованиям ч.1 ст.5 Конвенции о том, чтобы порядок задержания был предусмотрен законом, в современном УПК РФ делается лишь отсылка к порядку задержания подозреваемого (гл.12 УПК РФ). О том, какие проблемы возникают при этом у правоприменителя, нами уже указывалось в юридической литературе [5, с.43-48; 6, с.83-88].

Для того чтобы современное уголовно-процессуальное законодательство России соответствовало принципам и нормам международного права, недостаточно просто перенести соответствующие нормы в закон, необходимо также разработать соответствующий механизм для реализации этих предписаний.

В ч.1 ст.10 УПК РФ сказано: «Никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных настоящим Кодексом. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов». Согласно ч.3 ст.10 УПК РФ, лицо, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также лицо, которое задержано по подозрению в совершении преступления, должно со-

держаться в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью.

Как мы видим, после введения нормы о задержании обвиняемого законодатель не внес изменения в диспозицию ч.ч. 1 и 3 ст.10 УПК РФ (неприкосновенность личности), в связи с чем возникает вопрос о распространении действия указанного принципа на случаи задержания обвиняемого.

По нашему мнению, необходимо внести изменения в диспозицию ч.ч. 1 и 3 ст.10 УПК РФ, исключив слова «по подозрению в совершении преступления». В этом случае принцип неприкосновенности личности будет распространен на все случаи задержания (задержание подозреваемого, задержание обвиняемого, задержание подсудимого и т.д.). При появлении новых видов задержания уже не будет необходимости вносить изменения в содержание ст.10 УПК РФ.

Таким образом, мы считаем необходимым изложить части 1 и 3 ст.10 УПК РФ в следующей редакции:

- «1. Никто не может быть задержан или заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных настоящим Кодексом. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов»;

- «3. Лицо, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также лицо, которое задержано в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, должно содержаться в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью».

Библиографический список:

1. Европейский суд по правам человека. Избранные решения: В 2 томах. Т.2. М.: Издательство НОРМА, 2001.
2. Федеральный закон от 30 марта 1998 года №54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СЗ РФ. 1998. №14. Ст.1514.
3. Гараджаев Д. Механизм действия международно-правовых стандартов в области прав человека и гражданина в государственном праве (на материалах Украины, России, Азербайджана) / Нижегородские юридические записки: Сборник научных трудов / Под. ред. академика РАЕН и ПНИ В.М. Баранова. Вып.3: Право. Власть. Законность. Н. Новгород: Нижегородский юридический институт МВД РФ, 1997.
4. Калиновский К.Б. Задержание обвиняемого в российском уголовном процессе: проблемы формирования нового уголовно-процессуального института // Совершенствование правовой базы и взаимодействия правоохранительных органов различных государств в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург. 13 мая 2003 года. / Под ред. В.П. Сальникова. СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2003.
5. Каманицин А.С. Обеспечение прав обвиняемого при задержании / Проблемы обеспечения прав подозреваемого и обвиняемого при производстве расследования: Материалы круглого стола. Калининград: Калининградский юридический институт МВД России, 2005.

6. Каманицин А.С. Задержание обвиняемого: больше вопросов, чем ответов / Охрана прав и свобод личности в деятельности ОВД. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 31 марта 2005 г. Калининград: Калининградский юридический институт МВД России, 2005.

7. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.П. Верина, В.В. Мозякова. М.: Издательство «Экзамен», 2004.

8. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева; научн. ред. В.П. Божьев. М.: Спарк, 2003.

9. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Смирнова. СПб: Питер, 2003.

10. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник. / Отв. ред. П.А. Лупинская. М.: Юристъ, 2003.

Principle, integrity of the person, the accused, the detention.

This article discusses some aspects of the implementation of the principle of the inviolability of the person during the arrest of the accused, makes proposals to amend Article 10 of the Code of Criminal Procedure.

Рецензенты:

Попов В.Л., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

Григорьев А.Н., кандидат юридических наук, доктор педагогических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

ГАЙДЫШЕВА М.Г.,

кандидат юридических наук, заместитель начальника Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России по учебной и научной работе

ВОСКОБОЙНИК И.О.,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
postmaster@ptskl.baltnet.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ПОЛОЖЕНИЙ УПК РФ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

GAYDYSHEVA M., VOSKOBOYNIK I.

ACTUAL PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF SOME PROVISIONS OF THE NEW CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION UNDER A CRIMINAL CASE

Стадия возбуждения уголовного дела, объяснения, назначение и производство судебных экспертиз.

В настоящей статье рассмотрены проблемы реализации некоторых уголовно-процессуальных норм в стадии возбуждения уголовного дела, особенности защиты прав и законных интересов участников проверки сообщения о преступлении, даны рекомендации по оптимизации практики охраны прав личности в данной стадии, а также по совершенствованию уголовно-процессуального закона.

Реформирование уголовного судопроизводства в настоящее время обусловлено, как и прежде, прежде всего, необходимостью создания законодательных гарантий для реального обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса, а также для обеспечения возможности достижения назначения уголовного судопроизводства в целом.

Вместе с тем, как показывает анализ изменений и дополнений, вносимых в уголовно-процессуальный закон Российской Федерации, новации в регламентации уголовно-процессуальных отношений не всегда учитывают интересы правоприменительной практики как необходимого условия реализации правоохранительной функции государства в целях обеспечения прав и законных интересов личности, вовлеченной в сферу уголовно-процессуальных отношений.

Федеральным законом от 04.03.2013 года №23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» целый ряд норм УПК РФ, уже ставших неотъемлемой частью правовой регламентации деятельности органов дознания и предварительного следствия, подверглись изменениям. Многие из данных нововведений давно назрели и неоднократно рекомендовались в науке. Несмотря на дан-

ное обстоятельство, правоприменительная практика неоднозначно отреагировала на изменения основных уголовно-процессуальных институтов, реализуемых в первой стадии уголовного процесса.

Наиболее важные изменения коснулись института доказывания и института следственных действий.

Группа измененных и дополненных уголовно-процессуальных норм, затрагивающих институт доказывания, неотъемлема от совокупности норм, касающихся института следственных действий. Вместе с тем, кроме оптимизации основного способа собирания доказательств, рассматриваемым Федеральным законом, часть 1 статьи 144 впервые дополнена полномочием дознавателя, органа дознания, следователя и руководителя следственного органа получать объяснения.

Сразу же обращает на себя внимание формулировка закона «вправе получать объяснения», по сути своей отличная от понятия «уполномочен». Наши оппоненты могут возразить и настаивать на том, что термин «вправе» встречается и в других нормах уголовно-процессуального закона при регламентации именно полномочий следователя, однако данное законодательное решение, на наш взгляд, не учитывает властный характер названных субъектов уголовно-процессу-

альных отношений, возникающих именно в связи с реализацией властных полномочий, которые, в случае затрагивания законных интересов участников уголовного процесса, не обладающих указанными полномочиями, являются основанием для возникновения прав последних.

Новая часть 1.2 статьи 144 УПК РФ регламентирует, что «полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 настоящего Кодекса».

Появление в УПК РФ термина «объяснение», безусловно, является положительным моментом в регламентации процессуальных средств доказывания при проверке сообщения о преступлении.

Вместе с тем законодатель упускает из вида то, что любое процессуальное средство доказывания и его доказательственное значение возможно оптимизировать исключительно в рамках реформирования института доказывания, а не отдельных элементов стадии возбуждения уголовного дела.

К сожалению, рассматриваемый Федеральный закон не вносит изменения в главу 10 «Доказательства в уголовном судопроизводстве» УПК РФ, статья 74 которой содержит исчерпывающий перечень видов доказательств, которые могут использоваться в целях установления наличия или отсутствия.

В связи с этим следует заключить, что сведения, содержащиеся в объяснениях, в настоящий момент нельзя использовать для обоснования принимаемых процессуальных решений. Мы также высказываемся против признания объяснений иными документами по уголовному делу, так как сведения, зафиксированные в них, имеют характер показаний и должны обладать соответствующим статусом, только после чего их возможно использовать в качестве доказательств.

Не вполне ясна логика законодателя и при регламентации в пункте 2 части 3 статьи 226.5 «Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме» УПК РФ, допускающая по решению дознавателя, исходя из оценки конкретных обстоятельств уголовного дела, не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за исключением случаев, если необходимо установить дополнительные, имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, сведения о которых не содержатся

в материалах проверки сообщения о преступлении, либо необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем.

К сожалению, в Калининградской области дознаватели в настоящее время уходят в принципе от решения данных проблем, искусственно ограничивая право подозреваемого на производство дознания в сокращенной форме путем появления практически во всей совокупности уголовных дел возражений потерпевшего против данного производства.

Приведенные нормы означают, что сведения, содержащиеся в указанных объяснениях по закону допустимо использовать для принятия решения о составлении обвинительного постановления, то есть для наделения подозреваемого статусом обвиняемого.

Вместе с тем не следует забывать о том, что любые сведения, используемые в качестве доказательств по уголовному делу и положенные в основу любого процессуального решения, обладают тремя традиционными для доказательственного права свойствами: допустимостью, относимостью и достоверностью.

В стадии предварительного расследования достоверность показаний участников уголовного судопроизводства и других видов доказательств, как правило, обеспечивается предупреждением об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, заведомо ложный донос, заведомо ложный перевод, за дачу заведомо ложного заключения эксперта и т.п. Исключения здесь составляют случаи, когда процессуальное обеспечение достоверности показаний может противоречить праву абсолютного свидетельского иммунитета подозреваемого, обвиняемого, которые не предупреждаются об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний.

В случае со сведениями, фиксируемыми в объяснениях, речи об обеспечении их достоверности не идет в принципе. Теоретически верно было бы рассматривать возможность рассматриваемого законодательного решения лишь в отношении объяснений, получаемых у фактически заподозренных лиц, в случае их последующего наделения статусом подозреваемого исключительно по основанию возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица. Допускать же объяснения для обоснования итоговых процессуальных реше-

ний в рамках сокращенной формы дознания недопустимо.

Наша позиция основана на том, что задача сокращенной формы дознания исходит из назначения уголовного судопроизводства в целом, а следовательно, не может иметь целью исключительно сокращенных сроков досудебных стадий. Передача на откуп дознавателю полномочий по оценке объяснений, к сожалению, неизбежно будет омрачена выполняемой дознавателем функцией обвинения.

В связи с этим представляется лишенным изначального смысла исключение, содержащееся в пункте 2 части 3 статьи 226.5 «Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме» УПК РФ о том, что усмотрение дознавателя в рассматриваемых случаях не применяется, только если необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем. Оспаривание достоверности доказательств подозреваемым в данном производстве, как представляется, в подавляющем большинстве случаев будет обусловлено лишь появлением угрозы перехода с сокращенной формы производства на обычную в условиях несогласия с этим стороны защиты, то есть при появлении сведений об обстоятельствах, исключающих производство дознания в сокращенной форме.

Тем более представляется некорректной практика использования в обвинительном заключении или обвинительном акте ссылок на объяснения, полученные в ходе доследственной проверки.

Изменения, касающиеся института следственных действий, безусловно, давно назрели и позитивно скажутся на следственной практике, так как позволяют решать такую задачу уголовного процесса, как быстрое раскрытие и объективное расследование преступлений.

Вместе с тем очевидные плюсы данной оптимизации для практики, к сожалению, не столь очевидны для целей охраны прав личности в уголовном судопроизводстве, для развития принципа состязательности, а следовательно, для достижения назначения уголовного судопроизводства в целом.

Так, например, в соответствии с новой редакцией части 1 статьи 144 УПК РФ органы предварительного расследования уполномочены «в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную

экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок». Данные изменения обусловили дополнение части четвертой статьи 195 УПК РФ предложением следующего содержания: «Судебная экспертиза может быть назначена и произведена до возбуждения уголовного дела».

Однако изменений и дополнений в статью 198 «Права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при назначении и производстве судебной экспертизы» УПК РФ не последовало. Нормы данной статьи предоставляют право при назначении и производстве судебной экспертизы подозреваемому, обвиняемому, их защитнику знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы; заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении; ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении; ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту; присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту; знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение.

При этом свидетель и потерпевший, в отношении которых производилась судебная экспертиза, вправе знакомиться с заключением эксперта. Потерпевший также вправе знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы; заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении, руководствуясь пунктами 1 и 2 части первой статьи.

Данная несогласованность норм на практике сглаживается путем трактовки части 2 статьи 198 УПК РФ в соответствии с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным в Определении Конституционного Суда РФ от 04.11.2004 №430-О [1] и в Определении Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 №300-О [2]. В результате этого с заключением эксперта надлежит знакомить потерпевшего в независимости от того, проводилась ли судебная экспертиза в отношении него или данный участник процесса не являлся объектом экспертного исследования.

Данное право подлежит реализации по аналогии с правом подозреваемого, обвиня-

емого на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта. В отсутствие потерпевшего указанное право должно быть предоставлено представителю, законному представителю потерпевшего [3].

Нетрудно заметить, что в стадии возбуждения уголовного дела лица не наделены конкретным процессуальным статусом, поэтому само по себе наличие статьи 198 УПК РФ и позиции Конституционного Суда РФ вряд ли повлечет за собой однозначно складывающуюся практику обеспечения прав и законных интересов личности при проверке сообщения о преступлении в данной сфере.

Статья 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ дополнена также частью 1.1, нормы которой исходят из положений принципа охраны прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (часть 1 статьи 11 УПК РФ) и обязывают органы, осуществляющие проверку сообщения о преступлении, разъяснять лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, обеспечивать возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы.

Таким образом, законодатель, обязав лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении, соблюдать важнейший принцип уголовного судопроизводства, оставил без внимания первооснову его соблюдения - регламентацию самих обсуждаемых нами прав.

Данный пробел, по нашему мнению, влечет за собой необходимость следующих изменений и дополнений в статью 198 УПК РФ:

1. Название данной статьи изложить в следующей редакции: *«Статья 198. Права лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, подозреваемого, обвиняемого, заявителя, потерпевшего, свидетеля, их представителей при назначении и производстве судебной экспертизы».*

2. Часть первую изложить в следующей редакции: *«1. При назначении и производстве судебной экспертизы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, подозреваемый, обвиняемый, его защитник вправе...».*

3. Часть вторую изложить в следующей редакции: *«Заявитель, потерпевший, их представители вправе знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта, заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении. Свидетель, в отношении которого назначена судебная экспертиза, или лицо, в отношении которого назначена судебная экспертиза, при проверке сообщения о преступлении вправе знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта».*

Нормы новой части 1.2 статьи 144 УПК РФ регламентируют, что «если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению».

По своему процессуальному смыслу данные изменения затрагивают общие условия предварительного расследования, то есть должны регламентироваться нормами, структурно расположенными в главе 21 УПК РФ.

Вместе с тем в статью 159 «Обязательность рассмотрения ходатайства» УПК РФ соответствующих изменений не внесено.

В результате этого налицо конкуренция общих и специальных норм, так как часть 2 статьи 159 УПК РФ устанавливает обязательность удовлетворения ходатайств о производстве судебных экспертиз, только если обстоятельства, об установлении которых заявлено ходатайство, имеют значение для уголовного дела. В связи с эти внесенные изменения должны быть регламентированы именно как общее условие предварительного расследования. В настоящей же редакции следователь не ограничен в возможности отклонить указанное выше ходатайство со ссылкой на то, что сведения, устанавливаемые судебной экспертизой, о производстве которой просит участник уголовного процесса, не имеют значения для уголовного дела.

Предложенный нами порядок соблюдения прав личности при проверке сообщения о преступлении позволит привести практику применения уголовно-процессуальных норм в соответствие с принципом состязательности и охраны прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, а также обеспечит строгое соблюдение Конституции РФ в данной части.

Библиографический список:

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 ноября 2004 г. №430-О «По жалобе гражданки Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 42, частью восьмой статьи 162 и частью второй статьи 198 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс», 2013.

2. Определение Конституционного Суда РФ от 11 июля 2006 г. №300-О «По жалобе гражданина Андреева Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктами 1, 5, 11, 12 и 20 части второй статьи 42, частью второй статьи 163, частью восьмой статьи 172 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс», 2013.

3. Воскобойник И.О. Принятие процессуального решения по уголовному делу в отсутствие потерпевшего: Методические рекомендации. Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2012. 63 с.

Stage of criminal proceedings, explaining the purpose and production of forensic.

This article examines some of the problems of criminal procedure under the criminal case, especially the protection of the rights and legitimate interests of checking crime report, recommendations on optimization of the practice of individual rights in this stage, as well as to improve the criminal procedure law.

Рецензенты:

Авдеев В.Н., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

Сидоров В.В., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

МОЖАЕВА И.П.,

кандидат юридических наук, докторант кафедры управления органами
расследования преступлений Академии управления МВД России
mirina-crim@yandex.ru

ГЕНЕЗИС НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

MOZHAJEVA I.

THE GENESIS OF THE SCIENTIFIC ORGANIZATION OF INVESTIGATOR

Криминалистика, организация расследования преступлений, научная организация деятельности следователя, научная организация труда следователя.

В статье рассмотрен в исторической ретроспективе процесс становления и развития теоретических положений научной организации труда, а также их интеграция в практическую деятельность органов расследования преступлений. Обозначены теоретические проблемы научной организации деятельности следователя как элемента криминалистического учения об организации расследования преступлений. Предложено авторское видение дальнейших работ вопросов научной организации деятельности следователя.

Современные условия и обстоятельства предопределяют необходимость всестороннего исследования проблем предварительного расследования в рамках различных отраслей научного знания - управления, информатики, уголовного процесса, оперативно-разыскной деятельности и др. Важное место в их разрешении отводится криминалистике как науке, обеспечивающей своей научной продукцией предметную область борьбы с преступностью. При этом тенденции развития науки и техники, а также процесс реформирования органов внутренних дел требуют глубины и многоаспектного познания проблем научной организации труда, отражающих современные потребности органов расследования преступлений.

Это обстоятельство актуализирует исследование научной организации труда в органах расследования преступлений. В определенной мере такая необходимость объясняется недостаточным вниманием к научным разработкам такой важной сферы, как трудовая деятельность следователя как в предшествующие годы, так и в настоящее время.

Успешное разрешение задачи внедрения и совершенствования научной организации труда в органах расследования преступлений настоятельно требует глубокого и всестороннего изучения ее генезиса, поскольку одно из центральных мест в исследовании этой системы занимает проблема

оценки ее поступательного формирования, современного состояния и тенденции развития в будущем.

Изучая вопросы теории и практики научной организации труда в органах расследования преступлений, необходимо первоочередно рассмотреть в исторической ретроспективе процесс возникновения, становления и развития теоретических положений научной организации труда, а также их интеграцию в практическую деятельность органов расследования преступлений.

Применительно к системе, характеризующей деятельность следователя, положения общей теории НОТ интегрируются в отраслевую область знания - *научную организацию деятельности следователя* - и модифицируются в целях обеспечения ее интенсификации. Научные и практические основы организации трудовой деятельности следователя направлены на разрешение проблем, связанных с эффективностью процесса выявления, расследования и предупреждения преступлений с учетом приемов, рекомендаций, средств и методов, разработанных в том числе и криминалистикой.

Соответственно, говоря о генезисе НОТ следователя, следует разграничивать генезис отрасли научного знания и генезис практической реализации этого знания в деятельности по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений. В рамках данной статьи приоритет отдан исследованию возникнове-

¹ Под следователем мы понимаем сотрудников органов расследования преступлений (следователей, дознавателей), а также руководителей органов расследования преступлений, принявших к производству уголовное дело, если иное не оговаривается в научной статье.

ния, становления и развития НОТ следователя как отрасли научного знания.

Основоположителем научной организации труда (НОТ) является известный американский ученый Ф.У. Тейлор (1856-1915), изучавший производственные процессы. В ходе исследований автор сформулировал следующие принципы научной организации труда и управления производством (*следует обратить внимание на выделение двух областей: научной организации труда и научной организации управления - И.М.*):

- изучение производственных процессов необходимо проводить на основе их расчленения на операции, приемы и движения;

- рабочим должна быть поставлена конкретная задача, которую они обязаны выполнять;

- рабочих необходимо обучать рациональным приемам, выработанным на основе результата изучения затрат трудового времени посредством хронометража, фотографии рабочего дня, киносъемок;

- рабочие должны являться только исполнителями и выполнять порученную работу в точно установленных пределах и на условиях, предусматривающих освобождение их от функций, связанных с обдумыванием, расчетом и подготовкой работы;

- в процессе производства должно быть предусмотрено полное использование рабочего времени;

- на рабочем месте должны быть созданы условия, обеспечивающие непрерывную работу;

- за выполнение установленной высокой нормы выработки необходимо вводить повышенную оплату труда [3, с.13-14].

Систему Ф. Тейлора применительно к условиям механизированного и автоматизированного производства развивали Ф. Гилбрет - основатель метода микроэлементарного нормирования; Г. Форд, основными идеями которого являлись стремление максимально упорядочить производство и снизить издержки производства за счет всесторонней механизации трудовых процессов и экономии времени; Г. Эмерсон, провозгласивший систему отраслевого научного управления; А. Файоль, который разрабатывал новые принципы управления, в том числе и обдумывал вопросы организации производства, и его последователи.

Однако их идеи не учитывали психофизиологические и социальные особенности труда, значимость которых для повышения интен-

сивности деятельности доказывал Э. Мэйо и другие исследователи проблем НОТ.

Правила эффективной организации трудового процесса с точки зрения физиологии труда сформулировал Н.Е. Введенский, взаимозависимость между упражнением и утомлением в процессе деятельности установил М.И. Виноградов, теория о функциональной системе как основном законе деятельности организма человека, включая его трудовую деятельность, разрабатывалась П.К. Анохиным и другими учеными [5, с.7-11].

Более системно исследовал эти проблемы Т. Котарбинский - основатель «праксеологии» («общей теории эффективной («исправной») организации деятельности»), основной задачей которой является «выработка наиболее общих норм максимальной целесообразности труда» [1, с.20].

Основателями советской школы научной организации труда являлись А.К. Гастев, разработавший основы теории и практики НОТ; А.А. Богданов, родоначальник науки об организации (тектологии); О.А. Ерманский, определивший возможность возникновения теории НОТ как самостоятельного научного направления, представляющего собой синтетическую научную систему; П.М. Керженцев, обосновавший принципы организации и научной организации труда, и другие ученые.

Сущность НОТ была сформулирована в определении, принятом Всесоюзным совещанием в 1967 г.: «В современных условиях научной надо считать такую организацию труда, которая основывается на достижениях науки и передовом опыте, систематически внедряемых в производство, позволяет наилучшим образом соединить технику и людей в едином производственном процессе, обеспечивает наиболее эффективное использование материальных и трудовых ресурсов, непрерывное повышение производительности труда, способствует сохранению здоровья человека, постепенному превращению труда в первую жизненную потребность» [9, с.3-4; 10, с.4].

В соответствии с данным определением, содержание НОТ многими учеными стало рассматриваться в динамике, как непрерывный процесс, и в статике, как комплекс научно обоснованных элементов, позволяющих эффективно использовать живой труд, орудия и предметы труда в их взаимосвязи [4, с.232].

Применительно к деятельности по выявлению, расследованию и предупреждению

преступлений проблема научной организации труда следователя решалась следующим образом: основываясь иногда на интуиции, следователи вырабатывали приемы, позволяющие им работать с наименьшей затратой сил и большей продуктивностью, правильно организовывать свой трудовой день и рабочее место, избегать лишних усилий, непроизводительной траты времени [7, с.52; 8, с.154-155].

Исследование и четкое уяснение генезиса научной организации труда следователя путем использования системно-исторического подхода позволяет осуществлять целенаправленный теоретический поиск, обеспечивая дальнейшее развитие данной отрасли научного знания и, как следствие этого, практическую деятельность эффективными рекомендациями, приемами, методами и средствами. Одним из положений системно-исторического подхода является понимание процесса развития научного знания как последовательной смены этапов, каждый из которых рассматривается как относительно устойчивый и завершённый.

В связи с этим становление и развитие научной организации труда (НОТ) следователя как отрасли научного знания также происходило поэтапно, на протяжении длительного времени, в частности, и в рамках криминалистики, как неотъемлемая ее часть.

На первом этапе (20-30 гг. XX в.) происходит осознание, постановка «проблемы»; формирование «идеи»; формирование предпосылок нового знания в недрах старого; получение первого опыта использования рекомендаций по научной организации труда при проведении отдельных следственных действий и расследовании отдельных видов преступлений.

Второй этап (40-60 гг. XX в.) связан с окончательным оформлением «идеи» о разработке в криминалистике вопросов НОТ следователя и соответственно с трансформацией на криминалистическую основу базовых положений общей теории научной организации труда, положений наук организации, управления.

Многие базовые положения общей теории НОТ не могут использоваться в неизменном виде и применительно к определенной области деятельности модифицируются с учетом ее специфики. Это касается и интерпретации научной организации труда с криминалистической точки зрения, когда общие положения НОТ интегрируются в рас-

сматриваемую сферу и далее разрабатываются собственные рекомендации, приемы, методы и средства применительно к деятельности по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений.

С позиции адаптации общей теории НОТ к специфике деятельности по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений ее положения, во-первых, могут быть использованы в неизменном (первоначальном) виде. Здесь речь идет о таких положениях, как санитарно-гигиенические условия труда, рабочее время и некоторых других. Во-вторых, их можно модифицировать (приспособить): так модифицированы и используются для решения задач по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений такие положения общей теории НОТ, как нормирование труда, критерии оценки деятельности, специализация трудовой деятельности, организация рабочего места и его техническая оснащенность и т. д.

Третий этап (70-80 гг. XX в.) нацелен на непосредственное развитие нового знания, характеризуется повышенным научным и практическим интересом к научной организации труда в органах расследования преступлений. Отметим, что в этот период происходит интенсивное становление и развитие основных методологических положений НОТ следователя, разработка рекомендаций и их внедрение в практическую деятельность, благодаря большому количеству фундаментальных научных трудов и методических разработок, имеющих актуальность и в настоящее время.

На четвертом этапе (конец 80-90 гг. XX в.) наблюдается определенный спад научного интереса к проблемам научной организации труда в органах расследования преступлений. Однако в этот временной период появляются фундаментальные монографические работы, в том числе В.Д. Зеленского, в которых имеется постановка и разрешение ряда проблем НОТ следователя.

Для пятого современного этапа (конец 90 гг. XX в. - по настоящее время) характерно возобновление научного интереса к проблемам научной организации труда в органах расследования преступлений; стремление к разработке теоретических положений и практических рекомендаций НОТ в органах расследования преступлений на основе накопленного эмпирического материала и творческого использования знаний базовых наук в данной области. На сегодняшний

день, благодаря научному вкладу ряда ученых, достигнуты результаты, которые позволяют констатировать становление и дальнейшее поступательное развитие данной отрасли знания.

Наиболее значимыми в области НОТ следователя являются работы основоположников отечественной криминалистики: Р.С. Белкина, В.Д. Зеленского, В.Е. Коноваловой, А.И. Михайлова, Н.И. Порубова, Л.А. Соя-Серко, А.Б. Соловьева, В.В. Степанова и других ученых.

Отдельные вопросы научной организации труда следователя были рассмотрены в криминалистических исследованиях И.Л. Авраменко, С.В. Кобылинской, В.Г. Кравченко, С.А. Кучерука, И.П. Можяевой, О.Г. Терзийского и других авторов.

Криминалистические и управленческие проблемы научной организации труда как органов расследования преступлений, так и органов внутренних дел являлись постоянным объектом дискуссий среди ученых. Так, Г.Г. Зуйков разрабатывал методологические основы научной организации управления и труда в органах внутренних дел. А.К. Гаврилов, М.П. Гутерман, Г.Ф. Горский, А.П. Ипакян, И.И. Колесников, Ю.А. Кукушкин, Н.И. Кулагин, А.А. Модогоев, Б.Я. Петелин, Г.А. Туманов и другие ученые исследовали отдельные положения научной организации труда в органах внутренних дел. Отметим, что вышеуказанные ученые НОТ в органах расследования преступлений исследовали, в основном, с позиций управленческой деятельности.

Анализ современного состояния НОТ следователя и тенденции развития данной отрасли научного знания в будущем позволяют констатировать следующее.

1. В науке и на практике при рассуждении о проблемах научной организации труда следователя принято использовать термины «труд» и «деятельность». Между тем эти категории, хотя и близкие, но не тождественные. Иногда они рассматриваются как однопорядковые понятия. [6, с.с. 159, 802]. Поэтому выяснение их сущности имеет непосредственное значение для правильного наименования рассматриваемой области научного знания.

Для установления ясности в используемых терминах и с учетом современных представлений о деятельности в органах расследования преступлений следует вместо наименования «научная организация

труда следователя» и его аббревиатуры «НОТ следователя» использовать термин «научная организация деятельности следователя» и соответственно «НОД следователя». Данная терминологическая конструкция обосновывается путем уяснения сущности и соотношения понятий «труд» и «деятельность» [2, с.7-16].

2. Актуальность, сложность и многоплановость криминалистических проблем НОД следователя, теоретическая и практическая значимость возникающих в связи с этим вопросов обусловили интерес к ним со стороны ученых и практиков, разработки которых, безусловно, имеют немаловажное значение. Однако исследователи останавливались лишь на отдельных аспектах НОД следователя, зачастую рассматривая их с управленческих позиций; обобщение теории и практики проводилось разрозненно, бессистемно.

Одной из причин сложившейся ситуации является отсутствие научно обоснованных рекомендаций по организации расследования преступлений и научной организации деятельности следователя (НОД следователя), отвечающих современным условиям. Отдельные разрозненные исследования НОД следователя являются малоэффективными, в связи с чем не будут способствовать оптимизации процесса расследования преступлений с целью повышения его результативности.

3. Научная организация деятельности следователя - проблема многоаспектная и многоуровневая. В ее основу заложен комплекс знаний - эргономических, экономических, социальных, психологических, физиологических, правовых, управленческих, криминалистических и др.

Ученые выделяют базовый и отраслевой уровни научной организации труда. Общая теория научной организации труда является базовой, рекомендации НОТ могут использоваться с учетом специфики трудовой деятельности и ее социальных аспектов в многочисленных отраслях других научных знаний. Это закономерно, так как в любой сфере деятельности рационально организованный труд обеспечивает ее эффективность. Деятельность по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений здесь не является исключением.

4. Применительно к научной организации деятельности следователя как отрасли научного знания и практической деятельно-

сти целесообразно выделять управленческий и криминалистический уровни.

Управленческий уровень научной организации деятельности в органах расследования преступлений неразрывно связан с воздействием на сознание и волю управляемого объекта (следователя, дознавателя) со стороны субъекта управления (руководителя органа расследования преступлений). Данный уровень также характеризует деятельность руководителей указанных органов по упорядочению процесса труда как подразделения в целом, так и отдельного сотрудника.

С точки зрения управления научная организация деятельности в органах расследования преступлений нацелена на обеспечение эффективности деятельности и, как следствие, - на принятие важнейших организационных и управленческих решений, направленных на ее совершенствование. На данном уровне также решается актуальная задача по выработке оптимальной системы деятельности, удовлетворяющей потребностям практики.

Криминалистический уровень научной организации деятельности в органах расследования преступлений непосредственно связан с персональным уровнем и характеризуется интенсификацией работы отдельного сотрудника, которая обеспечивается и контролируется непосредственно самим следователем (дознавателем). На данном уровне разрабатываются и совершенствуются рекомендации по повышению эффективности индивидуальной деятельности.

Исследование на криминалистическом уровне теоретических и практических вопросов научной организации деятельности в органах расследования преступлений, что должно обеспечить выработку наиболее эффективных научно-практических рекомендаций по совершенствованию организации процесса выявления, расследования и предупреждения преступлений.

5. Несмотря на то, что учеными-криминалистами также предпринимались попытки изучения рассматриваемой нами проблемы и были сформулированы отдельные положения НОД следователя, до настоящего

времени не оформлена криминалистическая концепция научной организации деятельности следователя, на основе которой возможно разработать рекомендации по совершенствованию выявления, расследования и предупреждения преступлений.

В частности, такое состояние проблемы обусловило то, что на сегодняшний день существует много неразрешенных вопросов и спорных положений, требующих выработки единого подхода, а именно:

- в криминалистических исследованиях не определена тенденция развития НОД следователя как отрасли научного знания и как практической деятельности;

- остро дискуссионными являются вопросы, связанные с понятием и криминалистической сущностью НОД следователя;

- не разработана современная криминалистическая концепция методологических основ НОД следователя, отражающая систему внутренних связей учения и дальнейшего его развития;

- отсутствует комплекс криминалистических рекомендаций по внедрению наиболее эффективных, отвечающих современным требованиям науки и практики положений НОД следователя;

- в современных условиях криминалистические рекомендаций по совершенствованию отдельных положений научной организации деятельности следователя теоретически не обобщены и не имеют единой системы, что создает некоторые трудности в методологическом осмыслении проблем их познания, выработке научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию эффективности деятельности следователя.

В этой связи выявление закономерных тенденций генезиса научной организации деятельности следователя будет способствовать формированию криминалистической концепции НОД следователя, что должно обеспечить выработку наиболее эффективных научно-практических рекомендаций, отвечающих современным социально-экономическим и правовым условиям по совершенствованию выявления, расследования и предупреждения преступлений.

Библиографический список:

1. Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе / Под ред. проф. Г.Х. Попова; пер. с польск. Л.В. Васильева и В.И. Соколовского. М.: Экономика, 1975. 271 с.
2. Можяева И.П. Основы научной организации деятельности следователя. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2012. 176 с.
3. Научная организация и нормирование труда в машиностроении: уч. пос. для вузов. М., 1975.

4. Научная организация управления органами внутренних дел / Под ред. Г.Г. Зуйкова. М., 1984. С.232.
5. Новожилов С.С. Физиология и психология труда - научная основа дальнейшего совершенствования его организации / Психофизиологические и эстетические основы НОТ. М., 1971.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
7. Порубов Н.И. Научная организация труда следователя. Минск, Вышэйшая школа, 1970. 264 с.
8. Порубов Н.И. Полвека с криминалистикой против криминала: записки старого криминалиста. Минск: Тесей, 2007. 416 с.
9. Рекомендации Всесоюзного совещания по организации труда (26-29 июня 1967 г.). М., 1967.
10. Рекомендации Всесоюзной научно-практической конференции «Проблемы научной организации труда в научно-исследовательских учреждениях, конструкторских, технологических, проектных и изыскательских организациях в свете решений XXV съезда КПСС». М., 1979.

Forensic science, organization of criminal investigation, the scientific organization of the activities of the investigator, the scientific organization of labor inspector.

This article describes the historical perspective the process of formation and development of the theoretical principles of the scientific organization of labor, as well as their integration into the practical activities of the criminal investigation. Designated theoretical problems of the scientific organization of forensic investigators as part of the doctrine of the organization of crime investigation. The author's vision of further development of questions of the scientific organization of the investigator.

Рецензенты:

Мешков В.М., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

Шмонин А.В., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России.

СЕМЧЕНКОВ И.П.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского
филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
postmaster@ptskl.baltnet.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ С АЛЬТЕРНАТИВНЫМ УМЫСЛОМ**

**SEMCHENKOV I.
ACTUAL PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES,
COMMITTED WITH AN ALTERNATIVE INTENT**

Преступление, квалификация преступлений, состав преступления, умысел, альтернативный умысел.

В статье рассматриваются три точки зрения, высказываемые в литературе относительно квалификации преступлений с альтернативным умыслом.

В ряду специальных разновидностей умысла отдельное место занимает умысел определенный (*dolus determinatus*), который, в свою очередь, может быть простым или альтернативным (*dolus alternativus*). Особенность альтернативного умысла заключается в том, что лицо, совершающее преступное деяние, предвидит вероятность наступления одного из нескольких конкретизированных в его сознании преступных последствий, и воля его в равной мере направлена на причинение любого из них. Если иметь в виду только интеллектуальный момент альтернативного умысла, то он характеризуется тем, что лицо предвидит нескольких вариантов преступных последствий, однако какое именно из них наступит, точно не знает. В качестве примера преступления, совершаемого с альтернативным умыслом, практически повсеместно приводится ситуация, в которой виновный предвидит, что в результате его деяния может наступить либо смерть, либо тяжкий вред здоровью.

Вопрос об уголовно-правовой оценке преступлений, совершаемых с альтернативным умыслом, в теории уголовного права освещается достаточно противоречиво и является дискуссионным. К настоящему времени данная дискуссия обострилась настолько, что характеризуется наличием уже трех различных точек зрения, предлагающих свои собственные варианты квалификации такого рода деяний. И это при том, что ряд авторов от публичных высказываний по данному поводу предпочитает воздерживаться [1, 2].

По мнению представителей первой точки зрения, до недавнего времени считав-

шейся общепринятой, квалификация преступлений, совершаемых с альтернативным умыслом, должна производиться *по направленности умысла с учетом наиболее тяжкого варианта альтернативно предвидимых лицом последствий* [3, 4, 5]. Для данного правила квалификации ключевой момент - это наиболее тяжкий вариант альтернативно предвидимых последствий. При наступлении наиболее тяжкого из альтернативно предвидимых последствий содеянное квалифицируется как соответствующее оконченное преступление. В случае, если наиболее тяжкие из альтернативно предвидимых последствий не наступили, содеянное квалифицируется как покушение на причинение наиболее тяжких из альтернативно предвидимых последствий, причем независимо от того, какой именно менее тяжкий вред был причинен. Какой-либо реальный вред может вообще не причиняться, квалификация деяния от этого нисколько не изменится. И в этом случае содеянное необходимо будет квалифицировать как покушение на причинение наиболее тяжкого варианта альтернативно предвидимых последствий.

Так, если иметь в виду упомянутую ситуацию, в которой лицо предвидит наступление либо смерти, либо тяжкого вреда здоровью, то в случае причинения тяжкого вреда здоровью содеянное должно быть квалифицировано не как оконченное причинение тяжкого вреда здоровью, а как покушение на убийство [5].

По нашему мнению, хотя в литературе это специально и не оговаривается, в основе подобного решения вопроса лежит тот

факт, что при совершении преступления с альтернативным умыслом лицо проявляет альтернативную общественную опасность в виде способности умышленного причинения любого из альтернативно предвидимых последствий. Для того чтобы обеспечить возможность достижения целей уголовного наказания, из этой альтернативной общественной опасности нас интересует прежде всего наиболее высокая степень проявленной лицом общественной опасности, т.е. его способность причинять именно наиболее тяжкие из альтернативно предвидимых последствий. Однако для этого необходимо отразить эту наиболее высокую общественную опасность в уголовно-правовой оценке содеянного, т.е. в квалификации, а это возможно только в том случае, если уголовно-правовая оценка деяния будет производиться по направленности умысла с учетом наиболее тяжкого варианта альтернативно предвидимых лицом последствий.

На практике это выглядит следующим образом. Если лицо, совершающее преступление с альтернативным умыслом, в равной степени предвидит возможность или причинения тяжкого вреда здоровью, или причинения смерти, то оно в равной мере проявляет свою способность как к причинению тяжкого вреда здоровью, так и к причинению смерти. В данной ситуации при уголовно-правовой оценке общественной опасности самого виновного приоритетное значение имеет его способность умышленного причинения смерти, т.е. способность убивать. Из этого следует, что при наступлении смерти содеянное необходимо квалифицировать как убийство, и, если смерть не наступила, - как покушение на убийство. Только так представляется возможным отразить при уголовно-правовой оценке и соответственно учесть при назначении наказания общественную опасность виновного в виде его способности совершать убийство.

Если же в основу квалификации положить предвидение возможности причинения тяжкого вреда здоровью, то такая оценка будет указывать лишь на способность лица причинять тяжкий вред здоровью. В результате окажется невозможным применение к виновному адекватного по строгости уголовного наказания, необходимого для исправления лица, обладающего способностью совершать убийство.

Из этого следует, что традиционное правило квалификации содеянного с аль-

тернативным умыслом есть не оторванное от действительности наукообразное положение, а рожденное самой жизнью правило, дающее шанс в наиболее полном объеме достичь предусмотренных уголовным законом целей уголовного наказания. Если бы к настоящему времени данного правила по каким-либо причинам не существовало, его всё равно следовало бы сформулировать, и это было бы неизбежным.

Долгое время против указанного традиционного подхода к квалификации деяний с альтернативным умыслом никто не возражал, по этому же пути уголовно-правовой оценки содеянного шла и практика, производившая квалификацию с учетом наиболее тяжкого варианта предвидимых виновным последствий. Вместе с тем в последние годы в литературе все более часто стала встречаться иная точка зрения, в соответствии с которой «при покушении на преступление с альтернативным умыслом содеянное квалифицируется как покушение на преступление, наименьшее по степени тяжести» [6]. Фактически это означает квалификацию деяний с альтернативным умыслом с учетом наименее тяжкого варианта из альтернативно предвидимых виновным последствий.

Первое, что обращает на себя внимание в данной связи, - это игнорирование того очевидного обстоятельства, что лицо, совершающее деяние с альтернативным умыслом, например с предвидением причинения тяжкого вреда здоровью или смерти, проявляет в этом деянии свою способность причинять наиболее тяжкий вариант предвидимых последствий, в нашем примере - это способность причинять смерть, которая (способность) является более общественно опасной, нежели способность причинять только тяжкий вред здоровью.

Во-вторых, что закономерно следует из первого, в результате применения рассматриваемого «нового» правила квалификации «по наименее тяжкому варианту альтернативно предвидимых последствий» оказывается невозможным отразить при уголовно-правовой оценке и соответственно учесть при назначении наказания отмеченную повышенную общественную опасность лица в виде его способности убивать. Это, в свою очередь, не позволяет применить к виновному требуемые для его исправления более строгие меры уголовного наказания, а значит, не позволяет и эффективно воздействовать на виновного в целях как его

исправления, так и предупреждения совершения им новых преступлений.

Чем же обусловлено подобное изменение подхода к уголовно-правовой оценке деяний с альтернативным умыслом? Сторонники приведенного нового подхода к квалификации содеянного с альтернативным умыслом сами поясняют это следующим образом: «В данной ситуации действует правило, согласно которому все сомнения, в том числе и в части квалификации деяния, толкуются в пользу виновного» [6].

Как следует из данного высказывания, его автор упоминает в нем ситуацию, которую называет «сомнения в квалификации». Однако в чем именно состоит уголовно-правовой характер данной дилеммы? Сам автор эту дилемму с точки зрения уголовного права ситуативно никак не характеризует, по причине чего вопрос о том, какие именно сомнения в квалификации он имеет в виду, остается без ответа.

Между тем вопрос этот поставлен нами неслучайно. Собственное исследование, предпринятое с целью поиска ответа на данный вопрос, показывает невозможность самого факта возникновения такого рода ситуации «сомнений в квалификации». Пример остается прежним: лицо, альтернативно предвидя в равной степени и причинение смерти, и причинение тяжкого вреда здоровью, в итоге причиняет тяжкий вред здоровью. В основе уголовно-правовой оценки подобного рода посягательства должно лежать понимание того, что лицо при совершении данного покушения объективирует вовне свои способности и убивать, и причинять тяжкий вред здоровью. Наиболее высокая степень общественной опасности, проявленная при этом, выражается, конечно же, в способности лица совершать убийство. Для достижения целей наказания к виновному, естественно, необходимо применить такое наказание, которое обычно применяется к способным убивать. Следовательно, уголовно-правовая оценка содеянного должна содержать в себе какое-либо указание на способность лица совершать убийство. В рамках существующей юридической техники эта задача отражения (правовой фиксации) способности убивать производится путем квалификации содеянного как покушения на убийство.

Так о каких же сомнениях в квалификации деяний с альтернативным умыслом при этом можно вести речь? По нашему глу-

бокому убеждению, ни о каких: с одной стороны, имеется доказанный альтернативный умысел, с другой стороны, - соответствующее, никем не опровергнутое научно обоснованное правило квалификации «с учетом наиболее тяжкого варианта альтернативно предвидимых виновным последствий».

Что же касается нового подхода, предлагающего производить квалификацию деяний с альтернативным умыслом по наименее тяжкому варианту предвидимых последствий, то данная позиция представляется не только ничем не подкрепленной, но и создающей существенные препятствия на пути достижения целей уголовного наказания. При этом не спасает эту точку зрения от подобной оценки и попытка её авторов прибегнуть к процессуальным аспектам.

Как показывает анализ последней из приведенных цитат, ее автор вначале апеллирует к известному процессуальному правилу «толкования всех сомнений в виновности обвиняемого в его пользу», а затем расширяет сферу применения (границы) этого правила, включая в него тезис о том, что в пользу виновного также должны толковаться сомнения и в квалификации содеянного: «...действует правило, согласно которому все сомнения, в том числе и в части квалификации деяния, толкуются в пользу виновного» [6].

В данной связи обращает на себя внимание попытка эклектического смешения процессуальных и уголовно-правовых аспектов, что, по нашему мнению, в принципе является недопустимым хотя бы уже потому, что нормы и теоретические положения материального и процессуального права имеют различные цели, задачи и соответствующие им различные средства. Нормы, теоретические положения и инструментарий материального уголовного права предназначены для уголовно-правовой оценки содеянного и регламентации вопросов применения мер уголовно-правового характера. Нормы же, теоретические положения и инструментарий уголовно-процессуального права по своему основному предназначению призваны обеспечивать практическую реализацию норм уголовного права, т.е., иными словами, являются средством решения задач уголовного права.

В контексте рассматриваемого вопроса это означает, что уголовный процесс только доказывает, уголовное право только оценивает, и никакого их смешения здесь не происходит и происходить не может в принципе.

Иными словами, при наличии сомнений относительно того, какая из специальных разновидностей умысла имела место, возникает исключительно процессуальная проблема относительно того, какой умысел полагать доказанным, а не уголовно-правовая дилемма уголовно-правовой оценки содеянного. И браться за решение данной процессуальной задачи при помощи средств уголовного права представляется неуместным и недопустимым. Решать эту процессуальную задачу необходимо, используя процессуальные средства.

Более подробно это выглядит следующим образом. Например, виновный умышленно причинил тяжкий вред здоровью, но в процессе расследования так и не удалось установить, что именно он предвидел: то ли предвидимые последствия носили неопределенный характер, то ли виновный предвидел их альтернативу в виде смерти или тяжкого вреда здоровью. В подобной ситуации возникает процессуальное сомнение в виновности лица, которое с процессуальной же точки зрения должно толковаться в пользу обвиняемого. Но как определить, какой вариант предвидения является для обвиняемого более выгодным, если ни теория, ни нормы уголовного процесса для этого не предназначены? В данной ситуации возникает необходимость обратиться к уголовному праву.

В уголовном праве умысел, характерный для первого варианта предвидения, принято называть неопределенным, а для второго - альтернативным.

В соответствии с существующими в теории уголовного права правилами квалификации уголовно-правовая оценка содеянного с неопределенным умыслом производится по фактически наступившим последствиям. В приведенном примере - это тяжкий вред здоровью. Следовательно, при наличии неопределенного умысла лицо необходимо привлекать за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

Квалификация деяний с альтернативным умыслом производится по направленности умысла с учетом наиболее тяжкого варианта предвидимых виновным последствий. Это предполагает привлечение виновного к уголовной ответственности не за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, а уже за покушение на убийство.

С точки зрения уголовного права первый вариант предвидения, т.е. умысел неопределенный, является для виновного более

выгодным, так как при этом в квалификации будет отражена его общественная опасность в виде способности причинять тяжкий вред здоровью, но не совершать убийство.

На этом компетенция уголовного права оканчивается. И объясняется это не только тем, что инструментарий, необходимый для устранения сомнений в фактических подлежащих доказыванию обстоятельствах, у него отсутствует. Прежде всего, здесь следует помнить о том, что к уголовному праву мы обращались не для решения вопроса об устранении сомнений в виновности лица, а лишь для предварительной оценки двух вариантов умысла, что было необходимо в рамках решения рассматриваемой процессуальной задачи. Поэтому после определения наиболее выгодного для виновного варианта предвидения необходимо вновь вернуться к процессуальной задаче в виде определения того, умысел какого содержания следует считать доказанным и предъявлять в обвинении.

С процессуальной точки зрения данный вопрос решается в соответствии с ч.3 ст.49 Конституции РФ и ч.3 ст.14 УПК РФ, где говорится о том, что все неустранимые сомнения в виновности толкуются в пользу обвиняемого. Следовательно, в обвинении необходимо полагать доказанным, что лицо, фактически причинившее тяжкий вред здоровью, имело неопределенное представление о возможных последствиях совершаемого преступления (неопределенный умысел).

Между тем на этом оканчивается компетенция теперь уже уголовного процесса, и в дело вступает уголовное право, которое, давая оценку доказанному содержанию умысла, квалифицирует содеянное как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. После этого снова наступает черед уголовного процесса, но уже со своими задачами, и так далее. При этом, какой бы вопрос мы ни рассматривали, алгоритм будет всегда один и тот же: уголовное право и уголовный процесс, сменяя друг друга и решая свои специфические задачи, все равно никогда не пересекаются.

Данный анализ демонстрирует не только неубедительность, но и недопустимость использования для решения вопросов уголовного права процессуального принципа «все сомнения в виновности толкуются в пользу обвиняемого».

Таким образом, подводя итоги рассмотрения второй точки зрения, согласно кото-

рой квалификация деяний с альтернативным умыслом производится по наименее тяжкому варианту предвидимых последствий, в качестве вывода необходимо отметить, как минимум, два момента.

Во-первых, данный «новый» подход к уголовно-правовой оценке деяний с альтернативным умыслом является ничем не обоснованным и берущим свое начало из недопустимого эклектического смешения уголовно-правовых и уголовно-процессуальных аспектов. Фактически это не что иное, как попытка решить уголовно-процессуальную задачу уголовно-правовыми средствами.

Во-вторых, применение этой точки зрения создает существенные препятствия для достижения целей уголовного наказания.

В соответствии с еще одной (третьей) из высказываемых в литературе точек зрения, преступления, совершаемые с альтернативным умыслом, следует квалифицировать в зависимости от наступивших последствий [7, 8]. На практике это означает, что если лицо альтернативно предвидело и наступление смерти и причинение тяжкого вреда здоровью, но в результате был причинен тяжкий вред здоровью, то, согласно данному правилу уголовно-правовой оценки «по фактически наступившим последствиям», содеянное надлежит квалифицировать не как покушение на убийство, а как оконченное причинение тяжкого вреда здоровью.

Совершенно очевидно, что такая позиция, точно так же, как и предыдущая из рассмотренных выше точек зрения, не учитывает проявленную виновным способность причинять смерть (убивать) и, как следствие, не позволяет применить к виновному необходимые по строгости меры уголовно-правового воздействия. В результате реализация целей уголовного наказания и в этом случае оказывается под угрозой.

Принимая во внимание все вышеизложенное, представляется целесообразным вернуться к традиционному подходу к квалификации деяний с альтернативным умыслом, т.е. производить их уголовно-правовую оценку с учетом наиболее тяжкого варианта предвидимых виновным последствий. Однако применять данное правило квалификации следует только в тех случаях, когда будет доказано, что умысел виновного был именно альтернативным. Если же относительно наличия альтернативного умысла будут иметь место сомнения, то их надлежит устранять исключительно по процессуальным прави-

лам, никоим образом не пытаясь смешивать решение этой процессуальной задачи с вопросами квалификации содеянного.

Что же касается рассмотренных выше нетрадиционных подходов к уголовно-правовой оценке преступлений с альтернативным умыслом, то «виновником» в этом смысле, по нашему мнению, является сам зачастую встречающийся в практике и очень сложный в плане доказывания пример, в котором лицо предвидит либо тяжкий вред здоровью, либо смерть.

Между тем данный пример является далеко не единственным, и, помимо него, существует множество иных ситуаций, в которых раскрывается специфика преступлений, совершаемых с альтернативным умыслом. Сущность этих деяний всегда одна и та же: это совершение лицом таких действий, в которых он проявляет альтернативу своей общественной опасности.

Так, если воры-домушники похитят из квартиры картину, затрудняясь в решении вопроса относительно того, представляет она собой особую художественную ценность или нет, и, имея в виду возможность уточнить этот момент позже, то их деяние вне всяких сомнений должно быть признано совершенным с альтернативным умыслом: либо это хищение картины, которая не представляет собой особой художественной ценности, либо это хищение картины, которая указанной особой ценностью обладает. Согласно традиционному правилу квалификации деяний с альтернативным умыслом, совершенное ими преступление в части хищения данной картины должно получить уголовно-правовую оценку с учетом наиболее тяжкого варианта альтернативно предвидимых последствий, т.е. с применением ст.164 УК РФ «Хищение предметов, имеющих особую ценность». В случае, если картина окажется особо ценной, содеянное должно быть квалифицировано как оконченное преступление, если же нет, - то как покушение на хищение предметов, имеющих особую ценность.

Если грабитель получит у бармена наводку о клиенте, которому в дипломате передали сто тысяч, и попытается уточнить, о какой валюте идет речь (о рублях или долларах, евро), но не получит ответа, то совершенный впоследствии грабеж также необходимо будет рассматривать как совершенный с альтернативным умыслом, который был в равной мере направлен на хищение данной суммы как в рублях, так и в долларах

или евро. Согласно действующих редакций ст.161 УК РФ и примечания к ст.158 УК РФ, а также с учетом нынешних курсов доллара и евро по отношению к рублю, грабеж ста тысяч долларов или евро следует квалифицировать по п. «б» ч.3 ст.161 УК РФ, т.е. как грабеж, совершенный в особо крупном размере. Применяя традиционное правило квалификации преступлений с альтернативным умыслом, содеянное в любом случае надлежит квалифицировать, используя в качестве основания уголовно-правовой оценки именно п. «б» ч.3 ст.161 УК РФ. Поэтому если в дипломате окажутся доллары или евро, деяние необходимо будет признать оконченным грабежом в особо крупном размере, если же

рубли, - то покушением на совершение данного преступления.

Аналогичным образом следует производить квалификацию содеянного и в иных случаях наличия доказанного альтернативного умысла, которых на практике встречается достаточно большое количество.

Таким образом, всё вышеизложенное позволяет сделать вывод о необоснованности и недопустимости отказа от традиционного правила уголовно-правовой оценки преступлений с альтернативным умыслом, в соответствии с которым квалификация такого рода преступных деяний производится с учетом наиболее тяжкого варианта альтернативно предвидимых виновным последствий.

Crime, qualification of crimes, the crime, intent, intent alternative.

The article examines three points of view expressed in the literature about the qualification of crimes with an alternative intent.

Библиографический список:

1. Упоров И.В., Грошев А.В. Уголовное право. Общая часть: краткий учебный курс. Р-н-Д: Феникс, 2006. С.140.
2. Пионтовский А.А. Курс уголовного права в 6-ти т. Т.2. Часть Общая. Преступление. М.: Изд-во «НАУКА», 1970. С.309-310.
3. Селезнев М. Умысел как форма вины // Российская юстиция. 1997. №3. С.11.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Ю.Н. Скуратова и В.М. Лебедева. М., 1996. С.41.
5. Красиков Ю.А. Субъективная сторона преступления / Уголовное право России: Учебник для вузов. В 2-х т. Т.1. Общая часть. М.: НОРМА - ИНФРА-М. 1998. С.189.
6. Гаухман Л.Д.. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2005. С.155.
7. Семернева Н.К. Субъективная сторона состава преступления / Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов. М.: ИНФРА-М - НОРМА, 1997. С.190-191.
8. Тяжкова И.М. Субъективная сторона преступления / Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении: Учебник для вузов. М.: ЗЕРЦАЛО, 1999. С.317.

Рецензенты:

Дрыженко Д.Б., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

Соколова О.В., кандидат юридических наук, доцент, помощник начальника Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России по правовой работе.

КОЗАЕВ Н.Ш.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права
юридического факультета СОГУ им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ)
nkosaev@mail.ru

**ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОТИВОПРАВНОЕ
ПРИМЕНЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

KOZAEV N.

**RESPONSIBILITY ISSUES FOR THE UNLAWFUL PRODUCTION
TECHNOLOGIES USE IN THE CRIMINAL LAW OF FOREIGN COUNTRIES**

Производственные технологии, ресурсы, природная среда, уголовно-экологическое право, продовольственная безопасность.

Статья посвящена проблеме отражения современных производственных технологий в уголовном законодательстве зарубежных стран. Показаны основные тенденции в установлении уголовно-правового запрета в различных государствах в связи с необходимостью обеспечения общественной и экологической безопасности.

В условиях интенсификации научно-технического прогресса всё большую озабоченность международного сообщества вызывают вопросы противодействия неправомерному использованию производственных технологий. Особую значимость такое направление приобретает в условиях глобализации. Реакцией на такую озабоченность стала не только научная полемика, но и создание Концепции устойчивого развития, претерпевшей к сегодняшнему дню несколько редакций [3].

В ходе анализа уголовного законодательства зарубежья выявлены следующие тенденции регулирования ответственности в сфере существования производственных ресурсов.

Во-первых, для большинства современных зарубежных стран традиционно выделение в число самостоятельных разделов о преступлениях, представляющих общественную опасность; во-вторых, уголовно-правовая доктрина и практика зарубежных стран признают вполне оправданным криминализацию соучастия в неосторожном преступном деянии (неосторожного сопричинения); в-третьих, усиленное внимание иностранного законодателя к регламентации ответственности за экологические преступления и/или проступки и опосредованность деятельности по противодействию преступности в данной сфере работой всевозможных национальных природоохранных органов и организаций; в-четвёртых, признание в качестве видовых (групповых), а чаще

непосредственных объектов преступного деликта довольно «узких» сегментов общественных отношений; в-пятых, расширение сферы «энергетических» явлений, способных считаться предметами преступного посягательства за счёт привлечения в УК деликтов, сопряжённых с атомной, ядерной и т.п. энергией.

Как правило, зарубежное уголовное законодательство имеет в своём арсенале самостоятельный раздел (чаще - несколько), вбирающий нормы о противоправной реализации производственных технологий. Отдельные законодатели группируют такие составы на основе межродового объекта посягательств, которым выступает общественная безопасность (гл.13 УК Швеции; раздел 9 УК Армении, гл.14 Общегражданского УК Норвегии; раздел VII УК Аргентины и др.). Особое место среди них занимает УК Республики Армения 2003 г., где преступления против общественной безопасности - это часть довольно объёмного раздела 9, охватывающего, помимо всего прочего, и преступления против компьютерной безопасности, общественного порядка и нравственности, здоровья населения (в общей сложности более 60 составов). Между тем деяния, посягающие на безопасность окружающей среды, выведены в отдельный 10 раздел [11].

Однако чаще всего положения об ответственности за преступные деяния техногенного характера аккумулируются в тексте уголовного закона, исходя из особенностей родового объекта. Так, большинство зару-

бежных стран в своих УК вычленяют отдельные главы, посвященные деликтам, причиняющим вред или создающим опасность его причинения какой-либо сфере безопасности общества.

В зарубежном уголовном праве признана возможность ответственности за неосторожное соучастие (совместное сопричинение) в преступлении или проступке. Такая конструкция обнаруживает себя, например, в УК Республики Сан-Марино (ст. 73), который различает соучастие (при умысле) и сопричинение (при неосторожной форме вины), несмотря на то, что обе категории охватываются единым разделом о соучастии большого числа лиц [15, с.70]. УК Швеции, Польши, США менее осторожно относятся к формулировке соучастия без привязки к форме вины [4, с.227-228]. Большинство остальных зарубежных государств исходят из возможности только умышленного совершения преступного деяния в соучастии.

Учитывая огромную опасность производственных технологий, законодатели практически повсеместно закрепили круг общественно опасных деяний, посягающих на нормальное функционирование окружающей природной среды и её отдельных компонентов в уголовных законах. В ряде государств обособляется довольно специфическая совокупность юридических норм и правил - уголовно-экологическое право. Исходным посылом здесь выступает факт того, что наибольший вред для окружающей среды причиняет преобразующая деятельность не преступника-одиночки, а коллектива, занятого в какой-либо сфере производства. Отсюда закономерен вывод: уголовно-экологическое право - прежде всего, отрасль, регулирующая ответственность предприятий. Классическим примером признания такой отрасли права можно считать Германию [6, с.75-76].

Нынешняя природная среда сталкивает человека с возрастающими, ранее не известными, ещё большими рисками. Как правильно замечает О.И. Тюкульмина, неотъемлемой чертой современного переходного общества становится его рискогенность [8, с.141]. Более того, научные изыскания множества исследователей фокусируются на проработке концепции «Общества риска», заложенной в 1980-е годы английским социологом Э. Гидденсом и немецким социальным философом У. Беком [1; 2; 18]. Авторы исходят из того, что переход от

традиционного индустриального общества к «обществу риска» в немалой степени сопряжён с конфликтом между локальными и глобальными явлениями, когда попытки локального контроля риска неизбежно терпят фиаско из-за расширения риска за пределы национальных (государственных) границ. По образному выражению У. Бека, «перед лицом глобального, не признающего национальных границ перемещения ядовитых веществ жизнь травинки в баварском лесу зависит в конечном счете от заключения и выполнения международных соглашений» [1, с.14].

Проблемы уголовно-экологического права опосредованы ещё и так называемым эффектом кумуляции, при котором причинение вреда окружающей среде характеризуется действиями многих лиц. А поскольку традиционное уголовное право анализирует ситуации с немногими участниками и оказывается неготовым к совместным преступлениям [6, с.с. 75-76, 80], на передний план выдвигается дискуссия об уголовной ответственности юридических лиц. Напомним, что для отечественной уголовно-правовой доктрины эта проблема выступает сейчас одной из приоритетных тем научного общения в связи с резонансным обсуждением подготовленного Следственным Комитетом РФ проекта ФЗ о введении института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц [5].

В рамках зарубежной науки и практики можно вычленить несколько моделей привлечения юридических лиц к ответственности, применяемой в том числе и за экологические преступления. Во-первых, преступное деяние работника вменяется предприятию. Для этого сначала необходимо установить индивидуальную степень вины деятеля, а уже потом предприятие несёт ответственность (Испания, Франция, Дания, Финляндия и др.). Вторая модель предполагает, что недостатки организации производственного процесса способствовали совершению деликта, и, следовательно, ответственность возлагается на предприятие (США, Австралия). В третьей группе считается, что предприятие - источник опасности, в связи с чем осуществление этой опасности автоматически вменяется предприятию (Польша, Швейцария).

В контексте обсуждаемых вопросов крайне актуальным выглядит проблемный комплекс «административная аксессуарность

уголовного права». В отдельных странах экологические преступления наказуемы и с позиций норм уголовных законов, и с точки зрения административной юрисдикции. При этом, как, например, в ФРГ, при создании опасности подлежащей защите территории (§239 УК) достаточным является нарушение определённого правового предписания [5, с.496-498]. В УК стран, легализовавших институт административной преюдиции в уголовном праве, экологическое деяние приобретает статус уголовно-наказуемого при совершении его в течение определённого времени (чаще - в течение года) после применения административных санкций за такое же нарушение. Такую конструкцию, в частности, использует УК Республики Беларусь в ряде статей главы 26 «Преступления против экологической безопасности и природной среды» (ст.271 «Нарушение правил охраны недр», ст.272 «Загрязнение либо засорение вод», ст.274 «Загрязнение атмосферы», ст.275 «Загрязнение леса» и др.) [12, с.307-327].

Охрана окружающей природной среды за рубежом традиционно находится в сфере полномочий исполнительных органов или, как принято говорить, «полицейской власти». Вместе с тем такая деятельность в странах дальнего зарубежья строится большей частью на основе различных программ. К тому же во многих государствах эта сфера опосредована работой многочисленных правительственных и неправительственных организаций. В этом смысле представляет интерес опыт США и Финляндии.

В США в целях централизации управления и осуществления выполнения главных федеральных природоохранных программ в 1970 г. было создано Агентство охраны окружающей среды США (ЭПА). За время существования ЭПА определило стандарты качества для опасных загрязнителей воздуха, стандарты для выбросов двигателей для всей страны (исключая Калифорнию, где предусмотрен более строгий контроль), нормы для токсичных загрязнителей и т.д. Кроме того, ЭПА обладает возможностью реагировать на нарушение федеральных актов различными методами - от рассылок до наложения крупных административных штрафов и обращений в суд в целях прекращения деятельности предприятий. Интересно, что подобные иски рассматриваются федеральной прокуратурой США как уголовные дела, и это последний возможный способ воздей-

ствия на нарушителя [7, 52], что между тем не исключает и подачу гражданских исков.

В Финляндии на основе Резолюции AGN/65/RES/25 Генеральной Ассамблеи Интерпола в 1997 г. создана Национальная рабочая группа по мониторингу экологических преступлений в регионе. В задачи организации входят, к примеру, мониторинг состояния экологической преступности в Финляндии, развитие сотрудничества с контролирующими инстанциями, оказание правовой помощи по вопросам, отнесённым к предметам ведения, и составление ежегодного доклада о состоянии окружающей природной среды и преступности в Финляндии. Мероприятия, проводимые Национальной группой мониторинга, способствовали корректировке УК Финляндии и иного отраслевого законодательства. В последнее время в УК были введены нормы об ответственности за использование ядерной энергии (ст.10), за использование при совершении преступления взрывчатых веществ (ст.11) и др. [19].

Также нельзя не отметить, что объектом преступного посягательства нередко выступает и безопасность в сфере фармакологии. В частности, ст. 200 УК Аргентины устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 10 лет каторжных работ или тюремного заключения в отношении того, кто отравил или подделал опасным для здоровья способом лекарственные вещества, предназначенные для общественного пользования либо потребления коллективом людей. Повышающим общественную опасность обстоятельством является наступление смерти человека [9, с.167-168]. Похожее деяние образует состав незаконной фармацевтической деятельности в УК Литвы (ст.275). Наказанию в виде лишения свободы сроком от 2 до 8 лет подлежит физическое или юридическое лицо, изготовившее без разрешения лекарство или лечебное средство с целью сбыта или сбывшее такие препараты, если их потребление повлекло смерть человека или сильное нарушение здоровья [10, с.344-345].

Наконец, особой заботой ряда зарубежных законодателей пользуется сфера продовольственной безопасности. Выборочный анализ УК стран дальнего зарубежья показал, что нередко законодатель признаёт в качестве группового объекта преступления питьевую воду и/или источники питьевой воды. Например, глава XVI УК Кореи предусматривает различные наказания, самым

суровым из которых являются каторжные работы, за затруднение использования питьевой воды или системы её доставки (ст.ст. 192-193); вмешательство в систему доставки воды (ст.195), а также за причинение смерти или вреда посредством смешивания питьевой воды и яда [14, с.137-139]. Несколько составов, связанных с питьевой водой, её безопасностью для широкого круга людей имеет в своём арсенале УК Аргентины.

Для современной уголовно-правовой доктрины и практики расширение сферы «энергетических» явлений, способных считаться предметами преступного посягательства за счёт привлечения в УК деликтов, сопряжённых с атомной, ядерной и т.п. энергией. В частности, для УК ФРГ знакомы такие предметы преступного деяния, как ядерная энергия, энергия ионизирующего излучения. Предусматривается ответственность не только за создание опасности взрыва при использовании таких видов энергии, но и за злоупотребление ионизирующими лучами, а также их высвобождение (§§ 309, 311). Интерес вызывает и §312, предусматривающий ответственность за изготовление ядерно-технической установки с допущением ошибки. Криминообразующим признаком выступает опасность здоровью или жизни человека или чужим предметам, связанная с воздействием процесса ядерного расщепления или излучением радиоактивного вещества [16, с.466-467].

УК Республики Болгария среди общеопасных преступлений (гл.11) аккумулирует в разделе V преступления, совершённые при использовании атомной энергии в мирных целях. Характерными чертами данной группы преступлений являются: наличие как общего, так и специального (должностное лицо) субъекта деяния; присутствие зачастую двойной формы вины деятеля; вычленение ряда составов опасности (ст.356з) [13, с.255-258].

Любопытно, что уголовное законодательство Японии, несмотря на развитие и широкое применение ядерной энергии, не содержит специальных норм, направленных

на обеспечение безопасности в данной сфере [17]. На примере недавних трагических событий на АЭС Фукусима очевидным становится тот факт, что никакое техническое совершенство не даёт стопроцентной гарантии его безотказной работы и не исключает «человеческий фактор» в облуживании сложных технических систем.

Таким образом, анализ производственных технологий, нашедших отражение в зарубежном законодательстве, привел нас к следующим выводам:

- законодатели практически всех стран обеспокоены развитием промышленности и иных технологических объектов, которые заключают в себе повышенные эксплуатационные риски;

- данные риски могут быть связаны как с нарушением технологических процессов, так и с халатным отношением к исполнению профессиональных обязанностей обслуживающим персоналом и управленческим звеном, что находит свое отражение в особенностях конструкций составов преступлений;

- зарубежное законодательство, учитывая особенности производственных процессов, признает концепцию неосторожного сопричинения вреда и уголовной ответственности юридических лиц, что представляется возможным взять на вооружение при совершенствовании российского уголовного закона;

- самостоятельный блок проблем, связанных с реализацией производственных технологий, составляют экологические преступления, и здесь вполне разумным и логичным считаем использование некоторыми странами административной преюдиции, что позволяет не применять меры уголовной репрессии;

- некоторые технологически развитые страны, находящиеся в авангарде развития научно-технической мысли, такие, как Япония, пренебрегают уголовно-правовыми средствами, призванными обеспечить безопасность в некоторых сферах производства, что, безусловно, следует отнести к существенным просчетам зарубежных законодателей.

Библиографический список:

1. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Бек У. От индустриального общества к обществу риска (перевод А.Д. Ковалёва) // THESIS. 1994. Вып. 5. С.161-167.
3. Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию: Принята на Всемирной встрече на высшем уровне по устойчивому развитию (Йоханнесбург, Южная Африка, 26 августа - 4 сентября 2002 года) // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_wssd.shtml.

4. Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007.
5. Проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» // URL: <http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=1273>.
6. Ротш Т. Теоретические проблемы уголовно-экологического права - взгляд из Германии // Государство и право. 2007. №2.
7. Тейман С.К. Применение уголовной ответственности в области законодательства об охране окружающей природной среды в США // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1993. №3.
8. Тюкульмина О.И. Проблема экологических рисков современной цивилизации в рамках концепции «общества всеобщего риска» // Известия Томского Политехнического ун-та. 2008. Т.113. №6.
9. Уголовный кодекс Аргентины / Науч. ред. Ю.В. Голика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
10. Уголовный кодекс Литовской Республики / Науч. ред. В. Павилониса. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
11. Уголовный кодекс Республики Армения / Науч. ред. Е.Р. Азаряна, Н.И. Мацнева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
12. Уголовный кодекс Республики Беларусь / Предисл. Б.В. Волженкина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
13. Уголовный кодекс Республики Болгария / Науч. ред. А.И. Лукашова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
14. Уголовный кодекс Республики Корея / Науч. ред. А.И. Коробеева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
15. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино / Науч. ред. С.В. Максимова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
16. Уголовный кодекс ФРГ / Науч. ред. Д.А. Шестакова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
17. Уголовный кодекс Японии / Науч. ред. А.И. Коробеева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
18. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодёжь в обществе риска. М.: Наука, 2003.
19. Environmental offences in Finland 2009-2010: the annual report following the Interpol Resolution AGN/65/RES/25 (Finish National Monitoring Group, Environmental offences) - 30/06/2011 // URL: [http://www.poliisi.fi/poliisi/krp/home.nsf/files/0E1C108120181648C22579C60048A5FD/\\$file/INTERPOL-rap2009_2010v2en.pdf](http://www.poliisi.fi/poliisi/krp/home.nsf/files/0E1C108120181648C22579C60048A5FD/$file/INTERPOL-rap2009_2010v2en.pdf).

Production technologies, resources, natural environment, criminal ecological law, food safety.

The article is devoted to the problem of modern production technologies reflection in the criminal legislation of foreign countries. The main trends in the legal prohibition establishment of the various states because of the need to ensure public and environmental safety are shown.

Рецензенты:

Пилявец В.В., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

Старостина С.А., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры общеправовых дисциплин Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

СВЕТОЧЕВ В.А.,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики
Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
svetochhev@list.ru

О РОЛИ СЛЕДОВАТЕЛЯ-КРИМИНАЛИСТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

SVETOSHEV V.

ON THE ROLE OF THE INVESTIGATOR-CRIMINALIST IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Следователь-криминалист, следователь-эврист, уголовный процесс, криминалистика, алгоритм, алгоритмизация расследования преступлений.

В статье рассматривается следователь-криминалист как участник уголовного судопроизводства России и проблемы его участия в уголовном процессе, а также его роль в раскрытии и расследовании преступлений.

Принятый в 2001 г. УПК РФ и введенный в действие в своей основной части с 1 июля 2002 г. за относительно малое для законодательного акта такого уровня время своего существования претерпел множество всевозможных изменений и дополнений.

Среди ученых занимающихся проблемами уголовно-процессуального характера нет единого мнения о нужности, правильности и достаточности тех или иных изменений, вносимых в УПК РФ. К сожалению, следует констатировать, что большинство предлагаемых изменений подчас «сырые» и недоработанные, что вызывает их двусмысленное толкование или же делает такие нормы «нерабочими» в следственно-судебной практике.

Одной из таких спорных норм следует признать п.40.1 ст.5 УПК РФ, введенный Федеральным законом от 02.12.2008 г. №226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации», закрепивший такую самостоятельную фигуру уголовного судопроизводства, как следователь-криминалист.

В соответствии с п.40.1 ст.5 УПК РФ «следователь-криминалист - должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству».

Введя нового участника уголовного судопроизводства, законодатель по всей видимости забыл или не счел нужным продолжить урегулирование его процессуального

положения, внося соответствующие изменения в главу 6 УПК РФ, где регламентируются участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения, к которым следователь-криминалист, бесспорно, относится.

Такую форму внесения дополнений в УПК РФ, без подробной регламентации, В.П. Божьев справедливо и точно назвал примитивным приемом законодателя, связанным с введением фигуры следователя-криминалиста в систему уголовно-процессуальных отношений «с черного хода» [1, с.5].

Эта «скромная» правовая регламентация новой процессуальной фигуры породила больше вопросов, чем ответов и решений насущных проблем, связанных с раскрытием и расследованием преступлений.

Наиболее подробно уголовно-процессуальные аспекты, связанные с деятельностью следователя-криминалиста (прокурора-криминалиста) в уголовном судопроизводстве, рассмотрены в ряде статей ученых-процессуалистов, среди которых работы В.П. Божьева [1], В.М. Быкова [2], А.В. Гриненко [3], И.П. Пилюшина [4], А.А. Таракановой [5], О.П. Темираева [6], А.В. Тимофеевой [7] и других ученых.

Не останавливаясь на углубленном рассмотрении уголовно-процессуальных вопросов деятельности следователя-криминалиста, полагая, что проблемные аспекты всесторонне раскрыты в указанных и иных аналогичных работах ученых-процессуалистов, рассмотрим другие спорные теоретические моменты введений «новых процессуальных фигур».

Так, Е.П. Ищенко и Н.Б. Водянова вновь акцентируют внимание на «насущной проблеме современной криминалистики»

[8, с.64-65], которую мы также неоднократно обозначали в своих работах [9, с.64-65], связанной с реальной возможностью криминалистики превратиться в «науку ради науки», когда разработки ученых-криминалистов остаются лишь научными, а их результаты и рекомендации не отвечают требованиям практики.

Несмотря на то, что эта насущная проблема криминалистики не такая уж современная, так как она поднималась более десяти лет назад профессором Р.С. Белкиным, но и поныне она не решена.

Еще в 2001 г. Р.С. Белкин отмечал, что «книжные методики» не могут служить инструментом практической деятельности, так как содержат не требующуюся для практики избыточную информацию [10, с.127].

Несмотря на очевидность решения данной проблемы, а именно предоставления практикам не многотомных и многословных методик и рекомендаций, а кратких и лаконичных алгоритмов, современные исследователи и ученые продолжают делать акцент на теоретической, наукообразной составляющей, в то время как для практического сотрудника требуются незначительные по объему, но содержательно наполненные практические пособия и рекомендации.

Поддерживая мнение Е.П. Ищенко и Н.Б. Водяновой о том, что «алгоритмизация является новой парадигмой расследования» [8, с.63], нам все же трудно согласиться с предлагаемой ими инициативой введения «отсортированных» следователей, образно названных «следователями-эвристами», то есть следователей, которые обладают такими качествами, как развитая профессиональная интуиция и длительный положительный опыт следственной работы [8, с.64-65].

Следователи - эвристы, по мнению Е.П. Ищенко и Н.Б. Водяновой, должны осуществлять расследования атипичных преступлений, т.е. следственные ситуации, которые не соответствуют критериям ранее разработанных алгоритмов их расследования, в связи с чем, по их мнению, оправдывается и пересмотр подследственности. Они будут работать в следственных подразделениях СК России и МВД России на уровне субъектов Российской Федерации, то есть «особо одаренные следователи - на общероссийском уровне» [8, с.65].

Вопрос атипичности совершенного преступления будет решаться системой определенных критериев, в том числе с ис-

пользованием компьютерных программ, или по предоставленному праву руководителем следственного органа, а не самим следователем, что предотвратит необоснованную передачу уголовного дела.

Как полагают авторы, атипичные преступления для криминалистических алгоритмов являются сверхатипичными в их общем понимании, и применения по нему системы алгоритмов застопорилось, и дело передано для расследования следователю-эвристу. Следователь-эврист по окончании расследования уголовного дела о совершении атипичного (сверхатипичного) преступления должен заполнить специальную форму и изложить свое мнение и соображения по существу. Затем такие умозаключения следователя-эвриста направляются в «специализированное научное подразделение по разработке криминалистических алгоритмов», в котором при наличии 3-4 аналогичных атипичных преступлений будет создан соответствующий криминалистический алгоритм расследования. После включения таких алгоритмов в общую систему криминалистических алгоритмов, «критерий атипичности» будет снят, как соответствующий основной части следственной ситуации, и уголовные дела о таких преступлениях начнут расследоваться «обычными» следователями [8, с.65-66].

Довольно сложно, необычно и, как кажется, излишне так усложнять процесс расследования, пусть даже и «сверхатипичных» уголовных дел. Опыт приходит со временем, и сложное уголовное дело «молодому специалисту» вряд ли поручат, а обладать профессиональными навыками, знаниями и умениями, необходимыми для расследования, в том числе и развивать интуицию, а также другие необходимые для раскрытия и расследования уголовных дел эвристические способности должны профессиональные преподаватели на этапе вузовского специализированного обучения.

Конечно же, не все выпускники юридических вузов, в том числе и действующие сотрудники правоохранительных органов, обладают достаточными знаниями в области криминалистики, уголовного процесса и других наук, и им следует оказать надлежащую и квалифицированную помощь, в том числе путем разработки конкретных процессуально-криминалистических алгоритмов и программ расследования уголовного дела. Такими специалистами могут выступать именно следователи-криминалисты.

Мы полностью согласны с мнением В.М. Быкова о том, что любой следователь должен знать криминалистику не хуже следователя-криминалиста [2, с.45], но и поддерживаем мнение И.П. Пилюшина о том, что нельзя не учитывать, что в следственных подразделениях не успевает сформироваться костяк опытных следователей, а уровень подготовленности действующих следователей оставляет желать лучшего [11, с.29, 30]. Поэтому участие следователя-криминалиста в уголовном судопроизводстве нужно понимать как необходимую меру, направленную на улучшение сложившейся ситуации в органах предварительного следствия [4, с.101-103].

Положительный опыт использования помощи можно формировать на основе изучения и анализа деятельности ранее существовавшего прокурора-криминалиста, а теперь и следователя-криминалиста в соответствующих подразделениях СК России.

Прокуроры-криминалисты осуществляли свою деятельность на основе ведомственных нормативных актов прокуратуры [12, 13], в основном содействуя следственным группам в проведении следственных действий, оказывая методическую помощь в расследовании наиболее сложных уголовных дел, применении технико-криминалистических средств, в том числе на осмотре места происшествия, кроме того, обобщали положительный опыт расследования преступлений, который передавали другим сотрудникам и т.д.

Уже в наше время деятельность прокуроров-криминалистов осуществлялась сначала в Следственном комитете при прокуратуре России [14], несмотря на отсутствие своего фактического уголовно-процессуального закрепления, существуя за рамками уголовно-процессуального закона [15, 16], а позже в качестве следователей-криминалистов в образованном самостоятельном органе Следственном комитете России [17].

Так, например, отсутствие надлежащего уголовно-процессуального закрепления прав и обязанностей следователя - криминалиста не помешало СК России продолжить активное использование следователей-криминалистов в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Стоит отме-

тить положения, закрепленные в Приказе СК РФ от 11 августа 2011 г. №124 [17], согласно которым:

- определена компетенция следователей-криминалистов в системе СК России;
- определены и возложены соответствующие задачи и обязанности;
- установлен объем и пределы полномочий следователей-криминалистов в сфере уголовно-процессуальной деятельности
- возложена ответственность за надлежащее криминалистическое сопровождение по уголовным делам.

Вместе с тем в названном приказе определены организационно-управленческие и иные аспекты деятельности следователей-криминалистов в системе СК России всех уровней, а также особенности анализа этой деятельности.

Таким образом, процессуальная фигура прокурора-криминалиста, а теперь и следователя-криминалиста, не такая уж и «новая». История первого появления датируется еще 1954 годом [6, с.25] и соотносится с закреплением данного участника уголовного судопроизводства в ведомственных актах Генеральной прокуратуры СССР. Поэтому опыт использования такой помощи велик и следует перенять его и другим правоохранительным органам России, осуществляющим раскрытие и расследование преступлений.

Полагаем, недопустимым сортировать следователей на следователей-эвристов и следователей неэвристов, в том числе и для реализации целей и задач алгоритмизации расследования, а возложить оказание помощи в расследовании таких атипичных преступлений на следователей-криминалистов, которые могут обладать высоким уровнем знаний в области криминалистики, уголовного процесса, уголовного права и оперативно-разыскной деятельности, богатым профессиональным опытом и, если хотите, высокой профессиональной интуицией. Обладая достаточными знаниями, в частности в области криминалистики, следователь-криминалист сможет оказать содействие в создании надлежащих программ расследования и конкретных алгоритмов производства следственных действий.

Библиографический список:

1. Божьев В.П. Сущность изменений в УПК РФ от 2 декабря 2008 г. // Законность. 2009. №5. С.3-6.
2. Быков В.М. Следователь-криминалист как новый участник уголовного процесса со стороны обвинения. // Российская юстиция. 2009. №7. С.43-45.

3. Гриненко А.В. Полномочия следователя-криминалиста // Право: история, теория, практика. Сборник статей и материалов. Брянск: РИО Брянского гос. ун-та, 2011. Вып. 15. С.106-112.
4. Пилюшин И. Процессуальное положение следователя-криминалиста // Человек и закон. 2010. №8. С.99-103.
5. Тараканова А.А. Полномочия следователя-криминалиста в сфере осуществления уголовного преследования // Юридическая теория и практика. Челябинск: Изд-во Челяб. юрид. ин-та МВД России, 2010. №1. С.82-84.
6. Темираев О.П. Процессуальные полномочия следователя-криминалиста // Российский следователь. М.: Юрист, 2012. №18. С.24-27.
7. Тимофеева А.В. Процессуальное положение прокурора-криминалиста и следователя-криминалиста // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. М., 2009. №2. С.143-145.
8. Ищенко Е.П., Водяновой Н.Б. Алгоритмизация следственной деятельности: Монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 304 с.
9. Светочев В.А. Процессуально-криминалистическая алгоритмизация и программирование уголовного судопроизводства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. №3(29). 2012. С.67-71.
10. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА, 2001. 240 с.
11. Колоколов Н.А. Последние новеллы УПК РФ: баланс обвинительной власти стабилизируется // Уголовное судопроизводство. 2009. №2. С.25-32.
13. Указание Генпрокуратуры России от 02 июня 1993 г. №315-16-93, МВД РФ от 02.08.1993 г. №1/3452 «О введении в действие Типовой инструкции об организации работы постоянно действующих следственно-оперативных групп по раскрытию убийств» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Приказ Главного военного прокурора России от 14 октября 1997 г. №175 «Об организации криминалистической службы в органах военной прокуратуры, совершенствовании работы по раскрытию преступлений, розыску похищенного и утраченного оружия и боеприпасов» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Приказ Следственного комитета при прокуратуре России от 7 сентября 2007 г. №6 «О мерах по организации предварительного следствия» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Исаенко В. Процессуальные полномочия прокурора-криминалиста // Законность. №7. 2005. С.15-19.
15. Гурин А. Процессуальный статус прокурора-криминалиста // Законность. №11. 2008. С.44-46.
16. Приказ Следственного комитета России от 11 августа 2011 г. №124 «Об организации работы следователей-криминалистов в системе следственного комитета российской федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Investigator-criminalist, investigator-heuristic, criminal process, criminalistics, algorithm, algorithmization of investigation of crimes.

The article consider investigator-criminalist, as a party to the criminal proceedings Russia and problems of its participation in the criminal process, as well as about his role in the disclosure and investigation of crimes.

Рецензенты:

Рытьков А.А., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

Зиборова О.С., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

ШЕЛЕГ О.А.,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения ОВД Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
Sheleg-olga@mail.ru

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ
МЕРОПРИЯТИЙ ПО НЕДОПУЩЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ**

**SHELEG O.
SOME ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF PROPHYLACTIC
MEASURES ON PREVENTION OF OFFENCES AND CRIMES
IN THE SPHERE OF FAMILY AND DOMESTIC RELATIONS**

Участковый уполномоченный полиции, профилактика, семейно-бытовые отношения, административные правонарушения, направление деятельности участкового уполномоченного полиции.

Статья посвящена проблеме профилактики преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений и деятельности участковых уполномоченных по их предупреждению.

Предупреждение преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, стало особо важным направлением деятельности органов внутренних дел, особенно для службы участковых уполномоченных полиции как наиболее приближенной к населению, поскольку семейно-бытовые конфликты являются основной причиной совершения преступлений на бытовой почве. В последний период времени в России наблюдается негативная тенденция возрастания удельного веса преступлений, совершаемых на семейно-бытовой почве [1]. Данное обстоятельство вызвано рядом причин и, прежде всего, социально-экономическими (безработица, алкоголизация населения, падение нравственности и т.д.), что еще более осложняет ситуацию в сфере семейно-бытовых отношений.

Следует отметить, что к числу семейно-бытовых преступлений приходится каждое третье телесное повреждение и каждое пятое убийство, при этом жестокость совершенного преступления не поддается вполне понятному и здравому объяснению. Основной причиной является злоупотребление спиртными напитками. Существенное значение имеют, кроме того, бытовая неустроенность, экономическая неопределенность, отсутствие постоянного места работы, ревность, а также возникшие неприязненные отношения из-за ссоры, отсутствие культуры взаимоотношений.

К сожалению, в силу ряда объективных и субъективных причин в 1980-1990-е годы прошлого столетия не были предприня-

ты меры, направленные на предупреждение и пресечение преступлений, совершаемых в быту. Долгое время государство отрицало существование в стране преступлений на бытовой почве, стремясь не умалять честь и достоинство советской семьи, признанной одной из лучших в мире. Это было серьезной ошибкой, приведшей к отклонению от борьбы с преступностью на бытовой почве, препятствовало выработке новых форм и методов эффективного предупреждения и пресечения такого вида преступлений. В отличие от других экономически развитых государств (Великобритания, США, Германия), где имеются специальные подразделения по предупреждению преступлений, совершаемых в семье, у нас таких подразделений пока не создано, и вся тяжесть работы по указанному направлению ложится на плечи участкового уполномоченного полиции [2].

В целом надо признать, что в последнее время идея создания таких подразделений как наиболее перспективного направления в борьбе с преступностью в быту находит все большее признание [3].

Остановившись на рассмотрении службы участковых уполномоченных полиции, определяя основным направлением деятельности данной службы именно профилактику противоправных действий [4], в том числе бытовых преступлений, необходимо отметить, что профилактика должна носить комплексный характер, соединять в себе меры убеждения, принуждения и помощи.

Некоторые ученые к элементам индивидуальной профилактики относят:

- выявление и проверку выявленных лиц, находящихся в состоянии конфликтности, враждебности, постановку их на оперативно-профилактический учет;

- воздействие на выявленных лиц после изучения факторов, которые определяют их противоправное поведение в сфере семейно-бытовых отношений;

- постоянное наблюдение и контроль за последующим поведением и образом жизни лиц, состоящих на учете;

- оздоровление социальной среды, способствующей возникновению, обострению бытового конфликта и перерастанию его в правонарушение;

- профилактическое воздействие на «потенциальных потерпевших» (лиц, создающих конфликтную ситуацию) с целью достижения превентивного виктимологического эффекта;

- выявление пьяниц, алкоголиков и наркоманов, неформальных групп в сфере досуга, объединенных антиобщественными интересами (пьянство, азартные игры);

- периодическую проверку результатов проведенных индивидуально-профилактических мероприятий [5].

Бытовые преступления, как правило, являются следствием конфликтных ситуаций, которые часто носят периодический, длительный характер с нарастанием их тяжести, обостренности. И в этом смысле бытовая преступность представляет собой особую социальную опасность, вызывает необходимость постоянного совершенствования работы по ее профилактике. На наш взгляд, нейтрализация их путем профилактического воздействия на виновников конфликта на ранней стадии (при условии своевременного выявления) - надежный путь предупреждения таких преступлений [6]. Следует отметить, что меры ответственности могут применяться только при наличии зафиксированных правонарушений, в ситуации, когда человек ещё не совершил противоправных действий, применять санкции соответственно нет оснований. В этих типичных ситуациях профилактическое воздействие заключается только в использовании метода убеждения, применении умений и навыков с целью недопущения правонарушения. Также необходимо отметить, что принимаемые в установленном порядке меры ответственности оказывают слабое

воздействие, не соответствующее социально-нравственной запущенности лица. Поэтому, не касаясь эффективности отдельных правовых санкций (штраф, исправительные работы и т.п.), следует заметить, что в ряде случаев их применение с необходимостью должно подкрепляться более глубоким воспитательным воздействием и осуществлением других индивидуально-предупредительных мероприятий, например, оказанием помощи в социальной адаптации, устранением неблагоприятного влияния на других лиц.

Специфика работы участкового уполномоченного полиции по профилактике преступлений, совершаемых на почве бытовых отношений, заключается не только в организации эффективной системы реагирования на сигналы об уже совершенных правонарушениях, но и в проведении упреждающих мероприятий по выявлению «проблемных» семей, острых бытовых конфликтов, чреватых трагическими последствиями, наконец, в осуществлении воспитательной работы с лицами, в отношении которых прогнозируется возможность преступного поведения в быту [7].

Для положительного разрешения конфликта участковому уполномоченному необходимо установление психологического контакта с конфликтующими сторонами. Во время разбирательства ему необходимо занять нейтральную позицию, предоставить всем участникам возможность спокойно высказаться обо всем, не перебивать их. Это дает возможность участковому уполномоченному получить более или менее четкое представление о случившемся и о виновнике конфликта. Когда конфликтующие стороны, в том числе виновник конфликта, увидят, что их спокойно и внимательно слушают, не проявляют нетерпения и агрессивности, они становятся доступными для установления психологического контакта. Попытки же возражать или объяснять что-либо возбужденному человеку лишь повышают накал его эмоций, и это лишает участкового уполномоченного возможности объективно разобраться в ситуации. Поэтому очень важно строить беседу так, чтобы избежать конфликта.

Для получения желаемых результатов нельзя разглашать сведения, характеризующие интимную сторону жизни семьи, негативные привычки конфликтующих, которые становятся известными участковому уполномоченному в процессе разбирательства.

Следует также помнить, что при беседах не всегда участковый уполномоченный должен занимать обвинительную позицию, так как это обычно мешает установлению необходимого психологического контакта или разрушает уже сложившийся [8].

В профилактике не допускается использование различных провоцирующих приемов и воздействия на низменные побуждения профилактируемого, такие, как ревность, корысть и другие.

Следует отметить, что, проводя профилактическую беседу с лицами старшего возраста, необходимо учитывать, что они обладают большим жизненным опытом, довольно устойчивой системой взглядов. В результате длительных неприязненных отношений в семье у них развиваются эгоизм, грубость, предвзятое отношение к другим членам семьи.

Правонарушители молодого возраста характеризуются спонтанностью чувств, у них отсутствуют устоявшиеся твердые взгляды на те или иные стороны жизни. Они легче поддаются влиянию как со стороны лиц с антисоциальной направленностью, так и со стороны лиц, способных оказать положительное воздействие.

Вместе с тем индивидуально-профилактическое воздействие участкового уполномоченного полиции в отношении семейно-бытовых правонарушителей сводится к выработке у них достаточно устойчивых положительных или хотя бы сдерживающих нравственных начал и представлений о взаимоотношениях в семье с бытовым окружением, при котором можно ожидать законопослушного, социально одобряемого поведения [9].

Библиографический список:

1. Статистические данные ГИАЦ МВД России за 2010-2011 гг.
2. Ахмедов Ч.Н. Участковый уполномоченный милиции: генезис института и специфика организации деятельности. СПб: Астеон, 2007. С.275.
3. Бельцов Н.И. Криминологический анализ и предупреждение преступлений, совершаемых в сферах быта и досуга. Чебоксары, 2011. С.123-133.
4. Приказ МВД России №1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» // Российская газета. 27 марта 2013. №6041.
5. Шестаков Д.А. Семейная криминология. Криминофамилистика. СПб, 2009. С.14.
6. Косиковский А.Р. Педагогическая направленность профилактической деятельности участковых уполномоченных милиции: Дис. ... канд. пед. наук. М., 2006. С.54.
7. Криминологическая характеристика и профилактика отдельных видов преступлений: Учебно-методическое пособие / Под общ. ред. П.П. Баранова. М., 2006. С.106.
8. Права человека и насилие в быту: Материалы международного научно-практического семинара. Санкт-Петербург, 13-17 октября 2003 г. / Под ред. В.П. Сальникова. СПб, 2003. С.12.
9. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2009. С.45.

Практика показывает, что участковые уполномоченные полиции испытывают значительные трудности при применении к участникам семейно-бытовых конфликтов комплекса собственно профилактических мер.

Осуществляя индивидуально-профилактическое воздействие, участковый уполномоченный полиции должен знать, что:

1) универсальных профилактических мер не существует, эффективность их всегда избирательна;

2) профилактическое воздействие - процесс длительный. Положительных результатов при этом можно добиться лишь тогда, когда оно реализуется работником, хорошо знающим профилактируемого;

3) особенность любого профилактического воздействия состоит в том, что его положительные результаты начинают объективно проявляться не сразу после тех или иных мер, а постепенно, через некоторое время, когда новые привычки, взгляды достаточно закрепятся в сознании профилактируемого;

4) успех профилактического воздействия во многом определяется умением прогнозировать (хотя бы в общих чертах) поведение человека, от которого можно ожидать совершения преступления.

Таким образом, следует констатировать, что профилактика правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, является весьма значительным направлением деятельности участкового уполномоченного полиции. При этом комплекс проводимых профилактических мероприятий должен иметь превентивный характер, конечной целью которого является недопущение преступлений в указанной сфере.

Precinct police, prevention, family relations, administrative offenses, the direction of the divisional commissioner of police.

Specified article is devoted to a problem of prevention of the crimes committed in the sphere of the family and household relations and activity of district police officers on their prevention.

Рецензенты:

Григорьев А.Н., доктор педагогических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения ОВД Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

Дрыженко Д.Б., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

ПАВЛОВА Т.А.,

адъюнкт кафедры управления органами расследования
преступлений Академии управления МВД России
ta-pa@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ СОКРАЩЕННОМ ДОЗНАНИИ

**PAVLOVA T.
THE PROBLEMS OF DEFINING THE ULTIMATE FACT
DURING THE INVESTIGATION IN CONDENSED FORM**

Сокращенное дознание, предмет доказывания, обстоятельства, подлежащие доказыванию.

В статье анализируется предмет доказывания при сокращенном дознании, некоторые нормы гл.32.1 УПК РФ подвергаются критическому осмыслению.

С 15 марта 2013 г. действуют нормы УПК РФ (глава 32.1), определяющие производство дознания в сокращенной форме. Вопрос о дифференциации форм предварительного расследования обсуждался в научных кругах давно. Некоторые страны СНГ (Азербайджан, Белоруссия) не первый год практикуют упрощенное или ускоренное производство по уголовным делам. Теперь и Россией, как считают сторонники принятого закона, сделан шаг по пути снижения затрат на уголовное судопроизводство и его ускорение.

Срок сокращенного дознания составляет 15 суток. Он исчисляется со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме до дня направления уголовного дела прокурору с обвинительным постановлением. В сравнении с дознанием, осуществляемым, в соответствии с главой 32 УПК РФ, в течение 30 суток, хронологическая разница между сокращенным дознанием и дознанием в общем порядке не кажется такой уж значительной. Однако срок дознания, как известно, может быть продлен до 6-ти месяцев, а в исключительных случаях - до 12-ти, в то время как срок сокращенного дознания может быть продлен лишь один раз до 20-ти суток.

Увеличение срока расследования в форме дознания происходило постепенно и было вызвано объективной необходимостью. С момента принятия УПК этот срок возрос с тех же 15 суток до 12 месяцев. И теперь, когда срок сокращенного дознания «урезан», нужно понимать, что быстрота расследования будет достигаться не только за счет сокращения времени, отпущенного

на расследование. Исходя из содержания ст.226.5 УПК РФ, сокращен и предмет доказывания по уголовному делу, расследуемому в новой форме дознания.

Попробуем проанализировать, каким изменениям подвергся предмет доказывания при расследовании дела в порядке, предусмотренном гл.32.1 УПК РФ.

Законодатель устанавливает, что доказательства по уголовному делу при сокращенном дознании собираются в том объеме, который достаточен для установления события преступления, характера и размера вреда, причиненного преступлением, и виновности лица в совершении противоправного деяния (ч.1 ст.226.5 УПК РФ). Иными словами, от дознавателя требуется установление обстоятельств, предусмотренных п.п. 1, 2 и 4 ч.1 ст.73 УПК РФ. При этом, на наш взгляд, оказались неупомянутыми форма вины и мотивы лица, совершившего преступления. На это обстоятельство указывают и другие авторы [6, с.140-143]. Зачастую мотив является обязательным признаком некоторых составов преступления (например корыстный, хулиганский), а значит, подлежит обязательному установлению по уголовному делу. Форма вины также играет важную роль при решении вопроса о наличии либо отсутствии состава преступления в действиях (бездействии) лица.

Предмет доказывания при сокращенном дознании на первый взгляд подвергся сужению в сравнении с общим предметом доказывания, определенным ст.73 УПК РФ. Однако анализ новелл позволяет утверждать о том, что доказывание не ограничивается установлением события, характера и

размера вреда, причиненного преступлением, а также виновности лица. Дознаватель обязан установить еще ряд обстоятельств по уголовному делу как до принятия решения о производстве дознания в сокращенной форме, так и во время него.

Дознаватель не ограничивается в выборе меры пресечения при сокращенном дознании. Предполагается, что может быть избрана любая мера пресечения, в том числе в виде заключения под стражей.

Многие ученые считают (и мы с ними солидарны), что при производстве расследования в форме дознания и задержании лица по подозрению в совершении преступления, в соответствии со ст.ст. 91, 92 УПК РФ, в 10-дневный срок должно быть предъявлено обвинение. В то же время по предписаниям ч.2 ст.171 УПК РФ в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого должны быть указаны обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии с п.п.1-4 ч.1 ст.73 УПК РФ. Указанные требования идут вразрез с нормами, определяющими «сокращенный» предмет доказывания (ст.226.5 УПК РФ), поскольку они не предусматривают установление обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого.

Как нам представляется, указанные обстоятельства по уголовному делу при производстве дознания в сокращенной форме должны быть установлены в любом случае, а не только при необходимости предъявления обвинения. Наше мнение обосновывается следующими аргументами:

1) УПК предусмотрены обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме. В их числе несовершеннолетний возраст подозреваемого; невменяемость лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние; принадлежность лица к категории, в отношении которой применяется особый порядок производства (гл.52 УПК РФ). Так или иначе эти обстоятельства связаны с личностью подозреваемого. И прежде чем принять решение о возможности сокращенного дознания, дознаватель обязан установить отсутствие либо наличие этих обстоятельств.

2) Решению об избрании меры пресечения предшествует установление дознавателем определенных обстоятельств по уголовному делу. Кроме того, законодатель прямо указывает в ст.99 УПК РФ на необходимость учитывать при избрании меры пресечения такие обстоятельства, как сведения

о личности подозреваемого, возраст, состояние здоровья и др., иначе говоря, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. Таким образом, принимая решение об избрании меры пресечения при производстве дознания в сокращенной форме, дознаватель обязан устанавливать обстоятельства, предусмотренные п.3 ч.1 ст.73 УПК РФ.

3) Судебное производство по делам, расследованным в форме сокращенного дознания, предусматривает, что приговор постановляется на основании доказательств, указанных в обвинительном постановлении, и дополнительных данных о личности подсудимого. Причем, правом предоставить эти сведения наделена сторона защиты. Складывается впечатление, что, наделяя таким правом сторону защиты, законодатель пытается обеспечить установление обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, но при этом избежать противоречий с нормами, определяющими особенности предмета доказывания при сокращенном дознании. Ведь дознаватель обязан доказать лишь событие преступления, виновность, характер и размер вреда, причиненного преступлением.

При дальнейшем сравнении содержания ч.1 ст.73 УПК РФ с предметом доказывания при дознании в сокращенной форме, определенным ст.226.5 УПК РФ, возникает вопрос, имеется ли необходимость при сокращенном дознании доказывать такие обстоятельства, как:

- обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;
- обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;
- обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

В части доказывания обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, следует заметить, что законодатель делает акцент лишь на смягчающих обстоятельствах (ч.3 ст.226.9 УПК РФ), упуская из виду отягчающие. Право предоставления суду данных о наличии смягчающих обстоятельств предоставлено стороне защиты. Объяснение отсутствию отягчающих обстоятельств в предмете доказывания при сокращенном дознании кроется, скорее всего, в желании компенсировать таким образом подозреваемому некоторые упрощения по собиранию доказательств. Не совсем понятно, как при этом учитываются права потерпевшего от противоправного деяния. К тому же такие

отягчающие наказание обстоятельства, как, например, совершение преступления в составе группы или по мотивам расовой, религиозной, национальной вражды, иногда является элементом состава преступления, и их доказывание по уголовному делу является необходимым.

Как еще один аргумент «за» то, что предмет доказывания при сокращенном дознании не ограничивается перечисленным ст.226.5 УПК РФ перечнем обстоятельств, выступает ранее существовавшая практика. Исторический опыт отечественного уголовного процесса «помнит» протокольную форму досудебной подготовки материалов, использовавшуюся с конца 60-х до середины 90-х прошлого века. Многие ученые сравнивают ее с сокращенным дознанием [5, с.10-24].

Их действительно объединяют некоторые черты (с некоторыми изъятиями): сбор информации при помощи получения объяснений; укороченный срок расследования (сбора сведений); наличие обстоятельств, препятствующих производству в такой форме (когда лицо является несовершеннолетним либо в силу физических или психических недостатков не может осуществлять свое право на защиту). При очевидных особенностях протокольной формы досудебной подготовки материалов ученые придерживались мнения, что предмет доказывания не отличался от общего [1, с.57; 2, с.18; 3, с.17; 4, с.30]. Лицу, производящему досудебную подготовку материалов, предстояло доказать все обстоятельства, предусмотренные ст.68 УПК РСФСР. К их числу относились: 1) событие преступления; 2) виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступления; 3) обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, а также иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; 4) характер и размер ущерба, причиненного преступлением.

Предмет доказывания при ускоренном дознании, существующем в Белоруссии, также не отличается от общего и включает в себя такие обстоятельства, как смягчающие и отягчающие ответственность; характеризующие личность обвиняемого.

Повторимся, УПК РФ не предусматривает обязанность доказывать указанные обстоятельства при сокращенном дознании. Тем не менее, полагаем, учитывая приведенные выше аргументы, что их доказывание по

уголовному делу обязательно, вне зависимости от того, сокращен срок расследования или нет.

Вернемся к вопросу о необходимости доказывания при сокращенном дознании обстоятельств, предусмотренных п.п. 5, 7 ч.1 ст.73 УПК РФ. Понятно, что наличие некоторых из указанных обстоятельств может повлечь прекращение уголовного преследования, что исключает окончание сокращенного дознания составлением обвинительного постановления. Других вариантов окончания сокращенного дознания УПК РФ не предусматривает. С учетом того, что судом исследуются и оцениваются только доказательства, представленные в обвинительном постановлении, дознаватель обязан на стадии предварительного расследования доказать наличие либо отсутствие обстоятельств как исключающих преступность и наказуемость деяния, так и тех, что могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Полагаем, при расследовании уголовного дела в сокращенной форме необходимо устанавливать не только обстоятельства в объеме, достаточном для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также о виновности обвиняемого в совершении преступления. Доказыванию подлежат и другие обстоятельства, предусмотренные ч.1 ст.73 УПК РФ.

Более того, наличие обстоятельств, исключающих возможность производства дознания в сокращенной форме, позволяет делать вывод, что дознаватель обязан устанавливать дополнительные обстоятельства, имеющие уголовно-процессуальное значение, такие, как знание подозреваемым языка уголовного судопроизводства, согласие потерпевшего на производство сокращенного дознания. Причем такая необходимость, на наш взгляд, не только не упрощает предмет доказывания по делам, расследуемым в форме сокращенного дознания, а, напротив, усложняет его.

Таким образом, несмотря на упрощение процесса собирания доказательств при проведении сокращенного дознания, предмет доказывания вряд ли можно назвать упрощенным. Требования УПК РФ собрать доказательства в объеме, достаточном лишь для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении

преступления, нельзя считать исчерпывающими. Проведенный нами анализ в рамках настоящей статьи показывает, что доказы-

вание, осуществляемое дознавателем при сокращенном дознании, не ограничивается указанным перечнем обстоятельств.

Библиографический список:

1. Басков В.И. Протокольная форма досудебной подготовки материалов. М.: Юрид. лит., 1989. 176 с.
2. Зуев В.Л. Расследование дел о преступлениях с административной преюдицией. М., 1993. 80 с.
3. Леконцев Ю.А. Досудебная подготовка материалов в протокольной форме. М., 1991. 64 с.
4. Масленникова Л.Н. Досудебное производство в уголовном процессе России: Лекция. М., 1993. 32 с.
5. Материалы круглого стола «Сокращенное дознание» // Юридический консультант. №3. 2012. С.10-24.
6. Милованов П.П. Дознание в сокращенной форме: за и против // Вестник Московского университета МВД России. 2012. №5. С.140-143.

The investigation in condensed form, ultimate fact, the circumstances are proved.

The article analyses ultimate fact during the investigation in condensed form, separate provisions of the head 32.1 of the CPC of the Russian Federation are subjected to critical reflection.

Рецензенты:

Васильев Ф.П., доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры управления деятельностью служб охраны общественного порядка Академии управления МВД России;

Образцов А.В., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России.

ВОСКОБОЙНИК И.О.,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
postmaster@ptskl.baltnet.ru

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

VOSKOVUYNIK I.

PROBLEMS OF PROTECTION OF INDIVIDUAL RIGHTS WHEN CHECKING CRIME REPORT

Доследственная проверка, средства проверки сообщения о преступлении, повод к возбуждению уголовного дела, несовершеннолетние.

В настоящей статье рассмотрены проблемы охраны прав личности при проверке сообщений о преступлениях, проблемы охраны прав и законных интересов несовершеннолетних участников доследственной проверки, даны рекомендации по совершенствованию уголовно-процессуального закона.

Согласно данным МВД России, в январе - декабре 2012 года органами внутренних дел рассмотрено 26,24 млн. заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях, что на 6,6% больше, чем за двенадцать месяцев 2011 года. По каждому четырнадцатому сообщению (7,1%) принято решение о возбуждении уголовного дела. Всего возбуждено 1861,4 тыс. уголовных дел, что на 6,1% меньше показателя аналогичного периода прошлого года. В январе - декабре 2012 года зарегистрировано 2302,2 тыс. преступлений, или на 4,3% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 22 субъектах Российской Федерации, снижение - в 61 субъекте.

В январе - апреле 2013 года зарегистрировано 743,1 тыс. преступлений, или на 2,5% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 29 субъектах Российской Федерации, снижение - в 54 субъектах [1].

По данным ИЦ УМВД по Калининградской области, в 2012 году в области возбуждено 15945 уголовных дел, из которых 415 незаконно и необоснованно с последующей отменой постановления о возбуждении уголовного дела, в январе - апреле 2013 года в регионе возбуждено 5175 преступлений, при этом отменено 134 постановления о возбуждении уголовного дела [2].

При принятии совокупности процессуальных решений по зарегистрированным поводам к возбуждению уголовного дела следует учитывать, что охрана прав и свобод человека и гражданина является принципом всего уголовного судопроизводства

России. Анализ сущности данного принципа позволяет сделать вывод о том, что посредством его реализации обеспечивается соблюдение прав и свобод лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, вне зависимости от наличия у них гражданства Российской Федерации, возраста и других обстоятельств, в том числе стадии уголовного судопроизводства.

Продолжающееся реформирование стадии возбуждения уголовного дела, расширение процессуальных средств проверки сообщения о преступлении, пересмотр сроков и оснований для продления доследственной проверки, появление нового повода к возбуждению уголовного дела обуславливают в настоящее время не только теоретические исследования стадии возбуждения уголовного дела, но и разработку научных рекомендаций практического характера, призванных помочь реализации на практике новых положений уголовно-процессуального закона.

Так, 9 марта 2010 года внесены изменения в ч. 3 ст. 144 УПК РФ, в рамках которых расширены основания продления срока проверки сообщения о преступлении до 30 суток в связи с необходимостью производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов.

Федеральным законом от 04.03.2013 года № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [3] целый ряд норм УПК РФ, уже ставших неотъемлемой частью правовой регламентации деятельности органов дознания и предварительного

следствия, подверглись изменениям. Многие из данных нововведений давно назрели и неоднократно рекомендовались в науке.

Несмотря на данное обстоятельство, законодательно до сих пор не разрешены многие проблемы охраны прав личности при проверке сообщений о преступлениях, а правоприменительная практика обеспечения процессуальных гарантий участников доследственной проверки оставляет желать лучшего.

Новая редакция части 1 статьи 144 УПК РФ регламентирует расширенный 4 марта 2013 года перечень процессуальных средств проверки сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях.

Сведения, собранные названными законодателем способами доследственной проверки, допустимы в качестве обоснования оснований к возбуждению уголовного дела, если они осуществлялись в рамках сроков проверки сообщения о преступлении, то есть с момента появления повода к возбуждению уголовного дела до момента принятия итогового процессуального решения в стадии возбуждения уголовного дела. Данный срок с учетом соблюдения условий и процедуры его продления может составлять от 3 до 30 суток. Вместе с тем права участников доследственной проверки и реализация их законных интересов напрямую связаны с регламентацией начала и окончания исчисления названных сроков.

Так, часть 2 статьи 128 регламентирует, что срок, исчисляемый сутками, истекает в 24 часа последних суток, однако нормы указанной статьи не регламентируют в качестве общего условия предварительного расследования момент, с которого начинается исчисление данного срока, что уже многие годы обуславливает наличие неоднозначной практики понимания порядка исчисления сроков доследственной проверки.

4 марта 2013 года законодательно впервые, но, к сожалению, не очень удачно данный вопрос решен путем внесения нормы в часть 1 статьи 144 УПК РФ о том, что первоначальный трехсуточный срок проверки сообщения о преступлении истекает со дня поступления сообщения.

Анализ правоприменительной практики показывает, что данное изменение не привело к существенным изменениям ни для нужд практики ни, тем более для целей охраны прав личности в стадии возбуждения уголовного дела. Действительно, представ-

ляется некорректной привязка начала срока, исчисляемого сутками, к нераскрытому определению в УПК РФ понятия день, под которым можно понимать либо 24 часа, то есть сутки, либо временной промежуток, за исключением ночного времени (с 22 до 6 часов).

Неоднозначность указанных трактовок приводит к наличию трех подходов к исчислению названных сроков на практике. Самый неоднозначный подход проявляется в попытке исчислять срок проверки с момента регистрации повода, что приводит к исчислению первых суток проверки в 24 часа суток, в которых была произведена регистрация. Таким образом, если заявление о преступлении зарегистрировано в 23 часа, то первые сутки истекают через час. Данный подход искусственно ограничивает как нужды практики, так и законные интересы заявителя и фактически заподозренного лица в стадии возбуждения уголовного дела, вследствие чего представляется неприемлемым с точки зрения охраны прав личности в уголовном судопроизводстве.

По нашему мнению, практика исчисления должна быть основана на аналогии ранее действовавшего УПК РСФСР, нормы которого устанавливали, что исчисление сроков в данном случае начинается с нуля часов следующих суток за теми, в которых зарегистрирован повод к возбуждению уголовного дела. Данное обстоятельство обуславливает соответствующие изменения и дополнения в статьи 128 и 144 УПК РФ.

Говоря об урегулированных 4 марта 2013 года процессуальных средствах проверки сообщения о преступлении с точки зрения охраны прав личности, следует отметить, что в настоящее время практика охраны прав и законных интересов участников доследственной проверки фактически отсутствует, так как в УПК РФ не содержится конкретных требований о создании условий для этого.

Итак, законодатель впервые предусмотрел получение объяснений в качестве способа доследственной проверки, однако неурегулированными остаются вопросы обеспечения дополнительных гарантий для несовершеннолетних лиц, дающих пояснения.

Вместе с тем значительное количество несовершеннолетних, вовлекаемых в настоящее время в сферу уголовного судопроизводства в различных статусах, обуславливает повышенный интерес к проблеме обеспечения их прав и законных интересов.

Как показывает анализ правоприменительной практики, как правило, но не всегда объяснения с несовершеннолетних получаются в присутствии лиц, подпадающих под понятие законных представителей, без оформления допуска к участию в проверке специальным постановлением, как то предусмотрено для стадии предварительного расследования.

Само участие законных представителей в стадии возбуждения уголовного дела законом не предусмотрено, однако обусловлено самой сущностью уголовно-процессуальных отношений в любой стадии процесса.

В качестве проблемы следует признать невозможность действовать в данном случае по аналогии с порядком производства допросов несовершеннолетних во второй стадии уголовного процесса, так как процессуальный порядок допроса несовершеннолетних различен в зависимости от их процессуального статуса, наличие которого до возбуждения уголовного дела не определено.

Говоря о законном представительстве потерпевшего, следует согласиться с мнением М.О. Баева и О.Я. Баева о том, что «в целом УПК, к сожалению, недостаточно последователен в обеспечении прав и законных интересов потерпевших, защита которых в первую очередь признана его назначением» [4].

Как правило, в стадии возбуждения уголовного дела потерпевший находится в статусе заявителя или в положении представляемого заявителем лица. Однако, как верно отмечает Пленум Верховного Суда РФ, правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им [5].

Таким образом, право иметь законного представителя у фактических потерпевших в ходе доследственной проверки является важной гарантией осуществления их законных интересов и должно быть обеспечено должностным лицом, производящим проверку.

Среди нарушений, влекущих ограничение прав личности в стадии возбуждения уголовного дела, следует назвать и практику фиксации поводов к возбуждению уголовного дела.

Так, в соответствии с частью 1 статьи 144 УПК РФ в качестве обязанности следователя предусмотрена обязанность принять и проверить любое сообщение о преступле-

нии, что однозначно следует трактовать в том числе и как сообщение от лиц вне зависимости от их возраста.

Вместе с тем анализ практики показывает, что зачастую заявление у несовершеннолетних не принимается вовсе со ссылкой на то, что его подает законный представитель. В некоторых подразделениях органов предварительного расследования существует практика оформления сообщения о преступлении от несовершеннолетнего рапортом об обнаружении признаков преступления.

Не вдаваясь в обсуждение причин подобных решений, полагаем уместным представить, на наш взгляд, оптимальный с точки зрения закона и практики вариант. Уголовная ответственность заявителя за заведомо ложный донос предусмотрена для лиц, достигших шестнадцатилетнего возраста. Вследствие этого, вопрос о возможности подачи заявления в возрасте от 16 до 18 лет не подлежит серьезному обсуждению. В случаях, когда источником сообщения является лицо до 16 лет, по буквальному толкованию закона заявление у него должно быть принято, но без предупреждения по статье 306 УК РФ.

Оформление последнего случая рапортом об обнаружении признаков преступления не соответствует нормам статьи 143 УПК РФ, регламентирующей, что рапорт составляется только при отсутствии заявления и явки с повинной, то есть фактически связывающей понятие оснований для составления указанного процессуального документа с непосредственным обнаружением признаков преступления сотрудниками органов дознания и следствия.

Не менее противоречивой является законодательная регламентация участия в доследственной проверке законных представителей фактически заподозренных несовершеннолетних. Получив незамедлительное извещение о задержании последних, в соответствии со статьей 423 УПК РФ, законные представители допускаются к участию по уголовным делам лишь с момента первого допроса несовершеннолетних в качестве подозреваемого или обвиняемого (ч.1 ст.426 УПК РФ).

Следует заметить, что допуск защитника с 4 марта 2013 года определен с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке,

предусмотренном статьей 144 УПК РФ (п.6 ч.3 ст.49 УПК РФ).

В этой связи требует уточнения формулировка о моменте уведомления законных представителей о задержании подозреваемого, так как закон не уточняет, должны ли быть они извещены об этом сразу после фактического задержания или только после составления протокола о задержании. Анализ следственной практики показывает, что именно после так называемого процессуального задержания органы предварительного расследования принимают меры к обеспечению указанного права.

На наш взгляд, вряд ли данное положение закона можно признать отвечающим сущности охраны прав личности и принципу состязательности в уголовном судопроизводстве. В целях оптимизации деятельности законных представителей фактически заподозренных лиц при проверке сообщений о преступлении представляется целесообразным внести изменения в действующий уголовно-процессуальный закон, в рамках которых определить момент допуска законных представителей участников доследственной проверки по аналогии с моментом допуска защитника, то есть с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ.

Как уже нами отмечалось в других работах, в УПК РФ следует предусмотреть обязанность лиц, чьи права затрагиваются назначением и производством судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела, по аналогии с правами подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля при производстве данного процессуального действия в стадии предварительного расследования.

4 марта 2013 года УПК РФ был также дополнен новым процессуальным способом проверки сообщения о преступлении - истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ.

Анализ практики показывает, что данное нововведение в части изъятия практикой воспринято также неоднозначно, как и регламентировано законодательно.

Истребование как способ следственной проверки был известен всегда и производится, как правило, посредством направления соответствующих запросов.

Изъятие же до возбуждения уголовного дела является проблемой не новой, которая до 4 марта 2013 года заключалась в невозможности изъять предметы и документы до возбуждения уголовного дела не иначе как путем производства осмотра места происшествия, в рамках административной либо оперативно-разыскной деятельности. Соответственно в науке и практике остро обсуждались вопросы о допуске изъятых предметов в рамках других производств в качестве допустимых в доказывании по уголовным делам. Не менее значимыми были проблемы изъятия предметов и документов в рамках осмотра места происшествия вне самого места происшествия (в дежурной части, кабинете следователя и т.п.).

Однако следует признать, что данный законодательный пробел преодолевался практикой более успешно, чем тот, который имеется в УПК РФ после 4 марта 2013 года.

УПК РФ в настоящее время предусматривает следующие следственные действия, в рамках которых возможно изъять предметы и документы (речь не идет о следственных действиях, целью которых не является обнаружение и изъятие): осмотр места происшествия, изъятие образцов для сравнительного исследования, выемка и обыск.

При этом нормами, регламентирующими производство осмотра места происшествия и изъятия образцов для сравнительного исследования, предусмотрена возможность производства данных следственных действий до возбуждения уголовного дела (часть 2 статьи 176 УПК РФ, часть 1 статьи 202 УПК РФ), что определяет допустимость полученных таким образом сведений в качестве доказательств.

Вместе с тем после 4 марта 2013 года в различных ведомствах введена повсеместная практика производства выемок до возбуждения уголовного дела, как правило, с воздержанием от производства санкционируемых выемок и всех видов обысков.

Данная практика однозначно является недопустимой и основана на неправильной трактовке уголовно-процессуального закона.

Нормы статьи 182 и 183 УПК РФ, регламентирующие процессуальный порядок производства выемки и обыска, не допускают производства данных следственных действий до возбуждения уголовного дела. Законодатель четко выразил свою позицию по данному вопросу путем одновременного внесения изменений и дополнений в часть 1 статьи 144 УПК РФ, часть 2 статьи 176 УПК

РФ и часть 1 статьи 202 УПК РФ и отсутствия дополнений в статью 182 и 183 УПК РФ.

Таким образом, в настоящее время до возбуждения уголовного дела недопустимо производство любых видов обыска и любых видов выемки. К сожалению, и сегодня единственный процессуальный способ изъятия до возбуждения уголовного дела, кроме изъятия образцов для сравнительного иссле-

дования, - это осмотр места происшествия. Данное обстоятельство обуславливает необходимость внесения изменений и дополнений в уголовно-процессуальный кодекс.

Приведенные выводы и предложения, на наш взгляд, позволят оптимизировать деятельность органов предварительного расследования по охране прав личности в стадии возбуждения уголовного дела.

Библиографический список:

1. Состояние преступности // Официальный сайт МВД России // URL: [http: mvd.ru / presscenter / statistics / reports / item / 976437](http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/item/976437).
2. По данным ИЦ УМВД по Калининградской области // ИЦ УМВД по Калининградской области, 2013.
3. Федеральный закон от 04.03.2013 года №23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс», 2013.
4. Баев М.О., Баев О.Я. УПК РФ 2001 г.: достижения, лакуны, коллизии, возможные пути заполнения и разрешения последних. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. С.51.
5. Постановление Пленума Верховного Суда России от 29 июня 2010 г. №17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс», 2013.

Investigation check, means of verification reports of crime research institute, a reason for instituting criminal proceedings, minors.

In this paper we consider the problem of protecting the rights of individuals when checking reports of crime problems of protection of the rights and legitimate interests of the minor participants pre-investigation, yes, us recommendations for improving the criminal procedure law.

Рецензенты:

Кузнецова О.Д., кандидат юридических наук, заместитель председателя Калининградского арбитражного суда;

Сидоров В.В., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

СТАРОСТИНА С.А.,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры общеправовых дисциплин Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
starosta74@mail.ru

МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

STAROSYINA S.

INTERETHNIC AND INTERCONFESSIONAL AGREEMENT AS A PRECONDITION OF CONSTITUTIONAL STATE FORMATION IN RUSSIA

Правовое государство, межнациональное согласие, этноконфессиональные ценности, этноконфессиональная безопасность, ислам, мусульманская правовая культура.

Статья посвящена исследованию проблем установления в современной России межнационального и межрелигиозного согласия как условия формирования правового государства.

Необходимым условием формирования правового государства в любой стране является гражданский мир, межнациональное и межрелигиозное согласие. Особой актуальностью этот вопрос обладает в России, на территории которой, по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, проживают представители 193 национальностей [15] и четыре религии (помимо «других религий») - христианство, ислам, буддизм, иудаизм - законодательно признаны «неотъемлемой частью исторического наследия народов России» [1].

Проблема установления межнационального согласия в нашем многонациональном и многоконфессиональном государстве во все времена являлась одной из ключевых и сегодня выступает наиважнейшим элементом общественной жизни наряду, с демократизацией политической системы и совершенствованием социально-экономического устройства. «Для России - с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур - национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер. Любой ответственный политик, общественный деятель должен отдавать себе отчет в том, что одним из главных условий самого существования нашей страны является гражданское и межнациональное согласие» [10]. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение

единства и территориальной целостности Российской Федерации, отнесена к основным источникам угроз в сфере государственной и общественной безопасности [2]. Возникает вопрос, какие меры сегодня могут стать наиболее оптимальным и эффективным инструментом установления межнационального и межконфессионального мира. Прежние идеологические схемы, идеи советского интернационализма и незыблемости национально-государственного устройства разрушены. Нынешние призывы к братству и единению выглядят безнадежно устаревшими на фоне эмоциональной заряженности идей национального возрождения. Печальной тенденцией нынешнего времени является появление национального и религиозного насилия или угрозы его применения как в национальных субъектах Российской Федерации, так и в других регионах страны, но уже со стороны местных национал-патриотов. По данным МВД, на территории России действует 150 молодежных экстремистских группировок неонацистской и националистической направленности общей численностью более 10 тысяч человек [11]. Однажды примененное, насилие становится фактором общественного сознания, повергает народы в состояние взаимной подозрительности, неустойчивости и страха, формирует «образ врага». Волна сепаратизма, религиозного экстремизма и терроризма, захлестнувшая Россию в конце XX - начале XXI века, образовала пропасть между представителями различных наций и конфессий российского народа.

По данным социологического опроса, состояние межнациональных отношений в своих регионах большинство респондентов оценивает как очень напряженное. Почти половина (47%) россиян ощущают, что они совсем не защищены от террористических угроз, частично защищенными себя чувствуют менее трети (30%) респондентов. Также большинство респондентов (55%) чувствуют, что они и их близкие или совсем (28%) или частично (27%) не защищены от идей, приводящих к террористической деятельности. Две трети опрошенных скептически оценивают то, что руководство страны в состоянии защитить граждан от новых терактов и от влияния идеологии террористов [12]. Следует отметить, что все террористические акты в России были совершены радикальными исламскими группировками северо-кавказского происхождения. Данный факт, несмотря на заявления мусульманского духовенства о том, что терроризм противоречит истинным исламским ценностям, породил новую волну ксенофобии и скрытого национализма. Этнические криминальные группировки также играют сегодня не последнюю роль в развитии организованной преступности. Кроме того, выходки, вроде обещаний чеченского адвоката «залить Москву кровью» или стрельба на дагестанских свадьбах в центре Москвы, вызывают справедливое возмущение у граждан. Все происходящее отнюдь не добавляет авторитета исламу, а, учитывая довольно низкий уровень культурного развития нынешнего общества, лишь вызывает нетерпимость к мусульманам, их неприятие, что еще более усугубляет сложившуюся ситуацию. Увеличение количества мигрантов из мусульманских государств также является причиной роста националистических настроений.

Таким образом, наиболее проблемным является «исламский фактор», что, впрочем, отражает общемировые тенденции. Однако в отличие от стран Европы, где мусульманское население представлено в основном только мигрантами, в России это коренное население ряда субъектов Федерации, где ислам занимает доминирующее положение.

В состав Российской Федерации входят восемь мусульманских республик - Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесская и Чеченская республики, Башкортостан и Татарстан [9, с.с. 75, 105, 160-185]. К приверженцам ислама относится также часть населения Север-

ной Осетии (Алании). Районами наиболее плотного расселения мусульман традиционно являются Северный Кавказ, Поволжье и Центр Европейской части. В России проживает свыше 20 млн. мусульман. В приграничных областях, практически на всем протяжении российской границы, наблюдается рост численности национальных диаспор зарубежных государств. Нелегальные мигранты прибывают в Россию не только из стран ближнего зарубежья, но и из Афганистана, Ирана, Пакистана, стран Африки, Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии. Общее количество мигрантов оценивается общим числом от 12 до 15 миллионов человек [13, с.4 и далее]. При этом мигранты, прибывающие в Россию, испытывают «культурный шок», суть которого в конфликте двух культур на уровне индивидуального сознания. Антрополог Ф. Бок так описывает состояние «культурного шока»: «...пребывая в чужом обществе, ты будешь испытывать трудности, ощущение беспомощности и дезориентированности...» [6, с.104].

Вышеизложенное свидетельствует о необходимости разработки общегосударственной стратегии этноконфессиональной безопасности, которую можно рассмотреть как состояние защищенности общества и личности от угроз межнациональных и межрелигиозных конфликтов и их последствий. В декабре 2012 года Президентом РФ была утверждена Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года [3]. Однако, на наш взгляд, этот документ не в полной мере соответствует потребностям современного российского общества. Во-первых, к основным вопросам государственной национальной политики Российской Федерации, требующим особого внимания государственных и муниципальных органов, Стратегия относит:

а) сохранение и развитие культур и языков народов Российской Федерации, укрепление их духовной общности; б) обеспечение прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств; в) создание дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения прочного национального и межнационального мира и согласия на Северном Кавказе; г) поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, содействие развитию их связей с Россией. Представляется, что эти «основные вопросы» отражают тенденции вчерашнего дня. Стратегия же

должна работать на опережение. Проблемы Северного Кавказа очевидны, и меры по их разрешению разработаны, в то время как проблемы Поволжья, радикализации российских мусульман, растущей ненависти к мигрантам в российских городах находятся в стадии созревания. Неоправданно мало внимания в Стратегии уделено религиозному фактору, тогда как тот же тлеющий конфликтно-генный Северо-Кавказский очаг питается именно религиозными идеями. Этноконфессиональные ценности не рассматриваются и не учитываются как особая сфера массовой и индивидуальной идентификации, несмотря на то, что в работах многих видных этнологов, социологов и философов показывается взаимосвязь и особенности взаимодействия этничности и конфессиональности. Например, для ислама в современной России характерны плюрализм проявлений и неоднозначность функций, что определяется как общими, присущими исламу чертами, так и специфическими для России факторами. Так, бросается в глаза многообразие региональных форм ислама, объясняемое главным образом этническими особенностями, тесным переплетением с местными обычаями и традициями.

Ныне характерно, что политизированный ислам представляет опасность не только для Северного Кавказа. По заявлению директора ФСБ А. Бортникова, сделанному 26 февраля 2013 года на заседании Национального антитеррористического комитета, идеи радикального ислама распространяются не только на Северном Кавказе, но и на Урале, и в Сибири. В последнее время ваххабизм активно проявляет себя в Поволжье. Руководитель казанского филиала Российского института стратегических исследований Раис Сулейманов считает, что идет «ваххабизация» татарских мусульман, в республику активно проникают идеи радикального ислама. С начала 2012 года на Северном Кавказе и в Татарстане были убиты тринадцать духовных лидеров традиционного ислама и их сподвижников [5]. По мнению заместителя муфтия Татарстана Валиуллы Якупова, убитого в июле 2012 г., в ваххабизме (салафизме) изначально заложена ненависть к иным формам религиозности, и проповеди ваххабитов рано или поздно приводят к насилию. В интервью порталу «Интерфакс-Религия» он отмечал, что влияние ваххабитов в России имеет положительную динамику, в том числе и в Татарстане. При этом в обществе нет адекватного понимания

того, что такое ваххабизм, как нет и четкой позиции властей по отношению к этому религиозному течению. Поэтому ваххабитские ячейки действуют открыто, существует мощное структурированное подполье, финансово поддерживаемое из саудовских фондов [14].

Реалии сегодняшнего дня таковы, что не только (и не столько) остро стоит угроза межнациональных (межэтнических) столкновений, сколько межрелигиозных. Поэтому необходима система именно этноконфессиональной безопасности, которая должна включать в себя комплекс мер, направленных на установление и поддержание этноконфессионального мира и согласия, преодоление ксенофобии и нетерпимости. Самый сложный вопрос, какими должны быть эти меры?

Насилие как способ решения проблем национальной безопасности вызывает в последнее время решительное осуждение и неприятие в мировом сообществе. Насилие утратило весь свой конструктивный потенциал, если оно вообще обладало им когда-либо в истории человечества. Поэтому, на наш взгляд, основным элементом системы этноконфессиональной безопасности должно стать духовно-культурное направление. Способность национальной культуры к отказу от логики вражды и утверждению логики компромисса и сотрудничества, основанной на толерантности идеологий и культур, имеет своей целью предотвращение различных противостояний между народами и многообразных социальных катаклизмов - как локальных, так и глобальных [7, с.171]. Отнюдь не из территориальных принципов исходил С. Хантингтон в «Столкновении цивилизаций», выделяющий пять ойкумен и среди них - Россию, а из того единства ценностей, которое существует между народами, ее населяющими. Он, прежде всего, осознавал ту ориентацию на общие духовные, а не материальные ценности, которая, в отличие от Запада, присуща всем народам России. Это выражается в отсутствии рациональности и расчетливости, ориентированности на коллектив, общину в оценке своих поступков и многом другом.

Сегодня сложилась насущная потребность в активизации межконфессионального диалога, взаимодействию и сотрудничестве на основе общечеловеческих ценностей, с акцентом на моральном родстве религий. О готовности к такому диалогу заявляют многие религиозные деятели [4, с.46; 8, с.29].

В связи с этим обращение к мусульманской правовой культуре представляет для нынешней России не только научно-теоретический, но и практический интерес. Актуальность мусульманского права для России определяется, прежде всего, тем, что ислам - это не нечто чуждое и постороннее для нашей страны, а неотъемлемая часть ее истории и культуры, важнейшая сторона жизни многих миллионов российских мусульман. Рене Давид отмечал, что там, где перестали применять мусульманское право, ислам больше не существует.

Мусульманская правовая культура содержит немало полезного для решения актуальной в условиях России задачи подведения под политику нравственных и правовых основ. В теории ислама мусульманское право считается стоящим не только вне политики, но и над ней, рассматривается в качестве своеобразного эталона, которым должна измеряться политика, критерия ее справедливости, правильности, соответствия праву. Особое значение мусульманского права в этом отношении определяется тем, что оно исходит из обоснования не только нравственно-религиозных, но и нравственно-правовых рамок политики. Такой подход, очевидно, особенно актуален для нынешней России, провозглашенной ее Конституцией правовым государством.

Как известно, недооценка религиозного фактора стоила многих просчетов и неудач как в политике России, так и в зарубежных государствах. Все это порождает острую необходимость переосмысления в современном обществе отношения к этноконфессиональным ценностям. Общественное мнение должно быть освобождено от примитивного и вульгарного понимания ислама. Поэтому важное значение играет просвещение му-

сульманского населения с активным привлечением к этому процессу мусульманского духовенства. Нужно внедрять в сознание российских мусульман истинные ценности ислама. Последовательная и упорная работа с прессой и мусульманскими общинами, развенчание исламистских мифов и уважение к национальным и религиозным традициям позволят сузить социальную базу экстремистских организаций и повысить эффективность управления обществом. В связи с этим необходимо поддерживать и развивать российское духовное образование, а возможность получения зарубежного религиозного образования всемерно ограничить. Российские мусульмане должны учиться в российских духовных училищах, воспринимая идеологические особенности российского ислама, а не Саудовской Аравии или Египта.

Таким образом, необходим комплексный подход к изучению роли ислама и других религий в истории нашего государства с целью выявления и пропаганды тех общечеловеческих ценностей, которые объединяют разные религии и светские идеологии, учета их интеграционного и миротворческого потенциала. В центре внимания такой пропаганды должно быть воспитание гуманизма, интернационализма, толерантности, интереса и уважения к национальным культурам, диалога между разными силами общества, развенчание «образов врага». Для противостояния радикальным взглядам требуется мобилизация широкого круга субъектов и каналов влияния. Должна вестись постоянная комплексная, многоуровневая (семья, школа, вузы, на рабочих местах, в общественных организациях, СМИ), с участием разных ведомств, просветительская (воспитательная) работа как часть стратегии этноконфессиональной безопасности.

Библиографический список:

1. Федеральный закон РФ «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26.09.1997 г. №125-ФЗ (ред. от 01.07.2011 с изм. от 05.12.2012) // www.consultant.ru.
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537. // <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>.
3. Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента РФ от 19.12.2012 г. №1666. // <http://www.minnation.senat.org/Strategiya-2025.html>.
4. Артиков М.А. Просвещенный ислам - духовная основа единения // Форумы российских мусульман. Ежегодный научно-аналитический бюллетень №3 / ДУМНО, НИИ им. Ч. Фаизханова; под общ ред. Д.В. Мухетдинова. Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2008.
5. Заявление Межрелигиозного совета России в связи с участвовавшими атаками на духовных лидеров // <http://www.interfax-religion.ru>.
6. Ионин Л.Г. Культурный шок: конфликт этнических стереотипов // Психология национальной нетерпимости: Хрестоматия / Сост. Ю.В. Чернявская. Мн.: Харвест, 1998.

7. Ильинский И.М. О культуре войны и культуре мира. М., 2001; Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике. М., 2004.
8. Муслимов А.М. К Межрелигиозному диалогу // Форумы российских мусульман. Ежегодный научно-аналитический бюллетень №3 / ДУМНО, НИИ им. Ч. Фаизханова; под общ ред. Д.В. Мухетдинова. Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2008.
9. Народы России. Энциклопедия. М., 1994.
10. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012 г.
11. Пресс-конференция главы МВД Р.Г. Нургалиева в РАМИ // РИА Новости. 24.04.2010 г.
12. Результаты социологического исследования по вопросам противодействия идеологии терроризма в 2010 г. М.: Университетская книга, 2010.
13. Соколов А.Н. Миграция и национальная безопасность. // В кн.: Правоохранительные органы стран Балтийского региона в борьбе с преступлениями в рамках закона о гражданстве. Калининград, КЛЮИ МВД России, 2005.
14. Якупов В. Раскол в мусульманской общине не имеет объективных причин, в нем виновато духовенство // <http://www.interfax-religion.ru>.
15. <http://www.perepis-2010.ru>.

Constitutional state, interethnic agreement, ethnic and confessional values, ethnic and confessional safety, Islam, Muslim law culture.

The article is dedicated to the analysis of aspects of establishment of interethnic and interreligious agreement in modern Russia as a precondition of the constitutional state formation.

Рецензенты:

Пилявец В.В., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

Войтенко О.Н., кандидат юридических наук, доцент кафедры общеправовых дисциплин Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

УХАНКИН В.В.,

кандидат юридических наук (Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России)
postmaster@ptskl.baltnet.ru

ДОГОВОР В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**UKHANKIN V.****AGREEMENT IN THE PROCESS OF FORMATION OF TERRITORY OF THE RUSSIAN EMPIRE****Договор, Российская империя, согласие, территория, федерализм.**

В статье рассматривается взаимосвязь договора с процессами формирования единой территории Российской империи, анализ которых позволяет говорить о федералистском пути формирования российской государственности.

Существенным отличием Российской империи от западных империй было то, что формирование ее территории шло по пути мирного приобретения новых земель и преимущественно добровольного их вхождения в состав России.

Стоит сказать, что это нередко происходило на договорной основе. В литературе указывается, что на основе договоров в состав Российского государства вошли Башкирия, Калмыкия, Украина, Молдавия, Грузия, Восточная Армения, Азербайджан, Казахстан и многие другие земли [1, с.49].

Завоевания или какие-либо иные силовые методы применялись в меньшей степени, чем в других империях, и причинами, как правило, выступали необходимая оборона либо стремление увести от границ Российской империи войны и возможные набеги неприятеля.

Все военные действия и дипломатические меры, предпринимаемые Российской империей, соответствовали национальному праву России и международному праву тех лет. Социально-экономические и политико-правовые последствия расширения территории России были главным образом благотворны как для страны в целом, так и для соответствующих регионов. Воссоединение Малой и Белой Руси с Великороссией, а также дальнейшее воссоединение Украины (окраины) «русской» и Украины «польской» знаменовало собой окончание собирания земель Древней Руси. Кроме того, после освобождения Бессарабии от Турции произошло воссоединение всех молдавских земель в составе Российского государства. В его же составе произошло объединение земель Грузии и Азербайджана, становление государствен-

ности и собирание земель башкир, мордвы, удмуртов, марийцев, казахов и многих других [2].

Нам близка позиция исследователей, не разделяющих популярный со времен революций 1917 года тезис о том, что Россия была «тюрьмой народов». Не отрицая негативных моментов в истории присоединения к России некоторых территорий, нельзя не отметить и преимущества, которые обрели народы России. Ни один, даже самый малочисленный народ в составе России не исчез с лица земли как этнос. Напротив, некоторые (например армяне) были спасены от истребления. Более того, в составе российской государственности многие народы постепенно «созревали» до самостоятельной государственности, превратились в нации. Новые территории вовлекались в орбиту общероссийского рынка, развивалась инфраструктура. Благодаря русскому языку, науке и литературе все народы России получили доступ к культуре и науке других стран [1, с.51-52].

Действительно, присоединение новых территорий вносило в унитарную модель территориального устройства Российской империи черты иных моделей территориального устройства государства. Так, традиционные формы и широкую компетенцию местного самоуправления Малороссии, Прибалтики, регионов Урала, Сибири, Дальнего Востока и ряда других территорий можно рассматривать как черты муниципальной модели. Подбор кадров из местной знати Прибалтики, Кавказа, Центральной Азии, ряда иных юго-восточных регионов, сохранение особенностей системы управления, должностей и порядка назначения на них могут быть отнесены к чертам региона-

листной модели. К чертам данной модели можно отнести особенности автономного статуса Бессарабии, Польши, Финляндии. Более того, принятие Конституций Финляндии и Польского царства, разграничение компетенции между центральными органами во главе с императором и региональными, прежде всего, представительными органами являются чертами федеративной модели. Наконец, установление таможенных границ и сохранение особой валюты в Финляндии, наличие собственных вооруженных сил в Финляндии и Польше представляют собой черты конфедеративного союза [2].

Представляется, существует определенная взаимосвязь договора с процессами формирования единой территории Российской империи.

Следует принять во внимание, что социальная интеграция рассматривается через призму взаимодействия, что предусматривает наличие такого элемента, как согласие. Термины, включающие в себя эту категорию - обмен, договор, сделка, соглашение, консенсус и др., - имеют далеко не однозначное значение. Есть множество направлений в их изучении, в рамках одной дисциплины многие из них трактуются по-разному, они используются в широком смысле, обозначая идеальные нормативно-теоретические социальные модели общественного устройства, и в узком - распространяясь лишь на конкретные отношения.

Иными словами, понятия, содержащие категорию «согласия», имеют как различное, так и тождественное функциональное значение, трактуются в зависимости от подходов, отданных предпочтений, методологии исследований, и свести их к какому-то общему знаменателю практически невозможно. В то же время любые отношения, если они завязались и основаны на согласии, можно именовать договором [3].

А здесь уже можно обнаружить некоторую взаимосвязь между договором и федерализмом.

Термин «федерализм» своими корнями уходит в латынь: «foedus» в латинском языке означает союз, связка, договор.

«Основная идея федерализма - «ex pluribus unum» - есть, по сути, отражение характера отношений между людьми, стремящимися к построению самоуправляющегося общества, основанного на гражданском согласии и общественном договоре» [4].

Основное в федерализме - это задача объединения в единое целое (в единое государство) отдельных частей (территориальных образований, субъектов) для реализации общих целей и интересов на принципе согласия, при сохранении самостоятельности этих частей.

Появление и развитие единого государства в России неразрывно связано с договорным процессом. Преодоление феодальной раздробленности XI-XV вв., включение в состав государства новых земель в XVI-XVIII вв. и формирование Советского государства - это и исторические периоды, и одновременно этапы в развитии нормативного договора как источника права.

Договор является первым дошедшим до нас источником права. Институт нормативного договора широко использовался в отношениях между русскими княжествами, а также на ранних этапах формирования Московского государства.

Длительный исторический опыт России показывает, что процесс оформления территории государства был очень сложным и временами «болезненным».

Хотя досоветская Россия и считается унитарным государством, механизм обеспечения должен был по идее соответствовать этому характеру государства, но, как считают многие ученые [5, 6], элементы федерализма в государственном строительстве присутствовали изначально.

Костомаров Н.И. на ту тему размышлял следующим образом: «В истории русской политической мысли федерализм, возникая в государстве унитарном и объединенном, имеет, как и во Франции, устремление главным образом центробежное в политической децентрализации государственного строя. Однако в ранние эпохи истории русской земли ... федерализм, поскольку он сказывался в политических учреждениях, носил характер объединительный. В особенности это нужно сказать об удельном периоде. В эту эпоху на всем востоке Европы существовал ряд небольших самостоятельных славянских государств, объединенных в некоторого рода конфедеративный союз под верховной сюзеренной властью великого князя. При удельном строе государство не было цельной и неделимой княжеской вотчиной; скорее это была федерация самостоятельных государств, из которых в каждом был свой князь и свое вече. Иногда некоторые князья

объединяли несколько княжеств по началам личной унии» [7].

Как писал Яценко А.С., «Россия представляет в настоящее время единую и неразделенную Империю. Но в прошлой истории постепенного образования государственного строя России неоднократно возникали политические формы, которые, если и не были федеративными в собственном смысле, то во всяком случае заключали в себе некоторые элементы федеративности (автономии и самоуправления, основанных на некотором соглашении); таково было последовательное положение во Всероссийском государстве: Малороссии, Прибалтийского края, губерний от Польши присоединенных, Бессарабии, Царства Польского, Великого княжества Финляндского; все они лишь мало-помалу потеряли (за исключением Финляндии) свою автономию» [8].

Как представляется, следует согласиться с тезисом о федералистском (в основном) пути формирования российской государственности на протяжении веков или иначе - об укорененности элементов федерализма в истории России. Исходя из того, что федеративное (федералистское) - это объединяющее многих воедино на добровольной основе, можно сделать вывод, что России на генетическом уровне присуще добровольно-объединительное начало [9].

Добровольная основа очень четко прослеживается из анализа документов, свидетельствующих о мирных способах формирования территории Российской империи [10-12].

К примеру, в конце XVIII в. России пришлось воевать, защищая Грузию, с Ираном. С 1804 по 1813 гг. военные действия продолжались. К Александру I с «просительными пунктами» о покровительстве России над Абхазией обратился Георгий. 17 февраля 1810 года был издан Манифест о присоединении Абхазии к России.

По Туркманчайскому договору Россия приобрела Эриванское и Нахичеванское ханства (Восточная Армения). Местом заключения Договора было село Туркманчай близ Тебриза (ныне территория Ирана). Названный Договор подвел итоги русско-иранской войны и подтвердил Гюлистанский мир 1813 г. относительно прав России держать на Каспийском море свой военный флот и свободы плавания российских торговых судов. Русско-иранская граница устанавлива-

лась на реке Аракс. Устанавливались консульские отношения, стороны обменялись дипломатическими миссиями на уровне посланников. К Договору прилагался трактат, по которому русским и иранским купцам предоставлялось право свободной торговли в Иране и в России. Этот Договор служил основой для русско-иранских отношений вплоть до 1917 г. После подписания этого Договора 140 тыс. армян из Турции переселилось в Восточную Армению, что способствовало консолидации армянской нации в составе Российской империи.

Также стоит сказать, что в исторических источниках зафиксированы сотни документов, исходящих из Грузии, адресованных России в лице ее императоров, должностных лиц с различными просьбами. Основными просьбами были о военной и политической помощи, о покровительстве, о переходе в Российское подданство.

Это только несколько фактов, а в истории российского государства их было множество.

Об этом также очень четко говорил в своих работах И.А. Ильин. «Вы все время упрекаете императорскую Россию в захвате не принадлежавших ей территорий, так, как если бы такой захват составлял вашу привилегию и монополию, и притом на протяжении всех континентов. Но назовите мне хоть одну колонию, захваченную Россией на чуждом ей континенте! Франция свободна в захвате Индо-Китая с двадцатитрехмиллионным населением или африканских пространств в размере половины всей России; Бельгия, Португалия, Голландия, Англия - все свободны налагать руку на далекие и чуждые им земли и племена. Но Императорская Россия совершенно неповинна в этом. Ее территория не набрана отовсюду оккупациями или парфорсными охотами; - они *сопринадлежат*.

Это значит, что они, пространственно прилегая друг к другу и географически сливаясь друг с другом, политически, хозяйственно и культурно *нуждаются друг в друге*. Их объединил не произвол меча и не каприз завоевателя, а медленное органическое развитие населяющих ее народов. Это происходило на протяжении веков. Соседние народы знакомились друг с другом, учились понимать и восполнять друг друга, и естественно, что наиболее одаренный, христианский и культурный народ, *русский народ*, руководил этим делом. Но никогда, запо-

ните это, никогда русские не практиковали денационализацию других, малых и некультурных племен.....» [13].

История Российской империи - это временной промежуток от 1721 г. до 1 августа 1914 г. Юридически это период, в котором окончательно сформировалась территория Империи.

Как мы видим из истории, формы территориальных приращений Российской империи были разнообразны. Были в истории и уступки России части территории, входившей в состав другого государства. И завоевания: покорение Кавказа, Финляндии, Прибалтики и др. Были случаи размена территорий, в истории Российской империи подобные случаи были, например, в 1875 г. Россия разменяла с Японией Курилы на Сахалин, в 1878 г. Россия разменяла с Румынией Добруджу на Бессарабию.

В истории Российской империи, как и во времена Московского царства, можно наблюдать примеры захвата территории, ранее принадлежавшей другим государствам. Основанием к подобному завладению могло быть желание населения данной территории присоединиться к России; наиболее яркий пример - это присоединение Грузии. Другой пример - когда государство прекращает свое существование ввиду отсутствия в нем намерения к продолжению собственного государственного существования. Здесь наглядным примером является Польша.

Довольно редким основанием к возникновению верховных прав для Российской империи на ту или иную территорию следует считать факт совместного владения с другим государством частью земного пространства (кондоминиума). Например, кондоминиум России и Китая на Синьцзян до его дереликции Китаю. Напомним, что под дереликцией понимают оставление территории с одновременным или позднее выраженным решением окончательного отказа от права на территорию. Кондоминиум на Синьцзян в период с 1871 по 1881 г. заключался в том,

что верховные суверенные права на него оставались за Китаем, а реальное владение - за Россией.

Наконец, можно указать на еще одно основание к уступке территории, имевшее место в русской истории. Очень часто претензия государства на ту или иную территорию обусловлена тем, что оспариваемая область является своего рода географическим продолжением владений данного государства. Нередко такие территории называют «внутренние области», «задние земли». В истории России было всего два случая приобретения территории именно через такое основание: первый в 1809 г. - так были приобретены Аландские острова; второй в 1916 г. - Россия объявила продолжением Сибирского плато все острова и земли как открытые, так и могущие быть открытыми в будущем в определенном секторе Северного Ледовитого океана. Необходимо заметить, что Аландские острова попали под действие принципа внутренних областей потому, что во время зимы между ними и Финляндией образуется регулярное сообщение по льду Ботнического залива, во всяком случае именно этот факт послужил русским представителям на переговорах со Швецией предложением присоединения Аландов к Великому княжеству Финляндскому [14].

Прямые основания к приобретению территории имели также место в истории Российской империи.

Но все же в России в основной своей массе территориальные приращения были мирными, добровольными и оформлялись соответствующими актами: манифестами о присоединении приобретенной территории к Империи и торжественной присягой населения на верность Всероссийскому императору. Все вышеизложенное позволяет говорить о в основном федералистском пути формирования российской государственности на протяжении веков на основе добровольно-объединительного начала и согласия, не последнюю роль в котором играл договор.

Библиографический список:

1. Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф. Федерализм в истории России. М., 1992.
2. Чертков А.Н. Российская империя и ее регионы: историко-правовой взгляд // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. №4. С.45-48.
3. См. подр.: Примак Т.К. Институт договора: теоретико-правовые вопросы. М.: Nota Bene, 2009. 498 с.
4. Элейзер Д.Д. Сравнительный федерализм // Полис. 1995. №5. С.110.

5. Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф. Федерализм в истории России. В 3-х кн. Кн.3. М., 1993,
6. Глигич-Золотарева М.В. Правовые основы федерализма. М., 2006.
7. Костомаров Н.И. Мысли о федеративном начале древней Руси. Журнал Основа. 1861. Кн.1. / Цит. по книге Яценко А.С. Теория федерализма: Опыт синтетической теории права и государства. Т.2. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. (Из наследия мировой политологии). С.748-749.
8. Яценко А.С. Теория федерализма: Опыт синтетической теории права и государства. Т.2. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. (Из наследия мировой политологии). С.749.
9. Болтенкова Л.Ф. Учение о федерализме и его реализация в развитии государства. Ч.II. Документы. М.: Изд-во РАГС. 2006. 246 с.
10. Под стягом России. Сборник архивных документов. М., 1992.
11. Сборник договоров России с другими государствами, 1856-1917. М., 1952.
12. Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними государствами. СПб., 1891.
13. Ильин И.А. Отповедь расчленителям. Собр. соч.: В 10 т. Т.2. Кн.2 / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993. С.42-47.
14. Исаев М.А. История Российского государства и права: Учебник. М.: «Статут», 2012. // СПС Консультант-Плюс.

Agreement, Russian Empire, consent, territory, federalism.

The article discusses the relationship agreement with the processes of formation of a unified territory of the Russian Empire, whose analysis allows speaking about federalist way of forming of Russian statehood.

Рецензенты:

Соколова О.В., кандидат юридических наук, доцент, помощник начальника Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России по правовой работе;

Старостина С.А., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры общеправовых дисциплин Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

ЗИБЕРОВА О.С.,

кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры криминалистики Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России
postmaster@ptskl.baltnet.ru

**РОССИЯ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ
НРАВСТВЕННОСТИ И СОБОРНОСТИ В РАМКАХ
НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ**

ZIBEROVA O.

**RUSSIA: THE RETURN TO THE ORIGINS OF MORALITY
AND COLLEGIALLY IN THE NATIONAL FIGHT AGAINST EXTREMISM**

Экстремизм, противодействие экстремизму, нравственность, соборность, национальное мышление.

Статья посвящена анализу состояния национального мышления в рамках противодействия экстремизму на современном этапе.

Национальное самосознание, духовное богатство, любовь к Отечеству, самопожертвование, религия любви - все эти определения в последнее время всё громче слышны применительно к Русской Православной Церкви. Чем вызван ренессанс религиозного мышления? Почему люди сегодня все чаще обращаются к исконно русским принципам соборности и канонам Церкви, чаще ходят в Храм и обращаются? Наряду со всеми этими понятиями, все больше говорят о таком явлении, как экстремизм в различных формах его проявления.

Почему прежде в обществе не фигурировало это определение так активно, несмотря на проявления фактов экстремизма как вспышек агрессии в истории России, а на сегодняшний день все чаще говорят об экстремизме как о социальном явлении. Действительно, современное понятие экстремизма весьма размыто, включает в себя возбуждение расовой, религиозной и социальной вражды, воспрепятствование деятельности органов власти, избирательных комиссий, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля или его семьи, пропаганду и публичное демонстрирование нацистской символики и т.д. [1] Несмотря на обширный перечень проявлений экстремистской деятельности, закон упускает такие его проявления, как вандализм на местах захоронений, проявления экстремизма в Интернет-ресурсах и т.д. Как показывает статистика, ежегодно фактов экстремизма становится все больше.

Российское общество, действительно, как полинасыщенный социальный котел, кипящий различными противоречиями, возглавляемый властью с одной стороны и оппозицией с другой стороны. Простое население, особенно неустойчивая в морально-психологическом отношении молодежь, подростки, поглощая информацию и различные культурные, а также псевдокультурные ресурсы, сублимирует ее по-настоящему шокирующим образом.

Многие авторы указывают, что порождение экстремистских проявлений обязано в первую очередь противоречиям в этнической и конфессиональной сфере [2]. Может, если возродить в сознании каждого гражданина понятие соборности, независимо, приверженец он веры или атеист, возникнет понимание и уважение к тем ценностям, на которых зиждется история государства российского и отечественный национализм. Причем нельзя забывать, что Россия - многоконфессиональная, многонациональная страна, но таких религиозных войн, как в средневековой Европе, в нашей стране не было. Разве не это проявление соборности? Были лишь крещение Руси в X веке, когда стало вытесняться язычество, и полный атеизм после революции 1917 года, когда пришла власть Советов. То есть нашему народу есть, что сохранять и на что опираться, а на дикие проявления экстремистов, порочащих ценности государственности, нравственности и истиной веры, действительно, реагировать должно государство в лице правоохранительных органов.

В период сложных социальных и государственных потрясений и проявляются различные противоречия, которые становятся истоками экстремизма. Современное общество сотрясается от активного технолического и информационного развития, нестабильности экономических и социальных процессов, засилья западной культуры и пр.

В общей массе этих процессов немудрено потерять собственное национальное сознание. Причем, говоря о процессах, порождающих экстремизм, важно учитывать именно преломления в национальном сознании. Национальное сознание - «это акт мышления и вытекает из бытия нации. Сплошь и рядом национальное сознание зиждется на почве национального чувства, но оно не самобытно и является сознательным последствием первого» [4]. В то время как национальное чувство - это прирожденная принадлежность физической и душевной организации. Оно подсознательно, инстинктивно, именно оно есть острая реакция общества на вандальные действия с местами захоронений русских воинов, памятников архитектуры, бунтарские акции скинхедов, осквернение Храма нашумевшей группой молодых феминисток «Pussy Riot» и т.д.

Чем именно было сформировано национальное чувство, на чем основывается, думается, ответ на этот вопрос лежит в наших корнях, истоках государственности, нашей истории, вере. И что характерно: Церковь и государство как два оплота национального сознания, практически неразрывно существуя, сформировали нынешние национальные чувства, прописанные теперь в Конституции и нравственных устоях общества.

Государство как институт нашей социальной реалии существует в России с середины девятого века. Христианство - с конца десятого века. Они вместе, опираясь друг на друга, пережили множество катаклизмов: захватнических действий, войн, стихийных бедствий, внутргосударственных распрей, нищету и голод, рабство и революции, экономические спады и политические склоки.

Суждено ли было нашей стране идти с православными хоругвями в руке и распятиями Христа на груди, или это одна из исторических случайностей. Дело в том, что, выбирая в X веке в качестве государ-

ственной религии Православие, Владимир I опирался на то, что необходимо было поднять политический статус Киевской Руси, так как с языческой, варварской Русью иностранцы шли на уступки неохотно. Даже зерно с Руси объявлялось «нечистым», поэтому вынуждали отдавать его за бесценок. Необходимо было укрепить политический вес Руси, закрепив его в династических браках, а это можно было сделать, только приняв христианство (Владимир I женился на Византийской принцессе Анне, Ярослав Мудрый был женат на шведской принцессе и выдал замуж своих дочерей за иноземных монархов). Христианство освящало и укрепляло централизованную власть Киевского князя по принципу: «Один князь на земле - один Бог на небе». Ранее Владимир I пытался создать государственную религию в Киеве во главе с самым почитаемым языческим божеством - Перуном, но этой идее не суждено было осуществиться, так как племена продолжали поклоняться своим идолам. Но пережитки язычества по-прежнему живут в мировоззрении славянских народов (гадания на святках, масленица, суеверия и т.п.). Необходима была новая религия. Религия единства, любви к ближнему, братства. И этим верованием стали православные каноны. Политика по формированию соборности и единой религии в период удельных усобиц была нацелена на погашение бесчинств вассалов, установление мира, согласия и централизованного государства.

Попытка Руси привить православие Владимиром I была четвертой, ранее княгиня Ольга приобщилась к христианству и воспитала любовь к нему у своего внука Владимира I. В период правления князей Аскольда и Дира западное христианство постоянно оказывало влияние на Русь.

Но именно Владимиру I, который истинно уверовал в судьбоносное значение православия для Руси, удалось крестить Русь. Решение в выборе религии не было случайным, Великий князь послал послов изучить соседствующие религии и наибольший восторг на него произвели рассказы о Византии. Послов поразил огромный, светлый, воздушный, богато убранный храм Святой Софии в Константинополе. Изысканные фрески, иконы, золотая утварь, причастие, утонченные песнопения, распятия покорили русскую душу.

Дискуссионным остается вопрос о том, почему именно православие выбрал Влади-

мир I, а не католичество как разновидность христианства. Ответ кроется в причинах принятия новой религии - укрепление власти монарха, объединение людей, устранение распрей. В католичестве во главе Церкви стоит Папа, он же считался главой государства, то есть, приняв католичество, Русь приняла бы патронат папства, а в православии Церковь не заслоняла авторитет Князя, а, наоборот, укрепила его, создала надежную поддержку и хорошее подспорье в переломные периоды. Ко второй причине можно отнести то, что в католичестве все молитвы читаются на латинском языке; на Руси же, где христианство шло нелегким тернистым путем, очень важно было, чтобы простой необразованный люд понимал, о чем в церквях говорят и молятся. Ведь именно проповедная часть богословия по-прежнему занимает важное место в жизни прихожан.

Именно упорное желание Владимира I, его вера, духовная сила и непреклонность в столь судьбоносном решении смогла закрепить православие на нашей земле, внедрить его под корку русской души, что можно подтвердить многовековой историей нашей страны, где были и гонения священнослужителей, разграбление и осквернение церквей. Но в самые сложные, судьбоносные и острые вехи русской истории именно вера, иконы и хоругви в руках, благословение священника поднимали русский дух и патриотизм, начиная от борьбы с татаро-монгольских игом, заканчивая войнами новейшей истории - Великой Отечественной войной, Чеченской, а также борьбой с главным врагом современного мира - террором.

Русская Православная Церковь венчала на царство наших царей и императоров, объявляла их помазанниками Божьими, тем самым подтверждая нерушимость монархического режима. Крестьяне любили, уважали и почитали царя-батюшку, терпели, голод, нищету, крепостничество не как ошибочную политику монарха, а как национальную судьбу.

Храм - это целый мир, в котором и императоры, и простолюдины слушали одну исповедь, в святой обители все равны, невзирая на возраст, социальное положение, годовой бюджет и родословную.

Именно поэтому для истинного русского православного человека, а также того, кто живет в нашей стране, считает себя русским, но исповедует другую религию, должно быть неприемлемо, когда ра-

дикально настроенные молодежные экстремистские организации, своими публичными актами оскверняют русские святыни, то, на чем веками стоит государство российское и национальный дух, или осквернению подвергаются святыни иных верований. Такие молодежные организации пытаются создать рекламу пренебрежения национальным идеалам, для неокрепшего подросткового сознания это может быть весьма опасным. Как верно заметил В.В. Путин на прямой линии с россиянами в апреле 2013 года, «самое главное, чтобы все люди, все граждане России, любого вероисповедания и любой национальности должны осознавать, что мы - дети одной страны» [3].

Противостоя «татарщине», фашизму и западному экуменизму гораздо сложнее теперь противостоять самим себе, таким же, как мы, несущим зерно экстремизма. Но это необходимо, чтобы и наши потомки записали это на счет побед русского народа, чтобы духовность, преданность Отечеству и соборность по-прежнему были основами русского, теперь российского самосознания. «Ключ к пониманию русской жизни лежит в области религиозной, церковной, и, не усвой этого, мы не поймем ни себя, ни свой народ, ни свою историю» [5, с.8].

Наше государство было княжеское, царское, советское, сейчас - демократическое. Совершенно разноугольные государственно-правовые режимы и политическая идеология, культура и различный менталитет, но что тянулось сквозь века изменений, реформаций и эволюций - вера в национальную соборность. Именно форпост национальной соборности, заложенный Русской Православной Церковью, удерживал весы людских интересов в равновесном положении, в стены Храма по-прежнему идут люди, вновь приходят в моменты самых сложных жизненных ситуаций.

Традиционно русский народ был подобен монаху-отшельнику, который сознательно признавал свою нужность Отечеству и все свои лишения, преодолевал их усердной молитвой и благочестивым трудом.

Например, Преподобный Сергей Радонежский ни разу не отступил от заветов христианства, как бы тяжелы ни были испытания на пути его духовного восхождения. Подобно Иисусу, Преподобный всегда носил простое одеяние, жил в скромной келье, с раннего утра трудился вместе со своей братией, помогая всем нуждающимся-

ся и страждущим. Но какое судьбоносное и неизгладимое значение из русской истории внесли его деяния. Сергей Радонежский был одним из известнейших деятелей Русской Православной Церкви, основателем Троице-Сергиевой Лавры, выросшей вокруг его уединенной обители. Он жил во времена татаро-монгольского ига, и именно ему было суждено направить русскую нацию на борьбу с захватчиками, именно он в личной беседе благословил Дмитрия Донского на Куликовскую битву. Не будет голословным сказать, что соборность Русской Православной Церкви, воплощенная и в лице Святого Сергия Радонежского, укрепила и сохранила государственность и консолидировала земные и духовные мощи Руси. Недаром говорят, что «дух Православия есть дух целомудрия, нестяжания, кротости, покаяния, смирения...» [5, с.38].

Более IX веков размеренность и сила национального православного духа обеспечивала безальтернативное, единственное, нерушимое государственное устройство. Но что произошло после прихода к власти Советов? Русский народ предал многовековые государственные устои. Все, что создавалось столетиями, было признано постыдным, государственно-правовая система неверной, идеология - ложной. Оказалось, что детскость русской души, способной поверить и ждать «светлого будущего» направила поступательно эволюционирующую страну в омут революции и гражданской войны. Почему идеология коммунистов оказалась такой действенной? Скорее всего потому, что на гребне перемен, внутренних и внешних проблем страны обещания другой жизни и другого будущего, идеологически правильного, утопически равного слова коммунистов стали желанной и прежде запретной мечтой.

В отношении христианской веры представители советской власти действовали однозначно: разрушали храмы, намоленность которых приращалась веками, иконы и фрески прятали от людских глаз, золотую утварь переплавляли на «новые» нужды. В гражданских междоусобицах начала XX века брат убивал брата, потому что стояли под штандартами разных цветов; семьи выселяли из своих хуторов, потому что в советской стране не должно быть даже зажиточных, все равны; фамильные предприятия национализировались, ведь буржуазия - это придаток капитализма... Нацию лиши-

ли духовности, экономической эволюции. Эту огромную пустошь заполнили идеологические митинги, собрания, демонстрации, всеобщая агитация и пропаганда. Но что произошло в середине 1943 года - в самый разрушительный военный период для России? И.В. Сталин, понимая необходимость вернуть народ к национальному чувству, единственно которое способно придать сил в борьбе с фашистскими захватчиками, вернул веру народу. На фронт пришли церковники, батюшки стали вести службы, благословлять на бой. На любой войне, Великой Отечественной, Чеченской, Афганской, когда рядом смерть, любой атеист молится и многие принимают веру. Так было во все времена. Сейчас в России более 10 тысяч православных храмов, а в мире - более 30 тысяч, строятся новые, потому что в современном обществе люди стали нуждаться в Храме. Открываются церковные детские сады, школы, воскресные школы, Президент В.В. Путин также отметил, что в борьбе с экстремизмом важно преподавание истории, а также других предметов с религиозным воспитанием, независимо от вероисповедания, а также гражданско-патриотическое воспитания. Ведь по статистике 80% экстремистов - люди до 30 лет, то есть молодежь. Главным здесь видится не допустить в сознании ребенка зарождения экстремистской мысли и сформировать стойкое негативное отношение и порицание при ее появлении извне.

Государственный организм может заразиться вирусом экстремизма в случае внутренней слабости, полагают одни авторы, другие видят главным фактором мировую политику, игнорирующую интересы многих стран [6]. Модель противодействия экстремизму сегодня, безусловно, должна включать в себя устранение как внутренних, так внешних факторов - микросоциальных и политических, а также макросоциальных и макрополитических. Однако важно понимать, что общество - это каждый отдельный индивидуум, человек, личность. От того, на каких убеждениях эта личность сформировалась и каких национально-нравственных убеждений придерживается, может ли грамотно и трезво смотреть на информационный поток и культивирование лживых идеалов, зависит, сможет ли общество в целом в лице каждого человека оказать достойное противодействие экстремизму в любой форме его проявления.

Библиографический список:

1. Ст.1 ФЗ от 25.07.2002 №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с измен.и дополн.) // Информационно-правовой портал «Гарант».
2. Лапин А.А. Региональные особенности противодействия угрозам экстремистских проявлений, связанным с возникновением межэтнических конфликтов // Российский следователь. №2. 2013. С.37.
3. Информационная справочная система «Рамблер». Апрель. 2013.
4. Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России, 1912 г., переизд. СПб, 2006. С.42-43.
5. Битва за Россию. Союз Православной братии. СПб, 2009.
6. Пролетенкова С.Е. Общие методологические подходы к исследованию факторного комплекса религиозного экстремизма // Российский следователь. №4. 2013. С.36-37.

Extremism, countering extremism, morality, collegiality, national thinking.

The article analyzes the state of national thinking in the fight against extremism at the present stage.

Рецензенты:

Рытьков А.А., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

Светочев В.А., кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

КИРИЧЁК Е.В.,

кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры
государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России
Kirichek79@yandex.ru

УДК 342.7

**МЕСТО И РОЛЬ ПОЛИЦИИ В ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОМ МЕХАНИЗМЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА
И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

KIRICHEK E.

**THE PLACE AND ROLE OF THE POLICE IN THE ORGANIZATIONAL-LEGAL
MECHANISM OF ENSURING CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS
OF MAN AND CITIZEN IN THE RUSSIAN FEDERATION: DEFINITION OF THE PROBLEM**

Права, свободы, человек, гражданин, полиция, механизм, обеспечение, проблема, место, роль, Российская Федерация.

В статье рассматривается полиция как важный и необходимый элемент (субъект) организационно-правового механизма обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации предполагает деятельность огромного числа субъектов. В этом механизме правоохранительные органы, дополняя друг друга в процессе взаимодействия, образуют систему, выступающую ядром обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Специальным субъектом управления в организационно-правовом механизме является полиция. Это подтверждается ее местом и ролью в этом механизме.

Что же собой представляет организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина? Какое место занимает и какую роль играет полиция в этом механизме?

Отечественная юридическая наука активно пользуется понятием «механизм» для объяснения функционирования и развития тех либо иных правовых явлений. Примером могут служить такие категории, как «механизм правотворчества» [15], «механизм правоприменения» [20], «механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей» [9], «механизм правового регулирования» [3, 4], «социально-правовой механизм реализации конституционных прав и свобод граждан» [11], «социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина» [18], «механизм обеспечения экономической безопасности»

[14], «государственно-правовой механизм охраны конституционных прав и свобод граждан» [7], «механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности» [6], «механизм социально-правовой защиты конституционных прав» [13] и др.

Термин организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина не получил широкого распространения в науке. Это подтверждается тем, что существует терминологический разнобой, который можно объяснить рядом обстоятельств. Во-первых, различными подходами к интерпретации правовых явлений. Во-вторых, простой небрежностью при формулировании определений. Все это, безусловно, отрицательно влияет на разработку указанного механизма. Ввиду этого, проблема функционирования организационно-правового механизма обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина находится на стадии первоначальной разработки, когда необходимо прекратить бесконечные дискуссии и прийти к единому знаменателю в деле обоснования научной концепции (модели) данного механизма.

Представляется, что под организационно-правовым механизмом обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации следует понимать сложную, целостную, многостороннюю и многоуровневую систему орга-

низационно-правовых средств, с помощью которых осуществляется целенаправленное, результативное воздействие на общественные отношения в сфере реализации, охраны и защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина посредством взаимообусловленного, сбалансированного взаимодействия (функционирования) всех структурных элементов, каждый из которых имеет свое функциональное предназначение, с целью создания оптимальных политических, экономических, социальных, духовных, правовых и иных условий для наиболее полного пользования человеком и гражданином социальными благами (эффективного обеспечения прав и свобод).

При определении места и роли полиции в рассматриваемом механизме важное значение имеет его структура, в которой необходимо выделить статическую и динамическую стороны. При этом статическая (инструментальная) сторона показывает внутреннее строение этого целостного механизма, его отдельные элементы, взятые в единстве: социальные нормы (нормативная основа); субъекты, объекты и характер связей между ними; гарантии; механизм реализации, включающий механизм охраны и механизм защиты прав и свобод; механизм юридической ответственности; специфические организационно-правовые средства (правовая культура, правовое сознание, законность, правопорядок).

Статическая сторона является основой (фундаментом) для динамической стороны организационно-правового механизма, ее предпосылкой. Динамическая (функциональная) сторона определяет взаимообусловленное, сбалансированное взаимодействие (функционирование) всех структурных элементов (организационно-правовых средств), каждый из которых, как уже было отмечено выше, имеет свое функциональное предназначение [5, 21]. В ее основе лежит движение, т.е. процесс (процедура) функционирования, который и определяет взаимодействие статических элементов. Более того, действенность этого механизма (динамическая сторона) зависит от степени социально-правовой активности личности, ее отношения к своим правам и свободам.

В соответствии с изложенной выше структурой организационно-правового механизма обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина, место поли-

ции определяется статической стороной организационно-правового механизма. То есть полиция - это есть субъект механизма, осуществляющий особый вид профессиональной государственно-властной (управленческой) деятельности, являющейся составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, направленной на охрану общественного порядка, обеспечения прав и свобод человека и гражданина, общественной, государственной, национальной, миграционной, экономической, экологической и любой другой безопасности и связанной с применением мер государственно-принудительного характера.

В то время как роль полиции характеризуется динамической стороной, посредством раскрытия содержания ее деятельности в этом механизме. В контексте данного исследования основной акцент делается на рассмотрении административно-правовой, уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности.

Административно-правовая деятельность, под которой понимается целенаправленная организующая исполнительная и распорядительная деятельность, состоящая в непосредственном, практическом осуществлении задач и функций государства в сфере внутренних дел. Она включает охрану общественного порядка, обеспечение безопасности дорожного движения, производство по делам об административных правонарушениях, охрану и конвоирование подозреваемых и обвиняемых, осуществление лицензионно-разрешительной работы, профилактику административных правонарушений, охрану жилища и имущества граждан по договорам и др.

В целом же административная деятельность полиции может рассматриваться как создание благоприятных условий для реализации прав и свобод человека и гражданина, защита этих прав от неправомерных действий других лиц и источников повышенной опасности, в том числе проведение профилактических мероприятий.

Важным здесь является внедрение и использование во всех субъектах Российской Федерации АПК «Безопасный город». Задача по внедрению и развитию АПК «Безопасный город» была поставлена Президентом Российской Федерации еще в 2007 году. Аппаратно-программный комплекс используется для повышения уровня обще-

ственной и личной безопасности граждан, их защищенности от угроз различного характера. Сегодня установлены и действуют более 81,8 тысяч камер видеонаблюдения, в том числе в местах массового пребывания граждан - более 35,4 тысяч, жилом секторе - 33,5 тысяч. В 55 регионах России действует более 5,4 тысяч пунктов экстренной связи «гражданин-полиция» [8].

Однако для дальнейшего функционирования и расширения возможностей систем «Безопасный город» субъектам Российской Федерации необходимо определить специальные учреждения, на которые будут возложены функции по эксплуатации и дальнейшему развитию АПК. Территориальным органам внутренних дел необходимо в кратчайшие сроки завершить передачу технических средств видеонаблюдения и иного имущества АПК «Безопасный город», не предназначенных для оснащения подразделений полиции, на баланс соответствующих учреждений.

Значимость этого вида деятельности усиливается тем, что она осуществляется в постоянном взаимодействии с населением и затрагивает права, свободы и законные интересы широкого круга граждан.

Оперативно-разыскная деятельность - это вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ (ред. от 29 ноября 2012 г.) [2], в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Поскольку оперативно-разыскная деятельность полиции затрагивает права и свободы человека и гражданина, в частности, при проведении оперативно-разыскных мероприятий (опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочная закупка, наблюдение, отождествление личности и ряда других), большая часть которых относится к сфере частной жизни, использование ее результатов возможно лишь в случаях и пределах, строго регламентированных законом. В связи с этим возникает проблема создания качественного механизма предотвращения

злоупотреблений при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий и противоправного ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Позиция министра внутренних дел В.А. Колокольцева такова: если есть информация, по ней нужно работать. Необходимо все обязательно тщательно проверять и перепроверять. Главное препятствие оперативник ставит себе сам, когда задает вопрос, а все ли он сделал для того, чтобы следователь с чистой совестью смог по его материалам возбудить уголовное дело [12].

Как видится, первоочередной мерой здесь должна стать детальная правовая регламентация оснований ограничения неприкосновенности частной жизни при проведении оперативно-разыскных мероприятий.

Уголовно-процессуальная деятельность занимает важное место в организационно-правовом механизме обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина. Это положение подтверждают также статистические данные. Так, в январе - декабре 2012 года раскрыто 1252,8 тыс. преступлений (4,5%), в том числе 615,2 тыс. - следствие по которым обязательно (5,5%) и 637,5 тыс. - следствие по которым необязательно (3,6%). Сотрудниками органов внутренних дел предварительно расследовано 957,8 тыс. преступлений (7,3%), что составляет 76,5% всего массива предварительно расследованных преступлений, сотрудниками следственных органов Следственного комитета Российской Федерации - 146,3 тыс. преступлений (+16,2%), что составляет 11,7% всего массива, сотрудниками органов наркоконтроля соответственно 49,1 тыс. (5,1%), службы судебных приставов - 66,4 тыс. (+3,5%) [16].

Уголовно-процессуальная деятельность преследует две цели: во-первых, это раскрытие преступлений и привлечение виновных к уголовной ответственности (т.е. создание предпосылок для осуществления правосудия), во-вторых, обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, вовлеченных в сферу уголовного процесса.

Достижение этих целей возможно только путем строгого соблюдения нормативных правовых актов в деятельности самих органов, осуществляющих предварительное расследование посредством обеспечения прав и свобод всех участвующих в деле лиц, выявления причин и условий, способствующих совершению преступления, изобличения виновных, охраны и защиты невиновных лиц и т.д.

Более того, повышение эффективности расследования преступлений можно ожидать лишь при условии включения в процесс предварительного следствия и дознания комплекса мер по их должному организационному обеспечению на основе научного управления органами предварительного расследования [17]. Соглашаясь с этим, многие авторы причины отрицательных явлений в деятельности полиции по борьбе с преступностью связывают с недостатками в работе различных подразделений и служб, имеющих отношение к раскрытию и расследованию преступлений (следственных, оперативно-разыскных и др.) [10]. Представляется, что именно совершенствование деятельности уполномоченных органов и должностных лиц по расследованию преступлений должно обеспечить достижение объективной истины по делу, принятие правильного решения, комплексное использование сил и средств, умелую тактику действий сотрудников различных подразделений и служб.

Следует также отметить, что уже само предварительное следствие или дознание, проведенные своевременно и на должном профессиональном уровне, в строгом соответствии с законодательством Российской Федерации способствуют укреплению законности, правопорядка, обеспечению прав и свобод человека и гражданина.

В современных условиях особое значение приобретает проблема обеспечения прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса.

Потерпевший, а также обвиняемый - это главные субъекты заботы об обеспечении их прав и свобод в уголовном процессе, поскольку основной вопрос уголовного дела - вопрос об уголовной ответственности в связи с совершением преступления [19].

В 2012 году увеличилось в 1,5 раза число защищаемых лиц и составило почти 4 тысячи человек. Более чем на треть (с 1315 до 1761) увеличилось количество мер безопасности, примененных в рамках реализации положений Федерального закона от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ (ред. от 25 декабря 2012 г.) «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» [1].

Также сегодня в Государственную Думу направлен законопроект об упрощении порядка расследования малозначительных дел. Это возвращение к так называемой протокольной форме. Нет смысла проводить

полноценное расследование и документировать большое количество следственно-оперативных мероприятий, «если человек украл, например, велосипед из подъезда», - заметил Министр внутренних дел В.А. Колокольцев. Есть возможность и необходимость заимствовать опыт европейских государств, где есть четкое понимание: если само расследование стоит дороже, чем нанесенный ущерб, то такое расследование проводить нецелесообразно [12].

Это говорит о том, что в борьбе с преступностью необходима не унифицированная сложная процессуальная форма производства по всем уголовным делам до их судебного разбирательства, а рациональное сочетание традиционной процессуальной формы предварительного расследования по сложным делам с более упрощенной, простой процессуальной формой по остальным делам. При этом упрощение процессуальной формы предварительного расследования должно происходить не за счет законности, а в ее интересах.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что в настоящее время представляются приоритетными следующие основные направления реформирования административно-правовой, оперативно-разыскной и уголовно процессуальной деятельности полиции в организационно-правовом механизме обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина:

- разработка и внесение изменений в административное, уголовно-процессуальное законодательство и законодательство, регламентирующее оперативно-разыскную деятельность полиции с учетом международных принципов и стандартов, а также принятых Российской Федерацией обязательств, адекватных криминогенной ситуации в России, в том числе совершенствование системы мер государственного принуждения;

- формирование правосознания граждан на основе сочувствия к жертве правонарушения и солидарности с государственными органами в пресечении и расследовании преступлений и административных правонарушений;

- создание системы профилактики, носящей конкретный, адресный характер;

- принятие мер по обеспечению потерпевших от преступлений всесторонней защитой, компенсации причиненного ущерба, реабилитации и иной возможной помощи;

- искоренение практики направления обращений, заявлений, жалоб для разрешения вопросов по существу в тот орган или тому должностному лицу, решения или действия (бездействие) которых оспаривается;

- создание системы эффективной государственной защиты детей от насилия и преступных посягательств;

- передача несвойственных полиции функций по содержанию в помещениях органов внутренних дел иностранных граждан, подлежащих административному выдворению, а также создание и введение в эксплуатацию соответствующих специальных учреждений;

- упразднение в системе органов внутренних дел Российской Федерации медицинских вытрезвителей и создание специализированных наркологических и токсикологических отделений в медицинских учреждениях государственной и муниципальной систем здравоохранения.

Таким образом, деятельность полиции в организационно-правовом механизме

обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина трудно переоценить. Ее роль здесь весьма значительна, ибо именно сотрудники полиции, нередко с риском для жизни, делают многое для охраны и защиты прав и свобод человека, обеспечения личной безопасности граждан России. Они обслуживают само фактическое использование личностью своих прав и свобод, подкрепляя и взаимно усиливая друг друга. Задачи, функции, средства и процедуры их реализации определяют касающийся практически всех граждан России объем коммуникаций, взаимоотношений полиции и народа. Это свидетельство того, что полиция по объему, разнообразию регулирующих, контролирующих, разрешающих и упреждающих функций является самым дифференцированным инструментом государственной власти и одним из важнейших элементов организационно-правового механизма обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Библиографический список:

1. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федеральный закон от 20 апреля 1995 г. №45-ФЗ: ред. от 25 декабря 2012 г. // Собрание законодательства РФ. 1995. №17. Ст.1455; 2012. №53 (Ч.1). Ст. 7594.

2. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 года №144-ФЗ: ред. от 29 ноября 2012 г. // Собрание законодательства РФ. 1995. №33. Ст.3349; 2012. №49. Ст.6752.

3. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования // Право: азбука - теория - философия. М.: Статут, 1999. 712 с.

4. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. 187 с.

5. Анохин Ю.В. Государственно-правовое обеспечение прав и свобод личности (теоретический аспект): монография. Барнаул, 2004. С.84-86.

6. Анохин Ю.В. Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности: на материалах Российской Федерации: Дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2007. 465 с.

7. Бутылин В.Н. Государственно-правовой механизм охраны конституционных прав и свобод граждан: Монография. М.: Академия управления МВД России, 2001. 177 с.

8. В МВД России состоялось заседание Правительственной комиссии по профилактике правонарушений // Официальный сайт МВД России. // URL: http://www.mvd.ru/news/show_114772/ (дата обращения: 6 декабря 2012 г.).

9. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Волтерс Клувер, 2009. С.65-115.

10. Величкин С.А. Организация расследования преступлений. Л., 1985. 88 с.

11. Витрук Н.В. Социально-правовой механизм реализации конституционных прав и свобод граждан. М.: Юрид. лит., 1980. 256 с.

12. Глава МВД России Владимир Колокольцев о реорганизации органов внутренних дел // Официальный сайт МВД России. // URL: http://www.mvd.ru/presscenter/interview/show_115907/ (дата обращения: 6 декабря 2012 г.).

13. Глуценко П.П. Социально-правовая защита конституционных прав и свобод граждан (Теория и практика): Монография / Под общ ред. В.П. Сальникова. СПб.: Издательство Михайлова В.А., 1998. 441 с.

14. Илларионов А. Критерии экономической безопасности // Вопросы экономики. 1998. №10. С.45.
15. Ковачев Д.А. Механизм правотворчества социалистического государства. М.: Юрид. лит., 1977. 112 с.
16. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2012 года. // Официальный сайт МВД России. // URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/item/804701/> (дата обращения: 29 января 2013 г.).
17. Кулагин Н.И. Управление следственными аппаратами органов внутренних дел (Функционально-структурный анализ): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1990. С.3-7.
18. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996. 287 с.
19. Мотовиловкер Я.О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. Воронеж, 1984. С.4.
20. Чванов О.А. Механизм правоприменения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1995. 19 с.
21. Чесноков А.А. Государственный механизм защиты прав личности: история, теория, практика: монография / А.А. Чесноков / Под ред. д-ра юрид. наук, профессора А.С. Мордовца. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2010. С.30-31.

Law, freedom, man, citizen, police, mechanism, promotion, problem, place, role, Russian Federation.

The article discusses the police as an important and a required element (subject) of the organizational-legal mechanism of ensuring of constitutional rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation.

Рецензенты:

Гончаров И.В., доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Академии управления МВД России;

Барбин В.В., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России.

ЗВЕРЕВ П.Г.,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
pzverev2010@yandex.ru

**ПРАВОВОЙ СТАТУС ВООРУЖЕННЫХ СИЛ,
УЧАСТВУЮЩИХ В МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЯХ ООН**

**ZVEREV P.
THE LEGAL POSITION OF ARMED FORCES
WHICH TAKE PART IN UN PEACEKEEPING OPERATIONS**

Международная безопасность, Вооруженные Силы ООН, полицейские наблюдатели.

Статья посвящена проблеме эволюции правового статуса вооруженных сил, участвующих в миротворческих операциях ООН. Автор обозначает проблемы в сфере нормативного регулирования правового статуса вооруженных сил и осуществляет поиск путей их решения.

С конца 1980-х годов, ознаменованных окончанием «холодной войны» и крушением биполярного мироустройства, и фактически по сегодняшний день - начало второго десятилетия XXI века - продолжается реформирование системы Организации Объединенных Наций, включая не закрепленные нормами международного договорного права институт миротворческих операций, проводимых под эгидой ООН. Концептуальные подходы международного сообщества и внешняя политика отдельных государств в отношении ряда проблем международной безопасности существенно скорректированы. Уже в 1990-е годы была отмечена резкая активизация международных миротворческих усилий, а также некоторое смещение акцентов в сторону регионального миротворчества, осуществляемого в пределах компетенции региональных организаций (ОБСЕ, ЕС, Африканского союза и др.). Эти процессы совпали как с ростом взаимопонимания между постоянными членами Совета Безопасности ООН, так и с повышением уровня нестабильности в мире, спровоцированного крушением прежней системы международных отношений и обнажившимися противоречиями между Западом, Востоком и Югом. Все это не могло не сказаться на усложнении задач, традиционно решаемых миротворческими силами. Довольно скоро целый комплекс форм и методов урегулирования конфликтных ситуаций, успешно реализованный в практической деятельности ООН в прежние десятилетия, морально устарел и утратил свою эффективность. Возникла острая потребность поиска новых способов

повышения эффективности международного миротворчества. В конечном итоге это выразилось в необходимости пересмотра самой концепции использования вооруженных сил для проведения миротворческих операций.

Проблема определения правового статуса вооруженных сил, участвующих в миротворческих операциях ООН, остается актуальной и сегодня, несмотря на наличие работ по данной проблематике [2, 4]. Для МВД России эта проблема актуальна в том смысле, что сотрудники полиции и внутренних войск МВД РФ уже на протяжении двух десятилетий принимают активное участие в целом ряде миротворческих операций ООН в разных «горячих точках» планеты, наряду с личным составом Вооруженных Сил России и представителями гражданского компонента миротворческих миссий. Как было указано выше, институт международного миротворчества по-прежнему остается институтом обычного права, что вызывает на практике целый ряд нюансов и проблемных ситуаций. Поэтому определение правового положения личного состава вооруженных сил (и сотрудников полиции), принимающих участие в той или иной миротворческой операции, является важной и актуальной задачей.

Традиционно выделяют несколько основных этапов в развитии международного миротворчества под эгидой ООН. Этим этапам вполне соответствуют периоды эволюции подходов международного сообщества к реализации миротворческих функций.

Первый этап (1948-1956 гг.) охарактеризован двумя операциями, которые продолжаются и по сегодняшний день. Первая

из них - это Миссия ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия, созданная для мониторинга за выполнением соглашения о прекращении огня между Израилем и соседствующими с ним арабскими государствами в 1948 г. Второй стала деятельность группы военных наблюдателей ООН в Индии и Пакистане, инициированная в 1949 г. для наблюдения за линией разграничения между этими странами в спорном штате Кашмир. Следует отметить, что апробированные на данном этапе методы учреждения миссий по наблюдению за прекращением огня носили во многом экспериментальный характер (впоследствии это стало «доброй традицией» международного миротворчества ООН).

Начавшийся в 1956 г. второй этап международного миротворчества символизируется резким возрастанием напряженности в международных отношениях в рамках военно-политического противостояния блоков ОВД и НАТО. Проводимая СССР и США взаимная политика ядерного сдерживания вынуждала сверхдержавы в ряде случаев искать компромиссы, чтобы не допустить эскалации конфликтных ситуаций в регионах и перерастания их в глобальный военный конфликт. Именно в этот период впервые были сформированы миротворческие силы ООН для прекращения огня и поддержания международного мира - Чрезвычайные силы ООН на Синае, операция ООН в Конго, Силы ООН по сохранению мира на Кипре, а также миссии наблюдателей в Ливане, Йемене, Доминиканской Республике и на индо-пакистанской границе. В ходе этих операций совершенствовался механизм воздействия на противоборствующие стороны с целью создания необходимых условий для реализации мирных средств разрешения международных споров.

С 1967 г. по 1973 г. (между 2-й и 3-й арабо-израильскими войнами) осуществляется третий этап международного миротворчества, ознаменованный еще более ожесточенным противоборством военно-политических блоков Запада и Востока. Это приводит к постепенному свертыванию миротворческой деятельности ООН, что в практическом отношении выразилось в отсутствии вновь организованных миротворческих операций.

Четвертый этап, связанный с окончанием Октябрьской войны 1973 г. на Ближнем Востоке и продлившийся до конца 1980-х годов, можно считать периодом возрождения

международного миротворчества ООН как средства, обеспечивающего контроль за положением дел в случае кризисного развития конфликтных ситуаций. Характерной чертой миротворческих операций данного этапа является то, что они предпринимаются с согласия вовлеченных в конфликт сторон, а миротворческие силы формируются на основе контингентов вооруженных сил небольших государств, сохраняющих по отношению к конфликту нейтралитет. Постепенно складывается две формы участия военнослужащих в миротворческих операциях: направление военнослужащих на индивидуальной основе в состав наблюдательных миссий (военные наблюдатели) и выделение отдельных подразделений национальных вооруженных сил в состав миротворческих сил (национальные военные контингенты).

Начавшийся в первой половине 1990-х годов пятый этап международного миротворчества ООН ознаменован пересмотром самой миротворческой концепции. Миротворческие операции становятся многокомпонентными, разнонаправленными. Серьезные дискуссии вызваны появлением качественно новой точки зрения в пользу отказа от одного из принципов *ius cogens* - невмешательства во внутренние дела государства. Проблемы «гуманитарной интервенции», «принуждения к миру» и прочие способствуют резкой поляризации мнений как в Совете Безопасности ООН, так и в государственных политических и юридических кругах.

В целом же приходится констатировать, что за 60 лет существования ООН механизм подготовки, организации и контроля за операциями с привлечением национального военного персонала так и не был создан. Политика миротворчества традиционно формируется на прецедентной основе (для учреждения каждой операции выносятся решение *ad hoc*, создается свой механизм управления), в рамках ограничений, предусмотренных Уставом ООН, то есть имеет обычно-правовую природу.

На современном этапе в основе практики миротворчества лежит идея координации политических и военных мер, использования различных возможностей участия в урегулировании конфликтных ситуаций, комплексный подход на основе сочетания норм VI и VII глав Устава ООН. По сути, миротворческие решения базируются на основе военных полномочий, предусмотренных

главой VII Устава ООН для акций, предпринимаемых в случае нарушения мира и актов агрессии¹. Одной из первых таких акций стала операция ООН по поддержанию мира в Намибии (1990 г.). Данная форма миротворческой деятельности получила широкое распространение в 1990-2000-х годах под названием «VI с половиной» ввиду того, что Вооруженные Силы ООН (включая полицейский компонент) получили возможность использования легкого стрелкового оружия в оборонительных целях.

В условиях доминирующей роли ООН при проведении международных миротворческих операций существует целый ряд других международных институтов (именуемых в Уставе ООН «региональными организациями и соглашениями»), которые в последние два десятилетия довольно активно решают аналогичные задачи - НАТО, Европейский Союз, ОБСЕ, Африканский Союз, Организация американских государств, Лига арабских государств, СНГ, ОДКБ и другие. Сама Организация Объединенных Наций может поручить проведение той или иной миротворческой операции одной из вышеперечисленных международных организаций.

Если миротворческие усилия предпринимаются региональными организациями и соглашениями самостоятельно, без участия ООН, они обязаны предоставлять Организации Объединенных Наций всю необходимую информацию о проведении миротворческих акций (ст.54 Устава ООН).

Не обращаясь к классификации миротворческих операций, можно отметить, что в целом они представляют собой действия, направленные на склонение противоборствующих сторон к соглашению. При этом миротворческие вооруженные силы (включая полицейский компонент) ставят перед собой следующие цели:

- наблюдение за развитием ситуации в зоне конфликта (постконфликтной зоне), сбор и обработка информации;
- фактическое принуждение противоборствующих сторон к прекращению насильственных действий и заключению мирного соглашения;
- защита гражданского населения от агрессии;
- изоляция территории или группы комбатантов для ограничения их контактов с внешним миром.

При этом следует иметь в виду, что принуждение, ставшее новым методом международного миротворчества последних двух десятилетий, не предусматривает обязательного согласия сторон на ввод миротворческого контингента.

Для достижения указанных целей перед вооруженными силами, участвующими в миротворческих операциях, формулируется ряд задач:

- контроль за соблюдением условий перемирия и прекращения огня;
- принудительное разъединение воюющих сторон;
- превентивный ввод вооруженных сил в зону потенциального конфликта;
- восстановление и поддержание правопорядка и стабильности;
- обеспечение оказания гуманитарной помощи;
- формирование транзитных зон и установление ограничений на передвижение, а также запретных зон и контроль за ними;
- установление режима санкций и контроль за его соблюдением.

Указанные задачи довольно эффективно решаются в процессе миротворческих операций, однако реализация некоторых из них требует тщательной подготовки. Так, в ходе миротворческих операций ООН в бывшей Югославии использовались гуманитарные конвои для доставки вооружения и боеприпасов враждующим сторонам, а «прозрачность» контролируемых ООН территорий повлекла за собой выдвижение претензий со стороны сербов о намеренном поощрении незаконных поставок оружия мусульманам Боснии и Герцеговины. Эти и другие случаи указывают на то, что механизм реализации задач, поставленных вооруженным силам, участвующим в миротворческих операциях ООН, нуждается в совершенствовании, равно как и правовая база использования национальных контингентов вооруженных сил, особенно в условиях реализации мер воздействия по отношению к противоборствующим сторонам и привлечения к ответственности самих миротворцев, допустивших нарушения норм национального или международного права.

Отдельного внимания заслуживает ситуация принудительного разъединения воюющих сторон как задача, фактически выводящая миротворческую деятельность на

¹ При этом не следует забывать о том, что проблема универсального определения агрессии по-прежнему не решена на уровне общего международного права.

уровень боевых операций, ведь, по сути, это является доказательством отказа от методов традиционного миротворчества. С одной стороны, операции по принуждению к миру расширяют возможности урегулирования конфликтных ситуаций, с другой - несут в себе опасность утраты миротворческими силами статуса беспристрастного арбитра [3].

Концепция принуждения к миру получила развитие не только в силу изменившегося характера вооруженных конфликтов, но и под воздействием ряда геополитических факторов, таких, как распад Советского Союза и одновременное усиление влияния США, западноевропейских наднациональных структур (ЕС) и военно-политического блока НАТО. В конечном итоге это привело к тому, что данные институты стали осуществлять фактический контроль над миротворческими операциями, осуществлявшимися раньше под эгидой ООН. Ярчайшим примером тому стали миротворческие операции 1990-х годов в бывшей Югославии. Так, Организация Объединенных Наций, утратив контроль за проведением миротворческой операции в Косово, вынужденно делегировала функции Совета Безопасности ООН структурам НАТО. Россия, постоянный член Совета Безопасности ООН, была исключена из процесса принятия решений по наиболее серьезным вопросам (таким, как бомбардировка позиций сербов).

Данный этап в развитии международного миротворчества должен послужить руководством Российской Федерации наглядным примером того, что России следует принимать самое деятельное участие в процессах реформирования ООН, касающихся вопросов использования миротворческих сил. Это позволит избежать ослабления позиций нашей страны в международном сообществе.

В настоящее время продолжается начавшийся еще в 1990-е годы поиск новых подходов к формированию воинских контингентов для миротворческих операций ООН. По-прежнему не исключается возможность создания постоянных Вооруженных Сил ООН, равно как и сил Международной полиции.

Не отказалось международное сообщество и от выдвинутой еще в начале 1990-х годов идеи создания «резервных сил» ООН [1]. Ключевым моментом данной концепции является существенно возрастающая, в случае ее принятия, роль Генерального секретаря ООН, ввиду закрепления за

ним права выбора воинских контингентов из числа тех, которые выделяются в состав «резервных сил» на основе предварительно заключенных соглашений с национальными правительствами. По мнению специалистов, сохранение такого положения может негативно отразиться на возможностях России контролировать процедуру принятия частных решений по вопросам миротворчества, так как российское представительство в исполнительных органах ООН чрезвычайно слабо [2].

В условиях сегодняшней экономической слабости нашей страны и фактически продолжающейся в ее отношении политики изоляционизма России, на наш взгляд, следовало бы сосредоточить свои усилия на отыскании наиболее эффективных методов осуществления регионального миротворчества в рамках СНГ и ОДКБ. Это не просто, особенно если учитывать чрезмерную ориентацию международных институтов на получившую с легкой руки апологетов русофобской политики западную теорию «возрождения имперских амбиций России», которые якобы прослеживаются во всей ее внешней политике, включая миротворческие усилия Вооруженных Сил РФ на территории бывшего Союза ССР. В решении этой проблемной ситуации хорошим подспорьем стало бы подкрепление российских миротворческих операций мандатом ООН, который не только «легализовал» бы их с точки зрения международного права, подчеркнув их беспристрастность, но и в определенной степени помог бы компенсировать часть финансовых затрат на их проведение.

Современный этап развития международного миротворчества неразрывно связан с трансформацией всей системы международных отношений. В ее рамках пересматривается практика задействования вооруженных (полицейских) сил в миротворческих операциях (преимущественно на основе норм международного обычного права). За свою более чем полувековую историю ООН сформировала общепризнанную концепцию использования вооруженных сил в миротворческих операциях в целях урегулирования кризисных и конфликтных ситуаций. Вместе с тем механизм международного миротворчества все еще нуждается в дальнейшем совершенствовании: в частности, недостаточно регламентированы вопросы процедурного согласования использования военной силы в миротворческих операциях.

Как следствие, в условиях меняющейся парадигмы международного миротворчества не до конца определенным остается правовой статус вооруженных сил (полицейских наблюдателей), участвующих в миротворческих операциях. Традиционно ООН идет по пути определения его в рамках мандата и стандартных процедур каждой миротворческой операции.

Россия, как и все остальные постоянные члены Совета Безопасности ООН, несет серьезную морально-политическую ответствен-

ность за качество организации и практику осуществления учреждаемых ООН миротворческих операций. Несмотря на увеличение количественного присутствия российских миротворцев из числа Вооруженных Сил и МВД РФ, в сравнении с советской эпохой, реальное влияние России на оперативное руководство миротворческими операциями фактически незаметно и требует серьезных усилий по активизации ее участия в процессе выработки и принятия ответственных решений в области международного миротворчества.

Библиографический список:

1. Брынкина Я. Распад СССР и расширение сотрудничества РФ с ООН в области миротворчества. // URL: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2007/scientificarticles/Brynkina/>.
2. Печуров С., Курдов Б. Вооруженные силы в миротворческих операциях (некоторые рекомендации для России). // URL: http://www.rau.su/observer/N1-2_95/1-2_07.htm.
3. Рогов С., Кобринская И. Операции ООН по принуждению к миру (политические, организационные и военные аспекты). // URL: http://www.rau.su/observer/N09_95/9_05.htm.
4. Хохлышева О.О. Динамика миротворческих процессов XX века: Дисс... докт. ист. наук. Нижний Новгород, 2003. 494 с.

International security, UN Armed Forces, police observers.

The article is dedicated to the issue of evolution of legal position of armed forces which take part in UN peacekeeping operations. Author emphasizes the problems in the field of normative regulation of armed forces legal position and seeks for the ways of solving them.

Рецензенты:

Старостина С.А., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры общеправовых дисциплин Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

Мешков В.М., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

ВОПРОСЫ КРИМИНОЛОГИИ

КРИВОШЕЕВ В.В.,

доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры политики, социальных технологий и массовых коммуникаций исторического факультета БФУ им. И. Канта
MBerendeev@kantiana.ru

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

**KRIVOSHEEV V.
SOCIETY CRIMINALIZATION: CRIMINOLOGICAL AND SOCIOLOGICAL ASPECTS**

Криминализация, криминологический анализ, социологический анализ.

В статье анализируется различие в криминологическом и социологическом подходах к исследованию криминальной патологии социальных отношений и взаимодействий.

Одним из сущностных явлений современного общества выступает криминализация всей системы связей, взаимодействий, отношений. Причем на всех уровнях социальной организации. Каждая отрасль социального познания располагает специфичным арсеналом методов, принципов, позволяющим выявить существенные стороны патологии общественной жизни, определить причины процессов и явлений, нарушающих социальный порядок. В данной статье предлагается демаркация криминологического и социологического подходов к рассмотрению криминальной патологии социума.

Известно, к примеру, что в теории права, и, прежде всего, в теории уголовного права, под криминализацией понимается перевод деяния в уголовно наказуемое. Соответственно декриминализация мыслится как процедура изъятия из уголовного кодекса статьи (статей), предусматривающих уголовную ответственность за какое-либо действие. «Криминализация - это процесс признания деяния преступным и закрепления его признаков в уголовном законе, установления за него уголовной ответственности. Декриминализация - это обратный процесс, связанный с признанием деяния непроступным, исключением его признаков из уголовного закона, отменой уголовной ответственности за его совершение (возможно, с установлением за него других видов ответственности, например, административной)» [1, с.161]. Так было, например, со спекуляцией, статья о которой содержалась в Уголовном кодексе РСФСР 1960: «Статья

154. Спекуляция. Спекуляция, то есть скупка и перепродажа товаров или иных предметов с целью наживы...» [2]. Соответственно спекуляция была криминализована, то есть это было деяние, говоря юридическим языком, предусматривающее уголовное наказание (до двух лет лишения свободы с конфискацией имущества или без таковой). Ныне спекуляция, с этой точки зрения, декриминализована, то есть не является наказуемым действием. Это действие вполне вписывается в практику рыночных механизмов хозяйствования.

В криминологии под криминализацией понимают увеличение числа зарегистрированных преступлений и количества выявленных лиц, их совершивших. И.И. Карпец, к примеру, исследуя социальные истоки преступности, отмечает такую ее характеристику, как интеграция массы индивидуальных актов, поступков людей, нарушающих нормы-запреты, закрепленные в законе, возрастание числа индивидов, преступающих их [3, с.27-28]. В обстоятельной монографии, посвященной проблемам преступности в двадцатом столетии, развертывающей широкую панораму этого негативного явления и в мировом масштабе, и на уровне регионов планеты, отдельных стран, В.В. Лунеев строит свою аргументацию, всецело опираясь на статистические данные о зарегистрированных преступлениях и лицах, их совершивших [4].

Такое понимание криминальных аспектов социальной жизни дает возможность оценить масштаб преступности в обществе, тенденции роста или, напротив, снижения числа

различных видов негативных деяний и т.п. В конечном счете многие выводы о ситуации в обществе в целом делались и делаются, что справедливо, на основе так называемой уголовной статистики, а то обстоятельство, насколько полно, достоверно это позволяет судить об обстановке в социуме, условиях и результатах всех процессов в нем, не вписывается в наши задачи.

И юридически-правовой, и криминологический, как более частный, анализ не только уместны, но и весьма полезны с точки зрения отслеживания динамики негативных процессов в обществе, выявления наиболее уязвимых точек, вызывающих кардинальное негативное перестроение социальной структуры, институтов, всей системы социальных отношений на криминальной основе.

Что касается социологического анализа, то он, по нашему мнению, предполагает иной подход к рассмотрению криминальной действительности, фиксации и интерпретации фактов, свидетельствующих о насыщении общества неправовым, неморальным. Такой методологический подход был сформулирован П.А. Сорокиным. С его точки зрения понятия «преступление», «преступный акт» в социальном отношении отличаются от данного понятия, принятого в юриспруденции. «Нет ни одного акта, действительного или воображаемого, - отмечает Сорокин, - который по своей материальной природе был бы преступным или запрещенным. Разнообразные акты, *«называемые»* убийством и спасением, ложью и искренностью, обманом и правдой, жестокостью и милосердием, кражей и раздачей собственности, лечением ран и нанесением ран, альтруистическими поступками и эгоистическими актами и т.д. и т.д., - все эти и другие, противоположные друг другу, акты не являлись и теперь еще не являются сами по себе преступлениями или добродетельными поступками. Один и тот же акт даже в одной и той же группе мог быть и преступлением, и подвигом в зависимости от того, какие переживания он возбуждал в индивидуе, кем выполнялся и против или в пользу кого он был направлен, например, акт убийства, если он был направлен против врага или чужеземца, был подвигом, если же направлен был против единокровцев, считался преступлением с точки зрения одних и тех же лиц. Если хозяин убивал раба, поступок с точки зрения хозяина и др. не считался за преступление, если же раб убивал хозя-

ина, его поступок квалифицировался как акт преступный... И теперь еще за убийство врага на войне одни и те же лица дают награды, но за убийство в мирное время того же иноземца посылают на каторгу. То же относится и к краже, и ко всем другим актам. Ложь и обман в нормальных условиях мы считаем за нечто предосудительное, недопустимое; но та же ложь в сфере дипломатических отношений возводится в принцип и награждается. Говорить правду мы считаем социальной необходимостью, но говорить правду, например, врагу во время военных действий, врагу, который требует от попавшего в плен солдата сведений о количестве, расположении и планах войска, к которому принадлежит этот солдат, мы считаем вещь недопустимой, клеймим терминами «измена», «предательство» и так или иначе караем» [5, с.163].

Такова точка зрения социолога. И она тем более важна для социологического анализа сейчас, учитывая специфику всего происходящего, в частности, в современном российском обществе ныне такова, что не только отдельные явления, но и вся ситуация в нем принципиально не может быть сведена лишь к открытому, явному противостоянию праву, закону растущего числа индивидов. Это и побуждает нас несколько переосмыслить понимание дезинтеграционных, аномичных процессов и явлений, которые не могут быть, по нашему убеждению, интерпретированы соответствующими категориями, имеющимся понятийным аппаратом. Современное общество, а для нас, естественно, наибольший интерес представляет нынешний российский социум, криминализовано. И криминализация его мыслится нами в русле следующих сущностных характеристикующих моментов.

Криминализация с социологической точки зрения, на наш взгляд, есть процесс более глубокий, охватывающий не только сферу преступных действий, влеченных, встроенных во все социальные институты, структуру общества, во все его подсистемы, отношения, но и затрагивающий, даже определяющий область установок, представлений, ожиданий, мотивов людей, социальных групп. В настоящее время все в большей мере фиксируются феномены, напрямую не относящиеся к нарушениям закона, не влекущие стало быть правовые санкции и уже в силу этого не учитываемые уголовной статистикой, но находящиеся на тонкой гра-

ни, разделяющей социально приемлемое, нормальное действие, поступок, замысел от тех, которые таковыми не являются.

Содержательно сужать социологический смысл понятия «криминализация», по нашему мнению, нельзя. Социология призвана с более широких социальных позиций, учитывающих обусловленность какого-либо феномена другими социальными явлениями, понимать, разбираться в существовании общества, его функционировании. Такой более широкий аналитический взгляд социологии позволит не только теоретически осмысливать процессы, ведущие к угасанию функций основных социальных институтов, их замещению иными, антисоциальными квазиобразованиями, но и практически прорабатывать механизмы, социальные технологии преодоления негативной направленности развития общества.

В то же время следует, по нашему мнению, отдавать отчет, что неправомерным было бы и излишне широкое толкование криминализации, безграничное, по сути, увеличение числа признаков этого процесса, наделение его таким массивом характеристик, которые приводили бы к невозможности отделить столь тотально понимаемый процесс от других. Иными словами, при таком отношении к определению криминализации состоялось бы фактическое сведение этого процесса ко всем остальным, что не только не позволяло бы вычленять его качественную специфику теоретически, но соответственно не давало бы возможности строить прикладные, более приземленные конструкты, помогающие перейти к практическим рекомендациям по оздоровлению ситуации в обществе. Исходя из этих предварительных посылок, уточнений мы и можем приступить к определению криминализации, выразить, как нам представляется, существо процесса, которое это понятие передает.

Во-первых, *криминализация мыслится нами как понятие, передающее определенный уровень аномии, дезинтеграции общества*, переход за определенную меру, черту этих негативных процессов. Криминализация, таким образом, означает появление некоего нового качественного состояния общества, среди сущностных характеристик которого мы можем зафиксировать все большее распространение, утверждение негативных социальных норм.

Здесь мы должны сделать одно уточняющее замечание. Когда мы говорим о кри-

минализации как переходе общества через определенную меру его прежней определенности, мы имеем в виду понятие «норма-интервал», которое соотносимо с диалектически трактуемой категорией «мера» в социальном ее приложении. Когда же мы говорим, что это новое качественное состояние общества характеризуется насыщением его негативными нормами, то под нормой мы понимаем наиболее распространенные образцы, виды, стандарты взаимодействий и поведенческих актов.

Представляется необходимым сделать и комментарии относительно нашего понимания нормы негативной и нормы позитивной. Типичное, утвердившееся, наиболее распространенное действие или явление социальной жизни, говоря математическим языком, может быть как со знаком «плюс», так и со знаком «минус». К примеру, достаточно хорошо известно, насколько сейчас распространена в России так называемая вынуждаемая силовая защита («крыша», «крышевание»), предоставляемая хозяйствующим и иным субъектам организованными преступными сообществами, да и не только ими, за определенную плату («дань»). Пользуются такой защитой едва ли не все сколь-нибудь заметные бизнесмены и даже адвокатские конторы, не говоря уже о простых «палаточниках». Мы считаем, исходя из вышеизложенного нашего понимания, существование такой защиты социальной нормой. Но, естественно, мы не можем утверждать, что эта норма нормальна в позитивном аспекте. Это негативная норма. Отсутствие юридической оценки поступков, явлений, иными словами, не приравнивается к отсутствию всякой, прежде всего, моральной оценки. Что касается позитивной нормы, то это такие действия, поступки, взаимодействия, которые развивают общество, содействуют физическому и нравственному его здоровью, повышают степень зрелости отношений. Криминализация и означает все большее распространение негативных норм, не подкрепленных правом, законом, моралью.

Можно предвидеть критику выделения позитивной нормы и, прежде всего, в связи с использованием достаточно сложно поддающейся однозначной интерпретации понятия «физическое и нравственное здоровье общества». И если первое слагаемое в этом понятии, касающееся физического здоровья, все же относительно легко переводится на язык параметров, фиксируется статистикой, то второе, затрагивающее нравствен-

ность общества, на первый взгляд не видится таким уж строго констатируемым. И все же мы полагаем возможным такое понимание позитивной нормы. В любом случае позитивные ориентации, мотивы, оценки индивидов, групп, свидетельствующие об уровне их нравственного самочувствия, поддаются учету. Речь, например, может идти о наличии или отсутствии ориентации на взаимопомощь, сострадание, сочувствие, разные формы солидарности. Речь может идти и о степени распространенности в обществе ненормативной лексики. Как бы ни было распространено это явление, какими бы доводами не оперировали немногочисленные ее защитники, совершенно, по нашему убеждению, очевидно, что это явление разрушает, деформирует нравственность, снижает барьер восприятия недозволенного, запретного. В примере с ненормативной лексикой, к слову, хорошо прослеживается связь позитивной и негативной норм социальной жизни: распространенность явления, типичность его отнюдь не означает его полезности, позитивной значимости с точки зрения функционирования общества в целом.

Криминализация передает определенный достигнутый уровень замещения одобряемого в обществе осуждаемым с точки зрения позитивных норм, сколько бы индивидов ни разделяли такие нормы. Здесь мы предвидим возможные упреки, более того, наблюдаем и сами вроде имеющееся противоречие. Речь идет о том, можно ли указать, кто или что, имея в виду социальные институты, организации, группы, зафиксировать, оценить, какой поступок, действие следует относить к позитивным, а какой - к негативным. Получается на первый взгляд, что такое выделение абстрактно, лишь теоретически трактуемо, но мало пригодно для анализа конкретных социальных объектов в реальных условиях их жизнедеятельности. Ведь получается, что нужен некто, находящийся вне социальной системы и наделенный безупречным социальным измерителем, инструментом, который позволял бы вполне объективно судить, оценивать, что приемлемо для общества, а что нет. Но дело в том, что, по нашему представлению, размытость граней между социально позитивным и социально негативным как сущностное выражение криминализации как раз и означает, что общество утратило либо находится близко к утрате критериев различения конструктивного и деструктивного, ведущего

к угнетению, дальнейшей дезинтеграции, аномии социума или ведущего к повышению его зрелости, моральной наполненности всей совокупности социальных отношений и взаимодействий. Иными словами, криминализация и означает угасание, исчезновение самой возможности четкого различения позитивной и негативной социальных норм.

Во-вторых, *криминализация представляется нам и как процесс, и как его результат, означающий не просто появление, а все большее распространение, также переходящего норму-интервал, меру, своеобразного социального мира, занимающего до- или околопреступное положение в социальном пространстве.* Превышение определенной меры аномии, дезинтеграции приводит ко все более массовым таким действиям, которые находятся на тонкой грани запретного, наказуемого уже не только с точки зрения моральных принципов. Этот социальный мир состоит из возрастающего числа девиантов, а девиация, в свою очередь, выступает как некая часть, питательная среда, база дальнейшей криминализации социума. Конечно, в девиантные действия, поступки входит и множество социально неопасных поведенческих актов. В нашем случае речь идет не о них. Возрастающая алкоголизация, распространение наркомании, проституции и т.п. деяний, феноменов, о чем мы еще будем говорить детально, это и есть своеобразная серая, пограничная социальная зона, постоянно воспроизводящая запредельную аномию, то есть криминализацию.

Раскрытие характеристик, черт этого относительно самостоятельного, предшествующего преступному около- или допреступного мира, с которым мы также связываем понятие «криминализация», может, как нам видится, быть подвергнуто критике. Ведь изначально «криминализация», как термин, несет в себе обращение к латинскому истоку *crimen* (*crimis*), означающему «уголовный», «преступный». Стало быть переносить этот достаточно ясный, однозначно трактуемый смысл термина на описание явлений, установок, представлений, на анализ процессов, напрямую не связанных с антиправовыми, именно преступными деяниями, было бы не вполне корректно. Наша позиция в связи с этими возможными упреками такова.

Криминализация, понимаемая нами как процесс замещения позитивных норм, ведущих к развитию общества, его структур, к увеличению его способности социализи-

ровать личность, утверждать нравственные начала в поведении и ментальной сфере, несводима лишь к открыто, бесспорно преступным проявлениям, росту их числа в силу многоуровневости, полисодержательности самого этого процесса. В нем есть и прямое, жесткое нарушение фиксированных правовых норм, и появление все в большем масштабе актов беспрецедентной жестокости, насилия, агрессии. Но в этом процессе есть и своего рода предпреступные слагаемые, пограничные элементы, не подпадающие как действия под статьи уголовного кодекса. Мы и не утверждаем, что это преступления с точки зрения уголовного законодательства. Хотя, по нашему представлению, и они свидетельствуют о глубокой деформации общества. Законодатель сколь угодно долго, к примеру, может не включать в уголовно наказуемые деяния коррупцию, затрудняться даже с юридическим определением этого понятия. Для нас, в социологическом анализе, это совсем не означает отсутствия такого явления и его сущности, не вписывающейся в представления о позитивной социальной норме. Пограничный околопреступный мир генерирует преступное поведение, разлагает нравы, дезориентирует общество, прежде всего, подрастающее поколение, еще только проходящее социализацию и теряющееся, путающееся в нормах, ценностях, предпочтениях.

В-третьих, *криминализация передает и состоявшееся замещение моральной и правовой регуляции другими средствами, инструментами, механизмами, среди которых мы можем выделить целесообразный прагматизм, означающий ситуативно понимаемую систему действий, наилучшим образом удовлетворяющих частный интерес вне сопряжения с интересами групп, общества в целом.* Кроме того, надо иметь в виду, что само право в процессе криминализации воспринимается как сугубо индивидуальная принадлежность, не связанная с идеей права как некоей объективированной духовной силой, элементом общественного сознания.

Мы исходим из того, что криминализация как определенный уровень аномии, дезинтеграции свойственен в той или иной степени различным обществам на разных этапах их развития. Криминализация характеризует современное общество как таковое, пораженное корыстолюбием одних и стремящихся к элементарному выживанию других, где распространены утилитарные

взгляды на мораль, инструментальный подход к человеку, рассматриваемому в качестве примитивного потребителя товаров, услуг и бездуховного досугового общения.

Криминализация характеризует целые регионы планеты, и в этом, на наш взгляд, реальность 2010-х годов, когда аномия, дезориентированность массового сознания, невозможность четко различать добро и зло значительным числом людей, невозможность опираться лишь на конструктивное начало в человеке являются самой явной и опасной составляющей современного общества. Углубление аномичности, дезинтеграции современных обществ мы связываем с целым рядом обстоятельств. Современное общество, во-первых, характеризуется исключительной динамикой социальных процессов. Само по себе это отвечает представлениям о быстрой смене жизненных предпочтений, приоритетов у многих индивидов, выражает нестабильность, подвижность установок, оценок, суждений о характере тех или иных поведенческих актов. Существенные перемены даже в масштабе одного поколения происходят в индивидуальном (реже групповом) статусе индивидов. Во-вторых, декомпозиционна во многих современных обществах их структура. К жизни постоянно вызываются новые социальные группы, которые становятся определяющими в социально-экономической и политической жизни того или иного сообщества. Одновременно разлагаются прежние слои. Происходит тем самым массовая маргинализация индивидов. В этом смысле о сегодняшнем социальном мире в целом можно с полным основанием говорить как о мире маргиналов. Элитарные страты также исключительно подвижны, в них во многих обществах все рекрутируются те, кто раньше и мыслить не мог о вступлении на вершину социальных пирамид.

В свою очередь, все это приводит к еще большей размытости границ норм, снижению стабильности, устойчивости многих социальных систем, появлению в массовом масштабе умонастроения неуверенности в материально и духовно обеспеченном будущем у огромного числа индивидов. Аномия, таким образом, переходит черту социальной допустимости, отделяющей ее от криминализации.

В нашем дальнейшем анализе мы исходим из того, что криминализация присуща, характеризует, наиболее полно и

глубоко отражает все, что происходит в современном российском обществе. Наряду с общими чертами, криминализация нашего общества, как представляется, имеет и специфичные. Глубина криминального поражения нашего социума велика, что позволяет говорить даже о степени обратимости негативных процессов в нашем обществе. Эту возможность обратимости - необратимости социальных процессов мы связываем с понятием «криминальная деградация», что означает такую степень криминализации общества, которая отражает полное поглощение преступными элементами основных социальных институтов, перерождение социальной структуры. Криминальная деградация может быть свойственна обществу, прошедшему «точку возврата», когда самозащитные, саморегулирующиеся качества социума утрачиваются, уступают

криминальному давлению, по-своему привлекательному, поскольку оно несет в себе абсолютизированное представление о свободе, праве выбора, своеволии.

Таким образом, как представляется, нам удалось показать, что социологические теории аномии, дезинтеграции, патологического состояния общества в целом сохраняют свой познавательный потенциал и их применение к анализу положения реального общества вполне позволяет понимать смысл, значение происходящего, предвосхищать будущие опасности, стоящие на пути оздоровления общества, насыщения социальных отношений позитивным содержанием. Вместе с тем концепции аномичного, дезинтегрированного состояния общества, с нашей точки зрения, нуждаются в некотором уточнении, что мы и пытаемся реализовать, используя понятие «криминализация».

Библиографический список:

1. Наумов А.В. Российское уголовное право: Курс лекций. В 2-х т. Т.1. Общая часть. М., 2004.
2. Уголовный кодекс РСФСР // URL: <http://arhiv.inpravo.ru/texts3/document3053/page4.htm>.
3. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992.
4. Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997.
5. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / Питирим Александрович Сорокин; вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. М., 2006.

Criminalization, criminological analysis, sociological analysis.

In article distinction in criminological and sociological approaches to research of criminal pathology of the social relations and interactions is analyzed.

Рецензент:

Мешков В.М., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

ДЕРЕНДЯЕВА Т.М.,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры
«Менеджмент» Института прикладной экономики и менеджмента
Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота
derendyaeva.tamara@mail.ru

МУХИНА Г.А.,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент Калининградского филиала
Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права
galya-fly@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИИ В ВТО: НА ПРИМЕРЕ ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DERENDYAEVA T., MUKHINA G. CIVIL- LAWFUL PROBLEMS OF THE ENTRANCE OF RUSSIA IN WORL TRAIID ORGANIZATION: BASED ON THE EXAMPLE TO THE TOURIST ACTIVITY

Всемирная торговая организация, оптимизация тарифных режимов, классификация систем сервиса, глобализация, транспортная система, международные правила.

В статье представлены возможности и угрозы развитию туризма в Калининградской области в связи со вступлением России во Всемирную торговую организацию, а также рассматриваются возможные пути решения гражданско-правовых проблем, связанных с интеграцией в мировую экономику.

К началу XXI века все больше научных и публицистических работ посвящается феномену глобальной экономики и культуры [1-2]. Последняя рассматривается как мировая мегасистема, обуславливающая формирование и функционирование государственных, национальных и региональных подсистем, институтов общества и мировую бизнес-логистику. На протяжении последних лет проблема глобализации является одной из наиболее острых. Именно процесс глобализации определяет взаимодействие стран на основе особенно важных для каждого государства отношений (экономических, политических, социальных), тем самым охватывает все сферы жизнедеятельности стран и внедряет новые технологические процессы развития, увеличивает масштабы мировой торговли и других процессов, таким образом, видоизменяя мировую систему.

Такие международные организации, как ВТО (Всемирная торговая организация), играют значительную роль в урегулировании непосредственно процессов глобализации общества, важнейшим принципом которой является принцип недискриминации и

в соответствии с которым развитые страны должны соблюдать интересы менее развитых стран [1]. Страны-члены ВТО обязуются предоставлять друг другу режим наибольшего благоприятствования, способствующий разрешению возникающих на мировом рынке конфликтов, защите от недобросовестной конкуренции и, как следствие, расширению производства и росту экономики.

Глобализация процессов производства товаров и услуг, а также их продажа на мировом рынке приводит к постепенному стиранию границы мирового экономического сообщества. Восприятию мира как единого целого во многом способствует развитие мировой системы перемещения товаров и передачи информации. Следствием данного процесса становится быстрое развитие международного туризма [2].

В настоящее время туризм превратился в социально-экономическое и политическое явление, в значительной мере влияющее на мировое устройство и политику ряда государств и регионов мира. В сфере туризма тесно переплетены интересы культуры и транспорта, безопасности и международных

отношений, экологии и занятости населения, гостиничного бизнеса и санаторно-курортного комплекса. В России процесс формирования национального законодательства, регулирующего туризм, только начинается. Вступление России в ВТО в качестве полноправного члена требует разработки современного законодательства и унификации правил предоставления туристских услуг, продвижения национального туристского продукта [1]. Поэтому развитие законодательства, регулирующего порядок предоставления туристских услуг потребителям, должно осуществляться с учетом норм, содержащихся в законодательных актах Всемирной торговой организации.

Оценкой степени устойчивости развития и состояние экономики Калининградской области являются политические решения Федерального центра и Европейского союза. Развитие области, благосостояние ее населения, проживающего и запертого в своем российском эксклаве, нуждаются в стратегии, гармонизированной с приграничными территориями соседних стран ЕС и «территориальной» Россией. Поэтому эти явления должны быть учтены при разработке стратегического плана развития Калининградской области, с учетом адаптивных действий для различных сценариев развития внешней и внутренней среды. Определяющим фактором конкурентоспособности предприятий Калининградской области является ее геополитическое положение. У российского эксклава нет в обозримом будущем свободных человеческих ресурсов, которые смогли бы обеспечить реализацию и объемы инвестиций в индустриальный сектор. Отсюда вытекает необходимость перехода к креативной экономике, предполагающей высокую прибавочную стоимость, минимальное использование природных ресурсов, «зеленые» промышленные и сельскохозяйственные технологии. Калининград как опорная территория открытости России может стать одним из факторов в стратегии сфокусированного развития Российской Федерации, способным дать быструю отдачу экономике страны, используя интеграционное взаимодействие с ближайшими странами Европы - Польшей, Германией, Швецией и Норвегией. Как известно, к креативной экономике относятся реклама, логистика, туризм и другие отрасли [5]. Благодаря экономическим, социальным и политическим аспектам процесса глобализации туризм стал ведущей отраслью хо-

зяйства во многих странах, уступая по своим доходам только торговле нефтепродуктами. В странах Европейского союза в сфере туризма занято 13% работающего населения, при этом, по прогнозам, в ближайшее время туризм будет являться одной из наиболее динамично развивающихся отраслей народного хозяйства.

По данным Всемирной туристской организации, к 2020 году среднегодовой прирост прибытий международных туристов в мире должен составить около 11%, при опережающем росте доходов от туризма на одно путешествие более чем в 1,5 раза [1]. При этом, сохранив высокие темпы развития туризма, Россия к 2020 году может войти в десятку мировых лидеров по приему туристов с положительным балансом между экспортом и импортом туристских услуг, а темпы роста туризма будут превышать показатели прироста валового национального продукта.

Учитывая, что Калининградская область расположена в зоне развитого туризма, охватывающей все южное и юго-восточное побережье Балтийского моря, и по своим природным и культурно-историческим предпосылкам не уступает соседним более развитым в рекреационном отношении регионам, туристская индустрия должна стать одним из приоритетных направлений специализации региона. Развитие туризма связано с наличием таких благоприятных факторов, как удобное географическое положение, значительные рекреационные природные ресурсы (157-километровая береговая линия с преобладанием песчаных пляжей, в том числе дюнных на Куршской и Балтийской косах, бальнеологические ресурсы и т.д.), культурно-историческое наследие и взаимосвязь с историей всего Балтийского региона [5].

Туристская индустрия, в соответствии с российским законодательством, представляет собой совокупность гостиниц и иных средств размещения, средств транспорта, объектов общественного питания, объектов и средств развлечения, объектов познавательного, делового, оздоровительного, спортивного и иного назначения, организаций, осуществляющих туроператорскую и турагентскую деятельность, а также организаций, предоставляющих экскурсионные услуги и услуги гидов-переводчиков.

К сожалению, как на территории большой России, так и Калининградской области,

в частности, расходы на туризм превышают доходы от него. Это сложилось ввиду того, что выездной туризм преобладает над въездным туризмом. По Калининградской области в 1998 году количество выехавших туристов превысило количество туристов, посетивших область: посетило область около 35 тыс., а выехало из области 46 тыс. В данной ситуации, учитывая, что большинство туристов выезжало в зарубежные страны, импорт услуг превышает экспорт. Поэтому одной из основных задач развития туризма на данном этапе является стимулирование развития въездного туризма, при этом, искусственно не ограничивая выездной туризм [3].

В мировой практике существует разделение туристских организаций на туроператорские и турагентские. В ряде стран мира туроператор осуществляет реализацию туристского продукта только через турагентов, которые далее распределяют туристский продукт по регионам и реализуют через местные туристские агентства [4]. Сами же туроператоры туристский продукт напрямую потребителям реализовывать не могут.

Аналогичны критерии разделения туристской деятельности на турагентскую и туроператорскую и в странах Европейского сообщества.

На соотношение въездного и выездного туризма основное влияние оказывает географическое положение региона, привлекательные природно-рекреационные ресурсы и культурно-исторические объекты, а также уровень экономического развития государства. Наибольший дисбаланс между доходами и расходами по международному туризму имеют такие развитые в экономическом отношении страны, как Германия, Япония, Великобритания и Нидерланды (от 5 млрд. долларов, превышение расходов над доходами в Нидерландах до более 30 млрд. долларов в Германии) [4]. Практически во всех странах Балтийского моря, за исключением Польши, расходы по международному туризму превышают доходы. При этом, кроме приграничных государств, наиболее посещаемыми являются средиземноморские государства. Например, жители Дании предпочитают отдыхать на курортах Испании и Греции [5].

Всемирная торговая организация, являющаяся преемницей действующего с 1947 г. Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) имеет целью регулирование торгово-политических отношений участников на основе пакета соглашений Уругвайского

раунда многосторонних торговых переговоров 1986-1994 гг. Это документ - правовой базис современной международной торговли товарами и услугами. По состоянию на март 2013 г. в ВТО состояло 159 государств. В силу специфики торговли услугами, режим наибольшего благоприятствования и национальный режим применяются здесь со значительными исключениями, которые индивидуальны для каждой страны. По итогам Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров был разработан и согласован «Классификационный перечень секторов услуг». В этом Классификаторе все услуги разделены на 12 секторов. Сектор 9 представляет туризм и услуги, связанные с путешествиями. Сектор 11 - транспортные услуги. Присоединение России к ГАТТ означает, что отечественные поставщики услуг получают недискриминационный доступ на рынки 159 стран - членов ВТО. Обязательства по доступу иностранных услуг и услуг поставщиков фиксируются в индивидуальном Перечне специфических обязательств стран по услугам. Взаимосвязь сектора 9 и сектора 11 очевидна для развития туристической индустрии в Калининградском регионе. За исключением некоторых направлений авиаперевозки в РФ в крупные города являются убыточными. В этом случае отмена дотаций по некоторым направлениям негативно скажется на российском рынке авиаперевозок. Сейчас, например, жителям Калининграда выгоднее и удобнее путешествовать наземным транспортом по странам «ближней» Европы, а жители Санкт-Петербурга и Ленинградской области отправляются на отдых за рубеж через аэропорт г. Хельсинки. Наиболее вероятно, что цены на перевозки грузов и пассажиров сильно вырастут. Однако, учитывая состояние данной отрасли, не исключено, что вместо российских перевозчиков появятся крупные иностранные перевозчики, поэтому следует предусмотреть переходный период в 5-7 лет. За это время можно максимально снизить таможенные пошлины на иностранную технику и одновременно её субсидировать.

В связи со вступлением России во Всемирную торговую организацию придется существенно изменить принципы работы особых экономических зон. В документах ВТО нет прямых указаний допустимости в особых экономических зонах системы льгот и стимулов. Однако эксперты международных организаций, тесно взаимодействующи-

щих с ВТО, сходятся во мнении, что многие положения её соглашений могут напрямую затронуть систему льгот ОЭЗ и сделают их нелегитимными, запрещёнными для использования. Несовместимы с правилами ВТО выгодные для экспортеров схемы сохранения валютной выручки, льготные транспортные тарифы.

Основываясь на нормах международного права, Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» определил туриста как гражданина, посещающего страну временного пребывания в оздоровительных, познавательных, профессионально-деловых, спортивных, религиозных и иных целях без занятия оплачиваемой деятельностью в период от 24 часов до 6 месяцев подряд или осуществляющего не менее одной ночевки (ст.1).

В настоящее время на туристском рынке действуют два вида организаций, занимающихся формированием и реализацией туров, - туроператор и турагент. В связи с этим возникает вопрос о том, кто должен нести ответственность за любые убытки, понесенные путешественником в результате полного или частичного неисполнения своих обязательств.

Согласно Международной конвенции по контракту на путешествие, организатор путешествия несет ответственность за любые убытки, понесенные путешественником в результате полного или частичного неисполнения своих обязательств. Конвенцией предусмотрены следующие суммы по возмещению убытков, понесенных путешественником за физический ущерб, за материальный ущерб и за любой другой ущерб со стороны организатора путешествия и со стороны посредника [2].

Российское законодательство о туризме не разграничивает ответственность турагента и туроператора за неисполнение или ненадлежащее исполнение услуг по договору с туристом. Турист вправе требовать исполнения всех услуг и от туроператора и от турагента независимо от того, кем эти услуги оказываются.

В международном праве вопрос о распределении ответственности между туроператором и турагентом решается иначе. Так, в Типовом контракте, подлежащем подписанию туристским агентством и клиентом, согласно директиве ЕЭС, на турагента возлагается только та ответственность, которая вытекает из его посреднических функций.

Ответственность за обязательства, связанные с организацией путешествия, возлагается на туроператора [1].

Мы считаем, что туристское законодательство должно четко разграничить ответственность между турагентом и туроператором, так как они связаны только договорными гражданско-правовыми отношениями. В случае предъявления претензий за ненадлежащее качество обслуживания турагенту, у которого приобреталась путевка (что зачастую и происходит), последний, как правило, не знает всех деталей организации тура, не может оценить достоверность предъявленных суду доказательств и в результате не в состоянии эффективно защитить в суде свою позицию и проигрывает дело. С другой стороны, проблемы, возникающие в процессе реализации тура, зачастую имеют в своей основе недобросовестное поведение турагента. Желая реализовать тур, турагент формирует у потребителя явно завышенные ожидания, не соответствующие объективному описанию тура. Недостоверность информации и ошибки турагента выявляются уже на месте, и претензии по этим вопросам адресуются принимающей стороне, а это, как правило, представитель туроператора, которому приходится нести ответственность.

В основе возникшей проблемы лежит нечеткость законодательного регулирования в сфере разграничения ответственности турагента и туроператора. В связи с этим мы считаем необходимым внесение изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности», четко разграничивающих ответственность турагента и туроператора. Турагент отвечает за деятельность, связанную с реализацией тура, то есть за точность передачи информации, полученной от туроператора, клиенту, за правильность бронирования и оформления документов, за сроки оплаты - все то, что связано с выполнением его посреднических функций. Туроператор, в свою очередь, отвечает за организацию тура, информацию об условиях проведения тура, то есть за все, что связано с формированием и исполнением тура [4].

Процесс глобализации определяет взаимодействие стран на основе особенно важных для каждого государства отношений, видоизменяя при этом мировую систему. Восприятию мира как единого целого во многом способствует развитие мировой системы перемещения товаров и передачи информации. Следствием данного процесса

становится быстрое развитие международного туризма. Важную роль в урегулировании процессов глобализации играет Международная организация ВТО. Вступление России в ВТО в качестве полноправного члена требует разработки современного законодательства о туризме, унификации правил

предоставления туристских услуг, продвижения национального туристского продукта. Поэтому развитие законодательства, регулирующего порядок предоставления туристских услуг, должно осуществляться с учетом норм, содержащихся в законодательных актах Всемирной торговой организации.

Библиографический список:

1. Изменение концепции экономической политики государства в условиях глобализации // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2005. №2. С.10.
2. Турконсультант. Выпуск 2. (Информационно-тематический сборник по нормативно-правовой базе туризма в РФ). М.: Московский центр Академии туризма, Российская Ассоциация социального туризма, 1998. С.84.
3. Организационно-правовые основы туристского и гостиничного бизнеса: Нормативно-правовые документы / Под. ред. В.Н. Акишина, И.В. Гончаровой, А.И. Клебанова, Н.Д. Малахаткиной. М.: «Финстатинформ», 1998. С.380.
4. Чижиков Ю.В. Институциональные изменения работы транспортников России со вступлением России во Всемирную торговую организацию // Экономика и управление. №5. 2012. С.6-13.
5. Ясафов А.Я., Кострикова Н.А. Стратегическое направление развития Калининградской области // Экономика и управление. №4. 2012. С.20-23.

World Trade Organization, the optimization of the tariff regime, classification list of service sectors, the sector «transport services», international rules.

The article introduces entry in WTO the development of tourism in Kaliningrad region.

ПОПОВА Т.В.,

кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела по изучению социальных процессов и разработке комплексных проблем обеспечения правопорядка научного центра Академии управления МВД России
tvp.tvp@bk.ru

ДОГОВОР ФИНАНСОВОЙ АРЕНДЫ (ЛИЗИНГ): ЮРИДИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

POPOVA T.

CONTRACT OF FINANCIAL RENT (LEASING): LEGAL ESSENCE, PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Лизинг, договор лизинга, финансовая аренда, финансовый лизинг.

Статья посвящена анализу юридической сущности лизинга, изучению природы данного договора и его места в системе гражданско-правовых договоров. Лизинг широко распространен за рубежом и в последнее время активно развивается и в нашей стране. Анализ международных договоров, норм Гражданского кодекса Российской Федерации, законодательных и иных актов, а также практики применения вышеназванных документов в различных судебных органах позволяет выявить проблемы правового регулирования договора финансовой аренды (лизинга), что свидетельствует о необходимости совершенствования действующего законодательства и особой актуальности рассматриваемой проблемы.

В научной литературе по-разному оцениваются обстоятельства, связанные с появлением договора лизинга. Так, например, нередко можно встретить утверждение о том, что лизинг имеет тысячелетнюю историю. Ученые - экономисты находят следы лизинга еще в древних государствах Шумера (III тыс. до н.э.) и в Законах Хаммурапи (1792-1750 гг. до н.э.) и считают, что в Институциях Юстиниана (483-565 гг.) уже была осуществлена кодификация норм, регулирующих лизинговые отношения. Однако, как свидетельствует ознакомление с соответствующими научными трудами, экономисты часто видят лизинг во всех исторических документах, где речь идет об имущественном найме (аренде), и, более того, называют лизингом любой комплекс имущественных отношений, связанных с владением вещью на ином праве, нежели право собственности [1]. Представляется, что такие утверждения основаны на неправильном понимании сущности договора лизинга и его квалифицирующих признаков, выделяющих лизинг в отдельный вид договора аренды.

На наш взгляд, договор лизинга имеет более короткую историю, и впервые он появился в США в середине XIV века, а уже с середины XX века он получает широкое распространение как юридический институт, призванный урегулировать новые формы инвестирования денежных средств в экономику.

В нашей стране процесс формирования отечественной нормативной правовой

базы финансовой аренды (лизинга) начал с издания Указа Президента Российской Федерации от 17 сентября 1994 г. №1929 «О развитии финансового лизинга в инвестиционной деятельности» [2], впоследствии нормативное определение лизинга было закреплено во Временном положении о лизинге, утверждённом Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июня 1995 г. № 633 «О развитии лизинга в инвестиционной деятельности» [3]. С принятием и введением с 1 марта 1996 г. в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) [4] гражданские правоотношения, возникающие при финансовой аренде (лизинге), стали регулироваться на законодательном уровне, но для комплексного законодательного регулирования лизинга в России был принят Федеральный закон от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О лизинге» [5]. Следующим этапом в формировании отечественной законодательной базы лизинга стало принятие Федерального закона о присоединении Российской Федерации к Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге [6].

Впоследствии стало очевидным, что целый ряд статей закона «О лизинге» требуют доработки, в этой связи в него было внесено большое число изменений и дополнений, в частности, изложено в новой редакции название закона: «О финансовой аренде (лизинге)» [7], некоторые статьи из закона

исключены [8]. В настоящий момент именно этот закон играет ключевую роль в правовом регулировании отношений, возникающих в связи с договором лизинга, определяет юридическую сущность рассматриваемого договора, четко регламентируя последовательность конкретных правоотношений.

В отличие от традиционной аренды, договор лизинга заключается при отсутствии права собственности арендодателя на подлежащую передаче арендатору вещь и принятии арендодателем на себя обязанности приобрести в целях лизинга определенную указанную арендатором вещь. Таким образом, сначала имущество приобретает лизингодатель, а затем осуществляется предоставление этого имущества за плату во временное владение и пользование. Уникальным свойством договора является то, что выбор продавца и товара может осуществляться как собственно покупателем (лизингодателем), так и лизингополучателем, то есть тем, кто в рамках конкретного правоотношения является пользователем указанного имущества.

Договору лизинга присущи следующие основные признаки:

Во-первых, наряду с арендодателем и арендатором, в качестве обязанного лица по договору лизинга выступает также продавец имущества, являющийся его собственником и не участвующий в договоре лизинга в качестве его стороны.

Во-вторых, в отличие от общих положений об аренде, арендодатель не является собственником или титульным владельцем имущества, которое подлежит передаче в аренду. Более того, на арендодателя возлагается обязанность приобрести в собственность это имущество, принадлежащее другому лицу (продавцу). Данная обязанность арендодателя охватывается содержанием обязательства, возникающего из договора лизинга. Приобретая имущество для арендатора, арендодатель должен уведомить продавца о том, что это имущество предназначено для передачи его в аренду.

В-третьих, обычно не свойственная арендным отношениям активная роль в обязательстве по лизингу принадлежит арендатору, поэтому именно арендатор определяет продавца и указывает имущество, которое должно быть приобретено арендодателем для последующей передачи в аренду. Естественно, арендодатель освобождается от какой-либо ответственности за выбор предмета аренды и продавца. Исключение из этого

правила могут составить лишь случаи, когда договором лизинга обязанности по определению продавца и выбору имущества возложены на арендодателя.

В-четвертых, в ГК РФ в виде диспозитивной нормы изложено специальное положение о том, что передача арендованного по договору лизинга имущества арендатору производится не арендодателем, а продавцом этого имущества. Тем не менее, ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение этой обязанности, если просрочка допущена по обстоятельствам, за которые отвечает арендодатель, возлагается на арендодателя. В этом случае арендатор вправе потребовать от арендодателя расторжения договора и возмещения убытков. С момента передачи продавцом арендатору предусмотренного договором лизинга имущества к последнему переходит риск случайной гибели или случайной порчи арендованного имущества.

Таким образом, под договором лизинга понимается договор, в соответствии с которым арендодатель (лизингодатель) обязуется приобрести в собственность указанное арендатором (лизингополучателем) имущество у определенного им продавца и предоставить арендатору (лизингополучателю) это имущество за плату во временное владение и пользование. Арендодатель в этом случае не несет ответственности за выбор предмета аренды и продавца.

Современный мировой и российский опыт правового регулирования отношений, называемых финансовой арендой (лизингом), показывает, что в законодательстве и правоприменительной деятельности существуют реальные проблемы, вызванные необходимостью справедливого равновесия между интересами продавца, арендодателя и арендатора, с одной стороны, и неполной корректностью норм о лизинге в сопоставлении с нормами о купле-продаже товара для лизинга, с другой стороны [9]. Споры, вытекающие из договоров лизинга, на протяжении длительного времени стабильно занимают определенную долю среди арбитражных дел. Поэтому судебная практика по рассматриваемой проблеме, учитывая некоторую противоречивость судебных актов ВАС РФ, несомненно, будет играть для нас важную роль.

С одной стороны, ВАС РФ в Постановлениях Президиума от 18 мая 2010 г. №1729/10, от 12 июля 2011 г. №17389/10 и от 12 июля 2011 г. №17748/10 говорит, что включение в договор лизинга дополнительного условия о возможности перехода права

собственности позволяет рассматривать такой договор как смешанный, содержащий в себе элементы договоров финансовой аренды и купли-продажи. Такие формулировки указывают на арендное происхождение лизинговых правоотношений. Но, с другой стороны, в Постановлениях Президиума ВАС РФ от 25 июля 2011 г. №3318/11 и от 22 марта 2012 г. №16533/11 содержится вывод о том, что применительно к лизингу с правом выкупа законный имущественный интерес лизингодателя заключается в размещении денежных средств (посредством приобретения в собственность указанного лизингополучателем имущества и предоставления последнему этого имущества за плату), а интерес лизингополучателя - в пользовании имуществом и последующем его выкупе [10]. А, например, в Постановлении Президиума от 6 декабря 2011 г. №9860/11 ВАС РФ отказал лизингополучателю во взыскании незачтенного аванса, оставшегося после досрочного расторжения договора лизинга, сославшись на непокрытые убытки лизингодателя.

В свою очередь, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 20 июля 2011 г. №20-П сравнил лизинг со своего рода финансовой услугой. Как заметил С.А. Громов, использование словосочетания "своего рода" (*suigeneris*) указывает на невозможность отнесения договора лизинга ни к одному из поименованных видов договоров. Он образует самостоятельный вид договора из рода договоров об оказании финансовых услуг [11].

Напрашивается вывод о неоднозначном определении сущности лизинга, которое приводит к активной дискуссии в научных кругах на тему природы данного договора и его места в системе гражданско-правовых договоров.

Так, В.В. Витрянский, О.М. Козырь, О.М. Чекмарева анализируют лизинг с помощью традиционных инструментов гражданского права: договора аренды, купли-продажи, займа и прочих, считая в итоге лизинг видом аренды.

Другие (Е.В. Кабатова, И.А. Решетник) утверждают, что сложность и оригинальность отношений дает основание рассматривать их как особые отношения. В некоторых случаях предметом анализа становится весь комплекс отношений, в других - только договор о передаче оборудования во временное пользование с правом последующей покупки (если такое условие включается).

Сходство некоторых элементов лизинга с договором аренды привело к появлению

концепции, согласно которой договор лизинга рассматривается как договор аренды со специфическими чертами. Эту точку зрения, в частности, разделяют немецкие специалисты Х. Бук в работе «Лизинг в Германии» и К. Ларенц в учебнике «Финансовое право». Между тем в договоре лизинга имеются такие особенности, которые вряд ли можно квалифицировать лишь как «специфические черты».

Ю.С. Харитоновна, подчеркивая сложную конструкцию лизинговой операции, пишет: «Тем не менее, представляется возможным выделить один из элементов лизинговой операции - обязательства по передаче оборудования во временное пользование как основу самостоятельного договора с особым порядком оформления и особыми условиями. К таким особым условиям следует отнести и необходимость выбора поставщика, и указание цели покупки имущества, и предоставление лизингополучателю прав требования к поставщику. Причем основанием для такого выделения договора по найму имущества при лизинговой операции служит сущность этих отношений - передача имущества во временное пользование» [12].

В юридической литературе можно встретить и некую промежуточную точку зрения по рассматриваемому вопросу. Например, Т.А. Коннова утверждает, что «лизинговые отношения оформляются двумя договорами и включают в себя весь комплекс взаимосвязей, существующих между его участниками: арендатором, арендодателем и продавцом имущества. Договор лизинга имеет двусторонний характер, а лизинг как система отношений между тремя сторонами является трехсторонней сделкой» [13].

В заключение хотелось бы отметить, что осуществление финансовой аренды (лизинга) предпринимателями возможно при наличии совместных корреспондирующих обязательств. Такие обязательства могут возникнуть только из договора финансовой аренды (лизинга), который является юридическим фактом для возникновения лизинговых правоотношений. Поэтому основой в лизинговых правоотношениях является именно договор финансовой аренды (лизинга), который устанавливает, изменяет или прекращает права и обязанности сторон, участвующих в лизинговой операции. В свою очередь, судебная практика и мнения ученых, в основном, укладываются в два подхода к толкованию лизинговых правоотношений: один основан на арендной природе лизинговых отношений, второй ис-

ходит из финансовой сути лизинга. Таким образом, исследуя правовую природу договора лизинга, не стоит забывать и об экономической его сущности. Выявленные противоречия свидетельствуют о необходимости совершенствования действующего законодательства, что позволит достичь баланса интересов сторон договора финансовой аренды (лизинга).

Лизинг особенно выгоден для малого и среднего бизнеса, так как позволяет не

только провести оперативно реконструкцию предприятия, но и направить сэкономленные средства на иные цели. В таких условиях анализ правовой природы, сущности, преимуществ лизинга, его влияния на развитие экономики, перспектив, путей и форм лизинговых сделок, нормативного правового регулирования лизинговых отношений в России и зарубежных странах представляется особо актуальным.

Библиографический список:

1. Газман В.Д. Лизинг: теория, практика, комментарии. М.: Фонд «Правовая культура», 1997. С.10-11; Газман В.Д. Финансовый лизинг: Учебное пособие. М.: Юрайт, 2006. С.282-286.
2. Указ Президента Российской Федерации от 17 сентября 1994 г. №1929 «О развитии финансового лизинга в инвестиционной деятельности» // Российская газета. 1994. №180. (Утратил силу).
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 июня 1995 г. №633 «О развитии лизинга в инвестиционной деятельности» // СЗ РФ. 1995. №27. Ст.2591. (Утратил силу).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 №14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. №5. Ст.410.
5. Федеральный закон от 29.10.1998 №164-ФЗ «О лизинге» // СЗ РФ. 1998. №44. Ст.5394. (Утратил силу).
6. Федеральный закон от 08.02.1998 №16-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге» // СЗ РФ. 1998. №7. Ст.787.
7. Федеральный закон от 29.10.1998 №164-ФЗ (ред. от 08.05.2010 №83-ФЗ) «О финансовой аренде (лизинге)» // СЗ РФ. 1998. №44. Ст.5394.
8. Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 29 октября 1998 г. №164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2012.
9. Чепига Т.Д. Финансовая аренда (лизинг): проблемы правопреемства // Цивилист. 2011. №2. С.67-72.
10. Тепкина А.В. Договор лизинга как вид аренды или обеспечительной сделки // Юрист. 2012. №15. С.33-37.
11. Громов С.А. Коренной поворот в практике применения законодательства о лизинговой деятельности // Вестник Высшего Арбитражного Суда. №11(228). 2011. С.83.
12. Харитонов Ю.С. Договор лизинга. М.: Юрайт, 2002. С.26.
13. Коннова Т.А. Договор финансовой аренды (лизинга) // Законодательство. 2008. №10. С. 16.

Leasing, the contract of leasing, financial rent, financial leasing.

Article is devoted to the analysis of legal essence of leasing, studying of the nature of this contract and its place in system of civil contracts. Leasing is widespread abroad and recently actively develops and in our country. The analysis of international treaties, standards of the Civil code of the Russian Federation, legislative and other acts, and also practice of application of the above-named documents in various judicial authorities, allows to reveal problems of legal regulation of the contract of financial rent (leasing) that testifies to need of improvement of the current legislation and special relevance of considered institute.

Рецензенты:

Некишев А.В., кандидат юридических наук, начальник отделения по изучению проблем психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности отдела по исследованию проблем отраслевого управления научного центра Академии управления МВД России;

Калинина С.В., кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России.

КАЗАКОВА Л.С.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России
ludakazakova@mail.ru

УДК 342.72/.73

РОЛЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

KAZAKOVA L.

THE ROLE OF LOCAL AUTHORITIES IN THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHTS OF MINORS

Местное самоуправление, права детей, муниципальные органы.

В статье рассмотрены вопросы муниципальной семейной политики, реализации прав несовершеннолетних в деятельности органов местного самоуправления. Даны рекомендации по совершенствованию правовой базы в исследуемой области.

Нормативные акты, действующие в рамках современных международных организаций и национальных правовых систем, выделяют несовершеннолетних как особую возрастную группу людей - носителей специальных прав и обязанностей. При этом оговаривается, что несовершеннолетний одним из первых получает социальную защиту и помощь. Специальный статус несовершеннолетних актуализирует конституционно-правовые исследования особенностей реализации прав указанной категории лиц. Проблемы детства, вопросы обеспечения прав несовершеннолетних являются приоритетными как для мирового сообщества в целом, так и для российского общества.

Сама система местного самоуправления недавно претерпела существенные изменения и призвана непосредственно участвовать в реализации прав несовершеннолетних. Муниципальное законодательство продолжает динамично развиваться, ставя все новые задачи перед практикой и конституционно-правовой и муниципально-правовой наукой. В этой связи актуализируются вопросы взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти, включая органы внутренних дел, в обязанности которых входит разработка и принятие в пределах своей компетенции мер по предупреждению преступлений и административных правонарушений, выявление и устранение причин и условий, способствующих их совершению как самими несовершеннолетними, так и по отношению к ним. Раскрытие механизма реализации прав несовершеннолетних органами местно-

го самоуправления расширит возможности выявления и оценки проблем, имеющих на сегодняшний день в сфере прав несовершеннолетних, и выработки оптимальных путей их решения.

Конституция Российской Федерации 1993 года закрепила местное самоуправление в качестве одной из основ конституционного строя, одной из форм осуществления народовластия, позволяющей населению, проживающему на локальной территории и объединенному общими интересами, самостоятельно и под свою ответственность решать определенные вопросы с использованием собственных материальных и финансовых ресурсов.

Сегодня в Российской Федерации не менее 70% работы местных органов занимает решение вопросов, связанных с осуществлением государственных функций в различных отраслях хозяйства. Функциональная эволюция местного самоуправления такого рода, безусловно, усиливает государственную природу муниципальных институтов, сращивая местные дела с общегосударственными, но в то же время ставит муниципальные органы в определенную административную и финансовую зависимость от государства. Особое место в деятельности местного самоуправления занимают вопросы, связанные с реализацией прав несовершеннолетних.

Положительно зарекомендовала себя практика создания при органах опеки и попечительства Комиссий по защите прав детей, состав которой формируется по распоряжению администрации субъектов (районов). В

комиссии входят представители органов государственной власти местной администрации, органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Часто включают в состав комиссии заместителя главы муниципального образования по социальным вопросам. Комиссия рассматривает такие сложные или спорные вопросы по опеке и попечительству над детьми, как дача разрешений на сделки с жилыми помещениями и иным имуществом, споры о воспитании детей, осуществление родителем своих прав при раздельном проживании родителей и так далее.

Особое внимание следует обратить на работу органов опеки и попечительства по выявлению детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В настоящее время действует Федеральный закон от 24.07.98 «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», в соответствии с которым органы местного самоуправления имеют возможность принимать превентивные меры в отношении детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, что, по мнению специалистов, в свою очередь, сможет оказать влияние на снижение числа детей, оставшихся без родительского попечения [1].

В отношении к детям на муниципальном уровне, находящимся в трудной жизненной ситуации, часто скрывается безынициативность и безразличие. Многие наши надежды в обеспечении достойной жизни человека сейчас связываются с начавшимся экономическим подъемом, но и инициатива районных руководителей, народных избранников, их предприимчивость просто при этом необходима.

Остается надеяться, что при приведении межбюджетных отношений в соответствие с законом о местном самоуправлении будет решена проблема субвенций органам местного самоуправления на осуществление деятельности по опеке и попечительству в отношении оказавшихся на их территории детей из других муниципалитетов, регионов и стран.

Одна из главных задач муниципальной семейной политики состоит в том, что все структуры сообщества обязательно должны заниматься проблемами семьи и детства. Для выполнения этой задачи необходима целая программа действий. Чтобы реализовать Программу, требуется взаимодействие всех структур муниципального сообщества, для взаимодействия нужны определённые

кадры, наконец, определение результатов действий и дальнейшее развитие работы по возрождению приоритета и престижа семьи, семейных традиций, укреплению статуса семьи, культура семьи в обществе [2].

Изучение уставов по структуре муниципальных образований, проведенное Черкасовым А.В., показало, что многие органы местного самоуправления не внесли, как того требует закон, раздел по реализации работы по опеке и попечительству над различными категориями граждан, не указали, на какое структурное подразделение возлагается все это и какие документы подписываются собственно главой органа опеки и попечительства, а какие - руководителем службы (структурного подразделения) [3].

В настоящее время в большинстве органов опеки и попечительства всю работу по защите прав несовершеннолетних выполняет, как правило, один специалист (инспектор) по охране детства. Это приводит к тому, что удается выполнять только самую неотложную работу, как правило, связанную с представительство интересов несовершеннолетнего в суде, подготовкой заключений (зачастую непрофессиональных, в связи с отсутствием необходимых для этого навыков и знаний) по запросу суда и т.д.

Как показывает практика, муниципальная реформа пока ещё не улучшила положение с обеспечением прав несовершеннолетних. Проблемы обеспечения прав лиц, не достигших совершеннолетия, до настоящего времени остаются должным образом неисследованными.

Нельзя согласиться с Солдатовым А.П. и Середой Л.М. в том, что для более эффективного оказания социальной поддержки приемным семьям следовало бы вывести органы опеки и попечительства из структуры местного самоуправления, так как местные бюджеты не справляются с задачей их финансирования в полном объеме. На наш взгляд, органы местного самоуправления ближе к населению и имеют необходимый опыт. При помещении несовершеннолетнего под опеку в приёмную семью органы опеки и попечительства должны действовать строго в интересах несовершеннолетнего, обследовать жилищно-бытовые условия [4, с.70].

Нередки случаи, когда приёмные родители не справляются со своими обязанностями по воспитанию несовершеннолетних, и детей приходится возвращать в детский дом. В целях обеспечения права ребенка

жить и воспитываться в семье необходимо принять соответствующий Федеральный закон «О праве несовершеннолетнего, оставшегося без попечения родителей, на приёмную семью», который бы сократил количество детдомовцев, направив высвободившиеся ресурсы на поддержку института приемной семьи [общее видение концепции закона см.: 4, с.72].

Для обеспечения и реализации прав несовершеннолетних в субъектах Российской Федерации необходимо создать департаменты (управления) по делам семьи, которые явились бы связующим звеном между органами местного самоуправления и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в обеспечении прав несовершеннолетних. Основные функции Департамента: обеспечение реализации прав несовершеннолетнего в различных сферах жизни общества, проведение пропагандистской работы среди населения по объяснению необходимости воспитания детей в семье, а также обеспечение прав семьи, материнства и детства [5].

Сегодня к проблеме прав несовершеннолетних привлечено особое внимание. В конце 2012 года в России вступил в силу запрет на усыновление российских детей гражданами США. Основанием для принятия такого закона, получившего имя Димы Яковлева, послужил 21 случай гибели малышей по вине их приемных родителей. Последний инцидент связан со смертью в США трехлетнего Максима Кузьмина [6]. Это вновь актуализирует вопрос о роли органов местного самоуправления в системе опеки и попечительства.

Подводя итог анализу реализации прав несовершеннолетних, можно сделать следующие выводы:

1. Законодательство органов местного самоуправления по обеспечению прав несовершеннолетних не всегда соответствует федеральному законодательству, поэтому необходимо существенно обновить действующие нормативные акты и обеспечить формирование такого законодательства, которое учитывало и отражало бы некоторые современные российские условия и соответствовало международно-правовым нормам. К таким условиям автор относит:

- решение чрезвычайно серьезных проблем в демографии посредством увеличения финансирования программ по стиму-

лированию рождаемости; принятие дополнительных мер по поддержке молодых семей; в связи со сложной демографической ситуацией в стране ввести мораторий на пять лет на усыновление (удочерение) несовершеннолетних россиян за границу;

- введение в консульствах нашего государства за рубежом специальной должности сотрудника, в обязанности которого входили бы вопросы обеспечения и защиты прав несовершеннолетних [концепция департаментов см.: 4, с.78-79].

2. Необходимо принятие Федерального закона «О праве несовершеннолетнего, оставшегося без попечения родителей, на приёмную семью» в целях поддержки института семьи и семейного воспитания несовершеннолетних.

3. Для обеспечения и реализаций прав несовершеннолетних необходимо создать в субъектах Российской Федерации департаменты (управления) по делам семьи, которые явились бы связующим звеном между органами местного самоуправления и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в обеспечении прав несовершеннолетних. Основные функции Департамента: обеспечение реализации прав несовершеннолетнего в различных сферах жизни общества, проведение пропагандистской работы среди населения по объяснению необходимости воспитания детей в семье, а также обеспечение прав семьи, материнства и детства.

4. Предлагается ввести в научный оборот понятие «муниципальная политика в сфере реализации прав несовершеннолетних», которую следует понимать как основанное на Конституции Российской Федерации, иных законах Российской Федерации и её субъектов, а также подзаконных нормативно-правовых актах взаимодействие органов муниципальной власти и управления, организаций и муниципальных служащих, связанное с выработкой перспективных целей и решений по реализации системы гарантированных государством экономических, социальных и правовых мер, обеспечивающих несовершеннолетним условия для реализации их прав и свобод путём институциональных механизмов регулирования муниципального управления, распределения муниципальных ресурсов и организации общественных отношений в данной сфере.

Библиографический список:

1. Новые подходы в деятельности органов местного самоуправления по профилактике детской безнадзорности, социального сиротства и защите прав детей / РОО «Право ребенка» Российского исследовательского центра по правам человека. Смоленск-Москва, 2003. С.25.
2. Волков В.А. Организация работы муниципального органа опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних в городе Лысьва Пермской области. Новые подходы в деятельности органов местного самоуправления по профилактике детской безнадзорности, социального сиротства и защите прав детей / РОО «Право ребенка» Российского исследовательского центра по правам человека. Смоленск-Москва, 2003. С.54.
3. Черкасов А.В. Гарантии защиты конституционных прав несовершеннолетних: Дис. к.ю.н. СПб: СПбУ МВД России, 2005. С.131.
4. Солдатов А.П., Середа Л.М. Обеспечение прав несовершеннолетних органами местного самоуправления: Монография / Под ред. д-ра юрид. наук А.П. Солдатова. Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2007. С.70.
5. Середа Л.М. Полномочие органов опеки и попечительства в защите прав несовершеннолетних // Безопасность больших городов: Материалы работы «круглого стола». Волгоград: ВА МВД России, 2002. С.103.
6. URL: <http://www.rbcdaily.ru/society/562949986442087>.

Local self-management, the right of children, municipal bodies.

In article questions of a municipal family policy, realization of the rights of minor local governments in activity are considered. Recommendations about perfection of legal base in investigated area are made.

Рецензенты:

Смоляков А.А., кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

Андрейцо С.Ю., кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России.

ОРЛОВА К.А.,

аспирант кафедры теории и истории государства и права
БФУ им. И. Канта, ведущий юрисконсульт Калининградской
железнодорожной - филиала ОАО «Российские железные дороги»
activia2007@mail.ru

УДК 347.962.7

**ЕДИНСТВО СТАТУСА СУДЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМЫ МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

**ORLOVA K.
UNITY OF THE STATUS OF JUDGES IN THE RUSSIAN
FEDERATION: REFORM ISSUES OF MATERIAL SUPPORT**

Единый статус судей, оплата труда судей, денежное вознаграждение, ежемесячное денежное поощрение, ежеквартальное денежное поощрение, материальное и социальное обеспечение.

В конце прошлого года Президентом Российской Федерации были подписаны нормативные акты, направленные на совершенствование системы оплаты труда судей, в частности, предусматривающие повышение выплат судьям с 1 января 2013 года. Новая система оплаты труда судей призвана стать гибкой и дифференцированной. Однако ее признают недостаточно справедливой и нарушающей принцип единого статуса судей.

Вопросы правового статуса судей остаются одними из широко обсуждаемых как в российской, так и зарубежной юридической науке. В связи с проводимой в России с декабря 2012 года реформой системы оплаты труда судей особую актуальность приобрели проблемы их материального обеспечения. В настоящее время международные стандарты справедливого правосудия выделяют правильную организацию бюджетирования судебной системы и вознаграждения судей в качестве одного из шести элементов, гарантирующих независимость суда, наряду со способом назначения судей, их несменяемостью, обязательностью судебных решений, равенством внутри судебной власти, а также свободой от ненадлежащего внешнего влияния [1].

На VI Всероссийском съезде судей было отмечено, что «в настоящее время уровень материального обеспечения судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов не соответствует ни их высокому статусу, ни той задаче, которую они решают при осуществлении правосудия, ни ответственности, возложенной на них как на носителей судебной власти. Не учитывает он и сложности, напряженности и объема выполняемой судьями работы» [2].

Как отмечалось в постановлении VII Всероссийского съезда судей, в целях укре-

пления независимости судей должно быть предусмотрено существенное повышение их заработной платы и установление системы ее дальнейшего поддержания на высоком уровне, гарантирующем достойное материальное обеспечение. Вместе с тем с 2008 до 2011 года заработная плата судей не повышалась, а состоявшееся увеличение (на 6,5 процента с 1 июня 2011 года и на 6 процентов с 1 октября 2012 года) не соответствовало даже плановым показателям роста потребительских цен. Реальная покупательная способность заработной платы судьи с 2008 года уменьшилась примерно на 1/3 [3].

На VIII Всероссийском съезде судей об оплате труда судей было сказано, что она должна быть «безусловно, адекватной их высокой миссии и огромной ответственности. Цивилизованное правовое государство, конечно, не должно экономить на судебной системе, в том числе и на заработной плате» [4].

Так, в конце 2012 года Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным были подписаны Федеральный конституционный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования системы оплаты труда судей Российской Федерации» [5] и Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в

части совершенствования системы оплаты труда судей Российской Федерации, а также признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» (далее - Федеральный закон «О совершенствовании системы оплаты труда судей») [6], направленные на улучшение системы оплаты труда судей, в частности, предусматривающие повышение выплат судьям с 1 января 2013 года. Указанные законы вместо ранее используемого понятия «заработная плата» вводят новое понятие «ежемесячное денежное вознаграждение».

Согласно новому законодательству ежемесячное денежное вознаграждение судьи формируется из месячного оклада в соответствии с замещаемой им должностью судьи, месячного оклада судьи в соответствии с присвоенным ему квалификационным классом, ежемесячного денежного поощрения, ежемесячной доплаты за выслугу лет, ежемесячных доплат за учёную степень кандидата юридических наук, доктора юридических наук, за учёное звание доцента, профессора, за почётное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации», а также в случаях, предусмотренных законодательством, ежемесячной доплаты за знание иностранных языков и их использование при исполнении должностных обязанностей.

Напомним, что согласно статье 12 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» [7] и статье 2 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» [8] все судьи в России обладают единым статусом и различаются между собой только полномочиями и компетенцией. Различие по компетенции не нарушает общего принципа единого статуса.

Единство статуса означает равенство всех судов внутри судейского сообщества. На них одинаково распространяются меры государственной защиты, гарантии независимости и невмешательства в их деятельность, материальное и социальное обеспечение.

Важнейшая составляющая независимости судей - это их материальное и социальное обеспечение. В соответствии со статьей 9 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» независимость судьи обеспечивается предоставлением ему за счет государства материального и социального обеспечения, соответствующего его высокому статусу.

В этой связи новая система оплаты труда судей стала более гибкой и дифференцированной, позволяющей учесть большое число факторов, характеризующих карьеру судьи. Однако высказываются мысли о том, что она перестала быть справедливой и нарушила важнейший принцип единого статуса судей в России в части их материального обеспечения. Согласно Федеральному закону «О совершенствовании системы оплаты труда судей» должностные оклады судей Конституционного Суда Российской Федерации рассчитываются в процентном соотношении к должностному окладу Председателя Конституционного Суда, всех остальных судей в процентном соотношении к должностным окладам Председателя Верховного Суда Российской Федерации и Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации соответственно. Размер должностного оклада Председателя Конституционного Суда устанавливается указом Президента Российской Федерации. Должностные оклады Председателя Верховного Суда и Председателя Высшего Арбитражного Суда установлены в размере 98 процентов должностного оклада Председателя Конституционного Суда. Так, приложениями 6 и 7 к Федеральному закону «О совершенствовании системы оплаты труда судей РФ» установлено, что должностные оклады судей будут варьироваться от 100 до 60 процентов, в свою очередь, основной денежного вознаграждения теперь будет являться ежемесячное денежное поощрение, размер которого будет варьироваться от 10,5 должностных окладов (Председателю Конституционного Суда), 9,2 должностных окладов (судьям Конституционного Суда), 7,0 (Председателям Верховного и Высшего Арбитражного Суда) до 1,4 должностных окладов (Председателям и заместителям федеральных арбитражных судов округов, верховных судов республик, краевых и областных судов, арбитражных судов субъектов и т.д.), 1,3 должностных окладов (судьям федеральных арбитражных судов округов, верховных судов республик, краевых и областных судов, арбитражных судов субъектов, мировым судьям и т.д.). Судье также выплачивается ежеквартальное денежное поощрение, которое не входит в состав ежемесячного денежного вознаграждения судьи и выплачивается в размере ежемесячного денежного поощрения по замещаемой должности, то есть будет также значительно отличаться в зависимости от инстанции суда.

Размер всех предусмотренных ежемесячных доплат за квалификационный класс, за выслугу лет, за учёную степень кандидата юридических наук, доктора юридических наук, за учёное звание доцента, профессора, за почётное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации» соответственно будет дифференцирован в высших судах и судах первой инстанции, так как устанавливается в процентном соотношении от вышеприведенных должностных окладов. А размер ежемесячной доплаты за знание иностранных языков и их использование при исполнении должностных обязанностей почему-то определен только для судей Конституционного Суда Российской Федерации.

Более того, Федеральным законом «О совершенствовании системы оплаты труда судей» предусматривается увеличение количества квалификационных классов с шести до десяти (включая высший квалификационный класс), при этом выплата за девятый квалификационный класс устанавливается в размере 30 процентов опять же от должностного оклада судьи, а за высший квалификационный класс - в размере 150 процентов от должностного оклада. Причем данным законом предусмотрены предельные классы, которые можно получить на конкретной замещаемой должности. Например, высший класс может быть присвоен только председателям Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда, их заместителям и судьям тех же судов. Председатели, заместители председателей, судьи районных, городских, межрайонных и гарнизонных военных судов могут получить только пятый, шестой и седьмой классы. А мировые судьи - вообще только седьмой, восьмой и девятый.

Согласно части 8 статьи 1 Федерального закона «О совершенствовании системы оплаты труда судей», квалификационной аттестацией судьи признается оценка уровня его профессиональных знаний и умения применять их при осуществлении правосудия, результатов судебной деятельности, деловых и нравственных качеств судьи и соответствия его требованиям, предъявляемым настоящим Законом и кодексом судейской этики. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что, например, профессиональные знания мирового судьи и умения применять их при осуществлении правосудия, его деловые и нравственные качества ни при каких обстоятельствах не могут достичь уровня судьи областного или судьи окружного военного суда, а знания, деловые

и нравственные качества судьи федерального арбитражного суда округа или арбитражного суда субъекта Российской Федерации не достигнут профессионального уровня судьи Высшего Арбитражного Суда.

Существенная разница в должностных окладах судей различных инстанций подтверждается заявлением замминистра финансов России Татьяны Нестеренко: «Самое высокое повышение зарплаты коснется Высших арбитражных судов: средняя заработная плата 170 тысяч становится 286 тысячами. Арбитражные суды: сейчас 132 тысячи, становится 150 тысяч, арбитражные суды и суды общей юрисдикции субъектов: на сегодняшний день 115 тысяч, будет 132 тысячи. Повышение зарплаты судьям районных судов незначительное: сейчас 102 тысячи, а будет 104 тысячи» [9].

Следует отметить, что при обсуждении Общественной палатой Российской Федерации соответствующих законопроектов была высказана мысль о том, что обеспечение единства статуса судей исключает разрыв между оплатой труда высших судов и Конституционного суда [10].

Президент России Владимир Путин на последнем Всероссийском съезде судей отметил, что профессиональный и нравственный долг каждого судьи вне зависимости от инстанции суда, в котором он работает, - это «быть объективными и беспристрастными, глубоко знать нормы права и правоприменительную практику, учитывать тончайшие нюансы рассматриваемых дел, за сухой правовой нормой всегда видеть конкретного человека. Это не только ответственный тяжёлый труд, но и высокая гражданская миссия» [11]. Кроме того, было отмечено, что нагрузка на судей в данный момент чрезмерная и, к сожалению, продолжает расти по сей день. Однако, согласно принятым законам, регулиющим оплату труда судей, денежное содержание судьи теперь в России напрямую зависит только от инстанции, в которой трудится судья, что, по мнению автора, нарушает принцип единого статуса судей.

Все это позволило ряду авторов сделать выводы о том, что законодательство, провозгласив в статье 2 Закона о статусе судей единство статуса судей, фактически обеспечило только его процессуальный аспект, унифицировав только ту часть статуса, которая регламентирует полномочия, права и обязанности судьи при осуществлении правосудия [12].

Таким образом, на основе проведенного анализа нормативно-правовых актов, регулирующих в настоящее время оплату труда судей в РФ, можно сделать следующие выводы. Во-первых, новая система оплаты труда судей очень гибкая, дифференцированная, но не совсем справедливая. Во-вторых, она нарушает принцип единого статуса судей, в части материального обеспечения. В-третьих, существенное увеличение заработной платы коснулось только судей вышестоящих судов, а повышение зарплаты судьям районного звена и мировым судьям, возможно, будет следующим этапом реформы. То есть, несмотря на то, что приняты два новых закона, подробно регулирующих порядок оплаты труда судей, направленные на повышение их денежного вознаграждения, все же для судей первой инстанции, мировых судей вопрос достойного материального содержания остается открытым. В-четвертых, требования относительно уровня профессиональных знаний, умения применять их при осуществлении правосудия, деловых и нравственных

качеств судьи, объективности и беспристрастности при рассмотрении дел предъявляются ко всем судьям одинаковые, а денежное вознаграждение кратно отличается в судах разных инстанций. Кроме того, судья не имеет право получить желаемый квалификационный класс, если он выше, чем предусмотрено законом для занимаемой им должности. В-пятых, безусловно, что престиж профессии - это основа ее привлекательности. Работа в нижестоящих инстанциях в ближайшее время может стать непривлекательной, а значит, и непрестижной. Судьи - грамотные специалисты, будут заинтересованы в работе в вышестоящих судах из-за хорошего материального обеспечения. Результатом такого подхода может стать текучесть судейских кадров.

В этой связи автор выражает надежду на то, что принятые в конце минувшего года законы о совершенствовании системы оплаты труда судей явились очередным, а не заключительным этапом реформы, призванным повысить уровень оплаты труда судей Российской Федерации.

Библиографический список:

1. Модернизация статуса судьи: современные международные подходы / Т.Н. Нешатаева, Е.А. Куделич, Н.В. Павлова и др.; отв. ред. Т.Н. Нешатаева. М.: Норма, Инфра-М, 2011. С.7.
2. Постановление VI Всероссийского съезда судей от 2 декабря 2004 г. «О состоянии правосудия в Российской Федерации и перспективах его совершенствования» // Интернет-сайт «Юридическая база РФ» // URL: www.jurbase.ru.
3. Постановление VIII Всероссийского съезда судей от 19 декабря 2012 г. «О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития» // Интернет-сайт «ПравоRu» // URL: www.pravo.ru.
4. Выступление Владимира Путина на VIII Всероссийском съезде судей от 18 декабря 2012 года // Официальный интернет-сайт Президента России // www.kremlin.ru.
5. Федеральный конституционный закон РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования системы оплаты труда судей Российской Федерации» от 25 декабря 2012 г. №5-ФКЗ // Российская газета. 28 декабря 2012. №5974.
6. Федеральный закон РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования системы оплаты труда судей Российской Федерации, а также признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» от 25 декабря 2012 г. №269-ФЗ // Российская газета. 28 декабря 2012 г. №5974.
7. Федеральный конституционный закон РФ «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 г. №1-ФКЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
8. Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. №3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
9. Зарплата судей 2013 года: зарплата судей в 2013 году может значительно увеличиться - повышение зарплаты судьям в 2013 году одобряется Госдумой // Интернет-сайт «Информационно-аналитический журнал Политическое образование» // URL: www.lawinrussia.ru.
10. Материалы слушаний Общественной палаты Российской Федерации по обсуждению проекта Федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О ста-

туса судей в Российской Федерации» и другие законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования системы оплаты труда судей Российской Федерации, а также признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации» (Редакционный материал) // Администратор суда. 2012. №3. С.13.

11. Путин призвал судей быть объективными и беспристрастными // Интернет-сайт «Первое антикоррупционное» // URL:www.pasmi.ru.

12. Ермошин Г.Т. Статус судьи в Российской Федерации. Проблемы правового регулирования [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

Uniform status of judges, compensation of judges, remuneration, monthly monetary encouragement, quarterly monetary encouragement, material and social support.

At the end of last year the President of the Russian Federation signed regulations aimed at improving the salaries of judges, in particular, providing for increasing payments to the judges from 1 January 2013. The new system of remuneration of judges is designed to be a flexible and differentiated. However, it is recognized not enough fair and violates the principle of a single status of judges.

Рецензенты:

Юшкарев И.Ю., кандидат юридических наук, заместитель председателя Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа.

Бандуров Д.Н., кандидат юридических наук, доцент, судья Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа.

ПОПОВА И.А.,

старший помощник прокурора г. Пятигорска Ставропольского края
p.irina777@mail.ru

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

POPOVA I. REGULATION OF PARTICIPATION OF SPECIALISTS IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Статус специалиста, показания специалиста, допрос специалиста, привлечение специалиста защитником.

В статье анализируются проблемы, затронувшие теорию и практику уголовного судопроизводства в связи с включением в законодательство показаний и заключений специалиста в качестве источников доказательств. Особое внимание уделено допросу специалиста и привлечению специалиста к участию в работе защитника. Высказываются предложения, направленные на совершенствование уголовно-процессуального законодательства.

Интенсивно меняющееся уголовно-процессуальное законодательство остается весьма консервативным в отношении институтов и норм, регламентирующих использование специальных познаний - знаний, умений, навыков и опыта - сведущих лиц. Речь идет, прежде всего, о показаниях и заключениях специалистов: за десятилетие, прошедшее с момента их включения в УПК РФ в качестве самостоятельных источников доказательственной информации (ч.2 ст.74, ч.ч. 3 и 4 ст.80), они так и не получили развития в законодательстве. Более того, существуют авторитетные мнения отечественных ученых об их бесперспективности в практике уголовного судопроизводства. «С включением в систему доказательственного права заключения и показаний специалиста, - пишет В.И. Зажицкий, - нового вида доказательств не появилось, а попытки обосновать его самостоятельность обречены на неудачу» [5, с.58]. Б.Т. Безлепкин в своих работах также неизменно отмечает, что «отнесение заключения и показаний специалиста к самостоятельной разновидности доказательств не имеет научного обоснования» и что на «разъяснениях специалистом своего мнения судебный приговор основан быть не может» [2, с.56-57].

Мы не разделяем подобный скептицизм и, напротив, полагаем, что в контексте развития уголовно-процессуального права институты показаний и заключений сведущих лиц являются одними из наиболее перспективных. Эта позиция основывается, во-первых, на все более активном проник-

новении достижений научно-технического прогресса во все сферы жизнедеятельности общества, их позитивном и негативном влиянии на эти сферы, в том числе и на уголовное судопроизводство. Существующие ныне процессуальные формы использования специальных познаний окажутся просто не в состоянии решать весь объем грядущих проблем. Во-вторых, и пусть это не покажется странным, наше мнение базируется также и на развитии состязательных начал в уголовном процессе [12, с.280-284]. Ведь привлечение знаний сведущих лиц может и должно оказаться в арсенале участников не только со стороны обвинения, но и защиты.

Вместе с тем мы солидарны с процитированными и другими авторами в том, что существующие ныне формы явно недостаточны.

Цель настоящей статьи заключается в анализе возможностей развития норм о показаниях и допросе специалиста, а также о его ответственности.

Показания (допрос) специалиста. Включив в п.3.1 ч.2 ст.74 и ч.4 ст.80 УПК РФ показания специалиста в качестве нового самостоятельного источника доказательств, законодатель, тем не менее, не предусмотрел ни в одной из норм процессуальную форму их получения - допрос специалиста. (Упоминание о нем содержится лишь в ч.4 ст.271 УПК РФ, закрепившей правило: суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон).

На это обстоятельство, свидетельствующее о пробельности законодательства, неоднократно обращалось внимание в специальной литературе. «Допрос специалиста в уголовном судопроизводстве: необходимо законодательное регулирование» - таково, само за себя говорящее название одной из статей Л.В. Лазаревой [8, с.37].

В этой ситуации в ходе досудебного производства и в суде специалисты не вполне правомерно допрашиваются как свидетели, хотя они имеют самостоятельный предмет показаний и отличную от свидетеля ответственность. (В изученных нами уголовных делах встретилось 42 допроса сведущих лиц и при этом в 39 случаях они допрашивались в качестве свидетелей).

Центральный вопрос - о предмете показаний специалиста - привлек нас в связи с неоднозначным его толкованием. Так, авторы одного из комментариев к УПК РФ пишут: «Предметом допроса специалиста являются те же сведения, что были сообщены им в своем заключении» [6, с.165]. Аналогичной точки зрения придерживается В.М. Быков, считающий несостоятельным п.1 одного из постановлений Пленума Верховного Суда РФ, в котором говорится, что, если для всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию, производства экспертизы не требуется, то возможен допрос специалиста [1]. «Это положение, - пишет автор, - вызывает недоумение. Как можно допрашивать при рассмотрении уголовного дела специалиста, если предварительно от него не было востребовано заключение?» [3, с.215].

Мнение В.М. Быкова представляется не соответствующим требованиям ч.4 ст.80 УПК РФ, согласно которой показания специалиста - это «сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний». Принципиальная черта отличия эксперта от специалиста в том именно и заключается, что последний своими познаниями и навыками способен оказать существенную помощь сторонам обвинения и защиты *при отсутствии требования о даче заключения*. Указания на это обстоятельство и ранее встречались в литературе [7, с.19]. Обратил на него внимание в точно выверенном, на наш взгляд, руководящем разъяснении и Пленум Верховного Суда РФ.

Думается, что совокупность норм, содержащихся в ст.ст. 53, 80, 168 и 271 УПК РФ, позволяет сделать вывод, что предмет

показаний специалиста составляют сведения об обстоятельствах:

а) требующих владения специальными познаниями. Практически здесь имеется в виду консультирование сторон, включая лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Вопросы справочно-консультационного характера (например о правомерности действий сотрудника полиции, пытавшегося остановить машину правонарушителя; о количестве горючей жидкости, необходимой для совершения поджога; о характеристиках технических устройств, в частности, компьютерной техники, транспортных средств и др.) составляют значительный объем в показаниях сведущих лиц. По данным В.Н. Махова, свыше 50% следователей пытаются ставить перед экспертами вопросы справочного характера, для ответа на которые достаточно осуществить допрос без назначения и производства экспертизы [9, с.257]. Не следует сбрасывать со счетов значение консультационной помощи специалиста и в оценке заключения эксперта, осуществляемой в рамках специальных познаний, которыми он владеет;

б) известных ему в связи с привлечением к участию в деятельности защитника. По мнению А.В. Победкина, такие данные излагаются специалистом в виде заключения [11, с.329]. Мы же полагаем, что нет препятствий для того, чтобы они были сообщены также и в ходе допроса;

в) известных ему в связи с предшествующим участием в следственных и иных процессуальных действиях.

Что касается круга лиц, которые могут быть допрошены в качестве специалистов, то они должны отвечать следующим требованиям:

а) обладать специальными познаниями, т.е. знаниями, умениями, навыками, а также опытом их применения, которые могут быть использованы судом и сторонами в ходе расследования и разрешения уголовных дел для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Данные познания не должны быть общеизвестными или широко используемыми. Они должны быть получены в ходе специальной профессиональной подготовки;

б) быть независимыми от других участников уголовного процесса и не заинтересованными в исходе дела;

в) обладать право- и дееспособностью в гражданско-правовом значении этих понятий.

Формальным критерием, отличающим сведущее лицо от эксперта, является также и способ его вовлечения в уголовный процесс в качестве специалиста.

В литературе, в частности, в диссертационных исследованиях высказывались предложения о дополнении УПК РФ следственным действием, предусматривающим допрос специалиста. Однако место этой статьи в структуре Кодекса и ее конкретная редакция чаще всего не приводились. Наиболее развернутые версии были предложены в работах Л.В. Лазаревой и Е.П. Гришиной, хотя и они, на наш взгляд, не свободны от недостатков. В качестве примера приведем в полном объеме вариант, представленный Е.П. Гришиной, чтобы были понятны наши критические замечания:

«Статья 207.5. Допрос специалиста

1. Следователь вправе по собственной инициативе или ходатайству лиц, указанных в статье 207.6 настоящего Кодекса¹, допросить специалиста для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

2. В случае дачи специалистом заключения он может быть допрошен для разъяснения данного им заключения.

3. Специалист не может быть допрошен по поводу сведений, ставших ему известными в связи с производством исследования, если они не относятся к предмету данного заключения специалиста.

4. Протокол допроса специалиста составляется в соответствии со статьями 166 и 167 настоящего Кодекса» [4, с.220].

Претензии к предложенной формулировке заключаются в следующем:

1. Безусловное полномочие следователя на производство следственных действий, а также право других участников заявлять об этом ходатайство однозначно закреплены в законе (ст.ст. 38, 42, 46, 47, 53, 56 УПК РФ), поэтому не имеет смысла дублировать эти правила в ч. 1 предлагаемой статьи.

2. В словосочетании «профессиональную компетенцию» следует исключить термин «профессиональную», поскольку профессия сведущего лица может не совпадать с областью его специальных познаний (компетенцией).

3. Не вполне понятен предлагаемый Е.П. Гришиной в ч.3 статьи запрет на допрос

специалиста по поводу сведений, установленных им, но не относящихся к предмету заключения. Возникает вопрос, как должен поступить следователь, если специалистом выявлены имеющие значение для дела обстоятельства, выходящие за пределы полученного им задания на проведение исследования? Следуя логике автора, можно предположить, что в данной ситуации следователю надлежит провести два допроса сведущего лица: один в качестве специалиста об обстоятельствах, составляющих предмет его заключения, а другой в качестве свидетеля - об иных обстоятельствах, имеющих значения для дела, выявленных в ходе проведения того же исследования. С логикой подобного рода мы не можем согласиться.

Заметим, что аналогичное правило закреплено в действующей редакции ч.2 ст.205 УПК РФ применительно к допросу эксперта. Обращает на себя внимание его абсолютное противоречие ч.2 ст.204 УПК РФ, разрешающей эксперту указывать в заключении на выявленные обстоятельства, по поводу которых ему не были поставлены вопросы. Представляется, что и в ч.2 ст.205 УПК РФ, и в ч.3 статьи, предложенной Е.П. Гришиной, должен содержаться запрет на выяснение у сведущих лиц не выявленных ими обстоятельств, а обстоятельств, не имеющих значение для уголовного дела.

4. В ч.4 анализируемой статьи предлагается составлять протокол допроса специалиста в соответствии со ст.ст. 166 УПК РФ «Протокол следственного действия» и 167 «Удостоверение факта отказа от подписания или невозможности подписания протокола следственного действия». При этом полностью игнорируются правила, закрепленные в специальной статье Кодекса - ст.190 УПК РФ «Протокол допроса». В данной статье содержатся также и ссылки на требования ст.ст. 166 и 167 УПК РФ.

В варианте статьи Кодекса о допросе специалиста, предложенном Л.В. Лазаревой, заслуживает внимания сформулированная ею норма о допустимости участия в данном следственном действии лица, заявившего ходатайство о его проведении, и праве этого лица с разрешения следователя задавать сведущему лицу вопросы [8, с.39].

Изложенное выше позволяет нам предложить следующую редакцию статьи

¹ К лицам, имеющим право заявить ходатайство о допросе специалиста, Е.П.Гришина в предлагаемой ею для включения в УПК РФ статье 207.6 отнесла подозреваемого, обвиняемого, защитника, а также потерпевшего и свидетеля, если в отношении них давалось заключение специалиста.

УПК РФ, предусматривающую допрос специалиста:

«Статья 190.1. Допрос специалиста

1. Специалист может быть допрошен для разъяснения вопросов, входящих в его компетенцию либо разъяснения данного им заключения, а также об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с его участием в следственных и иных процессуальных действиях.

2. Допрос специалиста производится по правилам, установленным статьями 187 - 189 настоящего Кодекса.

3. Перед началом допроса специалист предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложных показаний в соответствии со статей 307 Уголовного кодекса Российской Федерации.

4. Если допрос специалиста проводится по ходатайству стороны, то лицо, заявившее соответствующее ходатайство, вправе присутствовать при допросе и с разрешения следователя задавать специалисту вопросы.

5. Протокол допроса специалиста составляется в соответствии со статьей 190 настоящего Кодекса».

(Нормы, предусматривающие допрос специалиста, целесообразно разработать и включить также в гл.37 УПК РФ «Судебное следствие»).

Ответственность специалиста. Проблемы, связанные с ответственностью сведущих лиц, состоят в следующем: правила предупреждения о ней закрепляются в нормах процессуального права, а сами характер и вид ответственного должен определяться правом материальным - нормами Особенной части УК РФ. Однако уже на протяжении ряда лет этот вопрос пребывает в стадии неопределенности: несмотря на то, что в названии ст.307 УК РФ («Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод») продекларирована ответственность специалиста за дачу заведомо ложного заключения, ее диспозиция такой вид деяния не предусматривает.

Стало быть, и сам вид указанной ответственности отсутствует. Это обстоятельство обусловливает необходимость корректировки ч.1 данной статьи УК РФ. Представляется, что она должна быть изложена в следующей редакции: «Заведомо ложные показания свидетеля, потерпевшего либо заключение или показания эксперта, заключение или показания специалиста, а равно заведомо неправильный перевод в суде либо при производстве предварительного расследования».

В заключение хотелось бы высказать мнение о еще одной проблеме, касающейся компетенции сведущего лица и соответственности предмета его показаний и заключения.

Традиционно принято считать, что специалист в уголовном процессе может быть компетентен в любой области науки, техники, искусства или ремесла, за исключением юриспруденции. Объяснение очевидно: глубокими познаниями в одной области должны обладать сами лица, осуществляющие производство по уголовным делам. Однако в современном мире трудно представить себе серьезного профессионала, глубоко владеющего всеми тонкостями экологического, авторского, таможенного, коммерческого, трудового, земельного, административного и многих других отраслей законодательства (не говоря уже о законодательстве зарубежных государств). Неслучайно, практикующие юристы (дознаватели, следователи, прокуроры и судьи не исключение), даже те, кто специализируется на производстве по уголовным делам определенной категории, всегда прибегали к приватной, волонтерской консультационной помощи правоведов-отраслевиков. И закон ни в одной из норм не запрещает им использовать эту форму привлечения знаний. Именно поэтому мы солидарны с теми, пусть и немногочисленными авторами [10, с.376], которые исключают из специальных знаний, привлекаемых в уголовном судопроизводстве, не правоведение в целом, а только знания материального уголовного и уголовно-процессуального права.

Библиографический список:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 г. №28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // РГ. 2010. 30 дек.
2. Безлепкина Б.Т. Настольная книга дознавателя и следователя. М.: Проспект, 2009.
3. Быков В.М. Новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ о судебной экспертизе по уголовным делам: научный комментарий // Право и политика. 2011. №2. С.214-221.
4. Гришина Е.П. Сведущие лица в уголовном судопроизводстве: теоретические проблемы доказывания и правоприменительная практика / Под ред. А.М. Кустова. М.: Юрлитинформ, 2012.

5. Зажицкий В.И. Заключение и показания специалиста в системе доказательственного права // Российская юстиция. 2007. №9. С.56-58.
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А.Я. Сухарева. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2004.
7. Константинов А.В. Процессуальные и организационные проблемы участия специалиста в уголовном судопроизводстве на стадии предварительного расследования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
8. Лазарева Л.В. Допрос специалиста в уголовном судопроизводстве: необходимо законодательное регулирование // Российская юстиция, 2009. №3. С.37-40.
9. Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М.: Изд. РУДН, 2000.
10. Мухин Г.Н., Искютин-Федотов Д.В. Проблемы использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений: из творческого наследия Г.И. Грамовича // Библиотека криминалиста. Научный журнал. №1(6). М.: Юрлитинформ, 2013. С.372-379.
11. Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание: Монография. М.: Юрлитинформ, 2009.
12. Попов А.П. Современный отечественный уголовный процесс: целеполагание, система целей, задач и функций, средства: Монография / Науч. ред. В.Т.Томин. Пятигорск, 2006.

Specialist status, indications of specialist, interrogation the specialist, attracting specialist by defender.

The article is devoted the problems that affected the theory and practice of criminal justice in relation to the inclusion in the law the indications of specialist and interrogation of specialist as a source of evidence. Special attention is paid to interrogation the specialist and to the involvement of specialists in the work of a defender. Makes suggestions to improve the criminal procedure legislation.

Рецензенты:

Зинченко И.А., кандидат юридических наук, доцент, доцент Калининградского филиала Международного университета (в Москве);

Светочев В.А., кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

ИВАНОВ Р.О.,

соискатель кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России
ruslanivanov88@yandex.ru

УДК 34.08

БЕЗОПАСНОСТЬ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

IVANOV R.

SECURITY OF POLICE OFFICER IN SOCIAL NETWORKING SERVICES

Социальные сети, персональные данные, конфиденциальность информации, безопасность сотрудника полиции.

В статье дается анализ результатов социологического исследования, направленного на изучение влияния социальных сетей на сотрудника полиции. Развитие сети Интернет и вовлеченность сотрудников органов МВД России в Интернет-сервисы поколения Веб 2.0. влечет нарушение конфиденциальности их персональных данных. Утечка таких персональных данных создает угрозу безопасности сотрудника полиции, членов его семьи, системе МВД в целом.

Глобальная сеть Интернет прочно вошла в жизнь современного общества¹, превратившись из средства связи между компьютерами во всемирную коммуникационную среду. На сегодняшний день Интернет представляет рядовому пользователю широчайшие возможности коммуникации, получения и передачи информации практически любого типа. Рост социальных сетей является мировым культурным феноменом. Вне зависимости от того, насколько хорошо развиты в отдельно взятой стране государственное управление, инфраструктура и возможности интернет-соединения, уровень популярности социальных сетей повсеместно возрастает.

Комплекс технологических, экономических и социальных изменений, затронувших Интернет в первые годы XXI века привел к формированию нового поколения веб-сайтов (Веб 2.0), для которого характерно пополнение основной массы контента рядовыми пользователями. К этому же поколению относятся и Интернет-сервисы социальных сетей, первые из которых появились еще в 1995 году. Однако ощутимый рост популярности социальных сетей начался в 2003-2004 годах и продолжается по сей день.

Социальной сетью называют такой Интернет-сервис, который предоставляет пользователю возможность создавать стандартизированную веб-страницу, разместить в пользовательском разделе личные данные, а также установить и формализовать связи с прочими пользователями сервиса [3, с.10]. Если посмотреть на социальные сети с системно ориентированной точки зрения, то по своей сути они являются сверхбольшой распределенной базой данных².

Порталы социальных сетей содержат персональные данные миллионов пользователей, тем самым обеспечивая возможность разнообразного общения между участниками. Часто сотрудники полиции, не задумываясь о последствиях, размещают различные персональные данные (домашний адрес, мобильный телефон, социальный статус, фото- и видеоматериалы), которые легко могут быть использованы в противоправных целях [5, с.26].

Результаты проведенного социологического исследования³, направленного на изучение влияния социальных сетей на сотрудников органов внутренних дел показали, что сетевой портрет респондентов в целом соответствует

¹ По данным Международного союза электросвязи (МСЭ) при ООН на октябрь 2012 года, число пользователей сети Интернет в мире превысило 2,3 млрд человек.

² Сверхбольшой считается база данных, которая занимает чрезвычайно большой объем, измеряемый петабайтами. Под распределенной базой данных понимается совокупность логически взаимосвязанных баз данных, распределенных в компьютерной сети.

³ Социологическое исследование проводилось с ноября 2012 года по февраль 2013 года на базе Центра профессиональной подготовки ГУ МВД России по г. Москве и Академии управления МВД России. В исследовании приняло участие 280 сотрудников (из них 104 сотрудника из числа руководящего состава органов внутренних дел; 174 сотрудника подразделений патрульно-постовой службы, Центра специального назначения сил оперативного реагирования, следствия, дознания, Управления по работе с личным составом, Управления ГИБДД).

симпатиям общероссийской аудитории¹. Однако есть и определенные особенности.

По данным исследовательской компании ComScore WorldMetrics [11] на конец 2011 года 88% российских пользователей Интернета имели аккаунты в социальных сетях. Среди опрошенных сотрудников органов внутренних дел этот показатель несколько ниже - 72% зарегистрированы хотя бы в одной из социальных сетей. При этом каждый третий сотрудник (32%) - в двух социальных сетях (общероссийская аудитория - 34%). Каждый четвертый (24%) - зарегистрирован в трех и более социальных сетях (общероссийская аудитория - 25%). 65% сотрудников ежедневно посещают хотя бы одну социальную сеть (общероссийская аудитория - 59%), 19% - заходят раз в неделю (общероссийская аудитория - 15%), 16% - не чаще одного раза в месяц (общероссийская аудитория - 11%). Подавляющее большинство сотрудников, зарегистрированных в социальных сетях, (86%) считают, что общение в них не приносит им никакого ущерба (общероссийская аудитория - 63%).

При этом 94% сотрудников сообщают следующие личные сведения: имя и фамилию, возраст указывают 71%, место учебы - 29%, место жительства - 16%, номер телефона - 8%, место службы - 6%. Указанные сотрудники не переживают, что использование их персональных данных другими людьми (в том числе несанкционированное) может причинить им какой-либо вред². При этом 33% сотрудников подтвердили, что их профиль в социальной сети подвергался несанкционированному доступу. 37% сотрудников не используют регулярно лицензионное антивирусное программное обеспечение. 71% сотрудников для защиты своего персонального компьютера применяют лишь стандартные пароли.

13% сотрудников подтвердили, что размещают в профайле социальной сети фотографии в форменном обмундировании сотрудника органов МВД России. При этом для каждого второго сотрудника (54%), размещающего фотографии в форменном обмундировании, основной целью использования социальных сетей является расширение круга общения, и они же имеют наибольшее число контактов (более 100 человек) среди опрошенных.

Анализ результатов опроса показал, что наиболее подвержены рискам (более 82%) в социальных сетях сотрудники в возрасте от 25 до 30 лет, имеющие стаж службы от 5 до 10 лет. Именно эта категория опрошенных не осознает, что своим поведением в общедоступных Интернет-ресурсах создает условия для возникновения угрозы как личной безопасности сотрудника органов внутренних дел, так и своих близких. Иногда своими действиями они порочат систему МВД, нарушая принципы Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел [6]. Более того, возникают ситуации, дающие почву для различных противоправных действий коррупционной направленности. Именно данной категории сотрудников необходимо уделять наибольшее внимание, разъясняя необходимость более закрытого, сдержанного общения в социальных сетях.

В глобальной сети уже достаточно давно прогрессирует хорошо продуманный вид мошенничества, целью которого является завладение учетной записью, последующее похищение контактной и социальной информации либо управление аккаунтом для подачи информации от имени пользователя.

Угрозы безопасности персональных данных сотрудника могут быть самыми разными - от простой спам-рекламы до более изощренных видов интернет-мошенничества, созданных специально для кражи регистрационных данных пользователей социальных сетей (например заражение компьютера троянской программой-бэкдором) [4]. Многие пользователи попадают на уловки социо-ботов, рассылающих вирусные сообщения. Получить доступ к аккаунту в социальной сети не сложно даже для обычного пользователя, который просто знает человека и может использовать методы социальной инженерии.

Атаки на пользователей через социальные сети с каждым днём становятся всё более изощрёнными и опасными. Их число растёт в геометрической прогрессии. Любопытство и забывчивость сотрудников органов МВД вместе с технической безграмотностью - залог успеха для киберпреступников. Любая информация о сотрудниках полиции, зарегистрированных в социальных сетях, может быть использована в корыстных целях, создавая угрозу безопасности для со-

¹ Рассматривались социологические опросы ВЦИОМ, ComScore WorldMetrics, TNS WebIndex, GoogleAdPlanner, Subscribe, проводимые в 2011-2012 годах.

² В европейских странах уже давно прошло осознание потенциальной опасности излишней открытости в социальных сетях. Со школы детей знакомят с правилами поведения в сети Интернет, объясняя возможные меры защиты информации.

трудника, членов его семьи, выполнения оперативно-служебных (боевых) задач.

В соответствии с п.2 ст.3 Федерального закона от 27 июля 2006 года №152-ФЗ «О персональных данных» оператором персональных данных является государственный орган, муниципальный орган, юридическое или физическое лицо, самостоятельно или совместно с другими лицами организующие и (или) осуществляющие обработку персональных данных, а также определяющие цели обработки персональных данных, состав персональных данных, подлежащих обработке, действия (операции), совершаемые с персональными данными. Таким образом, социальные сети являются операторами персональных данных, при этом независимо от включения их в реестр операторов, осуществляющих обработку персональных данных, который ведет Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрируясь в социальной сети, соглашаясь с Правилами пользования (Пользовательским соглашением) указанным Интернет-ресурсом, установленными их владельцем, сотрудник полиции добровольно и в своём интересе предоставляет персональные данные. Специального согласия на обработку персональных данных в этом случае закон не требует. При этом персональные данные сотрудника МВД фактически становятся общедоступными неограниченному кругу лиц. Относительная конфиденциальность персональных данных сотрудника и защита от несанкционированного доступа (разглашения) в этих условиях может быть обеспечена настройками приватности и действиями по защите информации администрации Интернет-ресурса. Тем не менее, достаточно часто, в силу незнания, сотрудники полиции оставляют свой профиль в социальной сети открытым по умолчанию или изменяют настройки приватности, спустя продолжительное время с момента регистрации и размещения своих персональных данных.

Кажущаяся анонимность общения в социальной сети располагает пользователя к совершенно необдуманным поступкам и выражениям, грубому поведению, нецензурной брани и аморальным высказываниям,

более откровенным, нежели при непосредственном общении. Информация, связанная с аккаунтом сотрудника МВД в социальной сети, способна разойтись многотысячным тиражом, будучи скопированной на компьютеры или растиражированной по другим сайтам. Получив широкое освещение в СМИ (в сети Интернет), такая информация создает негативный общественный резонанс, снижает доверие граждан к органам внутренних дел и не способствует укреплению положительного образа сотрудника органов МВД России. Нередко это приводит к удару по репутации как сотрудника полиции, так и системы МВД в целом.

Зачастую никто из сотрудников органов МВД не расскажет первому встречному многое из конфиденциальной информации о себе. В то же время ряд сотрудников с удовольствием размещают в своем аккаунте социальной сети информацию, достаточную для идентификации их как сотрудников органов внутренних дел. Когда данные сотрудники становятся жертвами мошенников, им следует винить только себя. Сотрудник органов внутренних дел в целях личной безопасности и в интересах служебной деятельности должен стремиться к предельно осторожному пользованию подобными Интернет-ресурсами. Необходимости полного отказа от присутствия в социальных сетях нет, но определенные ограничения для сотрудников, безусловно, должны быть введены. На повестке дня стоит разработка кодекса правил поведения сотрудника органов внутренних дел в социальных сетях.

Таким образом, для обеспечения безопасности сотрудника органов МВД России, а также регулирования норм поведения при пользовании социальными сетями необходимо следующее:

1) В рамках активизации по развитию Интернет-ресурсов МВД России с целью совершенствования коммуникации между сотрудниками полиции необходимо рассмотреть вопрос создания полноценной (VPN)¹ социальной сети для органов МВД России². Внутриведомственная социальная сеть позволит объединить компетенции различных сотрудников, будет способствовать более эф-

¹ Virtual Private Network (англ. «виртуальная частная сеть») - технология, позволяющая обеспечить сетевое соединение (логическую сеть) поверх другой сети (например Интернет). Благодаря использованию средств криптографии (шифрования, аутентификации, инфраструктуры открытых ключей, средств для защиты от повторов и изменений, передаваемых по логической сети сообщений) и при должном уровне реализации специального программного обеспечения, сеть VPN может обеспечить высокий уровень шифрования передаваемой информации. При правильной настройке всех компонентов технология VPN обеспечивает анонимность в сети.

² Одним из наиболее серьезных и интересных примеров создания внутренней корпоративной социальной сети является компания Cisco Systems Inc. С появлением социальной сети сотрудники Cisco получили возможность ведения собственных блогов, доступа к обучающим материалам, организации видеосвязи,

фективному взаимодействию, а также практическому выполнению служебных задач.

2) Разработать Правила поведения сотрудника органов МВД России в сети Интернет, в частности, в интернет-блогах и социальных сетях или внести дополнения в Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации путем закрепления норм, четко предписывающих этические требования к пове-

дению сотрудника полиции при пользовании сети Интернет¹.

3) В связи с низкой осведомлённостью сотрудников органов МВД России об угрозах безопасности персональных данных в социальных сетях (интернет-блогах) в рамках профессиональной служебной подготовки, необходимо проводить занятия, направленные на изучение действий и методов повышения защиты при пользовании сети Интернет.

Библиографический список:

1. Приказ МВД России от 24 декабря 2008 г. №1138 «Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс», 2013.
2. Арендт Э. «Экстремальные базы данных»: самые большие и самые быстрые. // URL: http://www.ibm.com/developerworks/ru/library/DBMag_Issue109_Extreme (дата обращения 25.02.2013).
3. Браславец Л.А. Интернет-сервисы социальных сетей в современной системе средств массовой информации. Автореф. дисс.... филол. наук. Воронеж, 2010.
4. Вишерски Г. Угрозы социальных сетей // URL: http://www.kaspersky.ru/reading_room?chapter=207367949 (дата обращения 26.02.2013).
5. Ермилова А.С. Проблемы безопасности персональных данных пользователей социальных сетей / Сборник трудов конференции молодых учёных. Информационные технологии. Выпуск 6. СПб., 2009.
6. Лещенко А.М. Социальные сети как механизм конструирования коммуникации в современном обществе. Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Пятигорск, 2011. 26 с.
7. Росляков А.В. Виртуальные частные сети: основы построения и применения. М.: Экотрендз, 2006. С.24.
8. Чернышева И. Социальные сети: возможен ли контроль за обработкой персональных данных? // Персональные данные. №4. 2012.
9. Шередин Р.В. О проблеме защиты персональных данных. Инфофорум-Гонконг-2012 // URL: <http://www.rsoc.ru/press/speech/news16685.htm> (дата обращения 26.02.2013).
10. Отчёт МСЭ: «Измерение информационного общества, 2012 год» // URL: http://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/ind/D-IND-ICTOI-2012-SUM-PDF-R.pdf (дата обращения 15.01.2013).
11. It's a Social World // URL: http://www.comscore.com/Insights/Presentations_and_Whitepapers/2011/it_is_a_social_world_top_10_need-to-knows_about_social_networking (дата обращения 15.01.2013).

Social networking service, personal data, information confidentiality, security of police.

In the article analysis the results of the social research definition the effects of social networking services to the police officer. Development of the Internet and involvement the law enforcement of the Russian Interior Ministry to use of Internet services Web 2.0. make the breach of confidentiality their personal data. The leakage of a police officers personal data endanger their personal safety and family members, the Interior Ministry as a whole.

Рецензенты:

Сафронов А.Д., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры психологии педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России;

Шередин Р.В., кандидат технических наук, заместитель руководителя Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

просмотра энциклопедий и пользования другими элементами социальных сетей. В ходе проведенного социологического исследования 39% опрошенных сотрудников органов МВД России, в случае создания внутриведомственной социальной сети, были готовы принять в ней участие.

¹ Подобный этический кодекс поведения в блогосфере планируется разработать для государственных чиновников и сотрудников госкомпаний (Известия, 17 октября 2012 года).

КОЗЛОВСКАЯ О.В.,

преподаватель кафедры международного права
Калининградского филиала Международного
университета (в Москве), аспирант БФУ им. И. Канта
olgakozlovskaya@mail.ru

УДК 340.1

НЕОДНОЗНАЧНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕТОДОВ МОНИТОРИНГА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

**KOZLOVSKAYA O.
CONTROVERSIAL ASPECTS OF THE DEFINITION
OF METHODS FOR MONITORING ENFORCEMENT**

Мониторинг правоприменения, методы исследования, общенаучные методы, частные методы, анализ, социологический метод, метод правового эксперимента, метод сбора и оценки информации, сравнительно-правовой метод.

Статья посвящена определению методов, с помощью которых осуществляется мониторинг правоприменения. Автор выделяет общенаучные и частные методы мониторинга. В статье раскрывается содержание основных из них: метода анализа, обобщения, сбора и оценки информации, социологического и сравнительно-правового методов, а также метода правового эксперимента. Автором обосновывается необходимость законодательного закрепления перечисленных в статье методов мониторинга правоприменения.

Законодатель наделяет субъектов мониторинговой деятельности кругом полномочий, которые конкретизируются в нормативных правовых актах, должностных регламентах и инструкциях.

Правовая наука предоставляет в распоряжение субъектов мониторинга инструментарий в виде методов исследования. Под методом исследования понимается совокупность действий, совершив которые субъект достигает желаемой цели, решает поставленную задачу. Выбор методов, используемых субъектами той или иной деятельности зависит от характера такой деятельности и от объекта исследования. В общем смысле объектом правового мониторинга являются нормативные правовые акты и их проекты, поэтому к методам мониторинга относятся методы, с помощью которых можно анализировать состояние законодательной базы страны, оценивать отдельно взятые отрасли права и нормативные правовые акты с целью выявления пробелов, неточностей, коллизий, алогизмов и других недостатков.

Субъекты мониторинговой деятельности используют общетеоретические научные методы познания, к которым относятся анализ, обобщение, синтез, метод сравнения, абстрагирования, методы индукции и дедук-

ции, прогнозирования. Частные методы состоят в использовании таких познавательных средств, применение которых позволит раскрыть специфику объекта познания. В правовом мониторинге к частным методам можно отнести методы правового моделирования и правового эксперимента, сравнительно-правовой и социологический метод, методы использования судебной и административной статистики.

Рассматривая общенаучные методы, являющиеся неотъемлемой частью мониторинговой деятельности, хотелось бы отметить, что основные из них упомянуты законодателем в определении мониторинга правоприменения: «Мониторинг предусматривает комплексную и плановую деятельность...по сбору, обобщению, анализу и оценке информации» [1].

Для того, чтобы осуществлять мониторинговую деятельность любыми из перечисленных методов, необходимо определиться с объектом исследования. Поэтому первый рассматриваемый метод осуществления мониторинга - метод сбора информации. Ежегодно Правительством Российской Федерации утверждается план мониторинга, в котором указывается, мониторинг какого нормативного правового акта или отрасли права необ-

ходимо осуществить в следующий календарный год. При этом необходимо подчеркнуть, что мониторинг - деятельность многогранная: нормативный правовой акт или проект рассматривается и изучается не только сам по себе, но и во взаимосвязи с другими актами. Анализируется место объекта исследования в системе актов, регулирующих данный вид общественных отношений, в соответствующей отрасли права. Как указано в методике осуществления мониторинга правоприменения, при проведении мониторинга учитывается практика применения нормативных правовых актов СССР и РСФСР, сохраняющих действие на территории Российской Федерации, практика судов общей юрисдикции и арбитражных судов, информация, поступившая из общественных, научных, правозащитных и иных организаций, статистическая и социологическая информация и др. [1] Для того, чтобы «учитывать» всю перечисленную информацию, субъект мониторинга должен собрать ее воедино, именно поэтому метод сбора информации является одним из ключевых методов мониторинга правоприменения.

Метод анализа также является важнейшим методом мониторинга правоприменения. Этот метод можно охарактеризовать как совокупность определенных логических действий, направленных на раскрытие содержания объекта анализа. При осуществлении мониторинговой деятельности анализ позволяет субъекту мониторинга проникать в суть объекта, определять основные мысли и идеи, заложенные в нормативном правовом акте или его проекте, логику строения документа, выявлять логические связи или противоречия между структурными частями акта, оценивать их с точки зрения экономических, политических, социальных позиций.

Недостатком этого метода можно назвать субъективность, поскольку, как высок бы ни был уровень профессионализма исследователя, законодательство является настолько социально значимой категорией, что любое исследование будет в той или иной мере субъективно. В целях осуществления беспристрастного и грамотного анализа нормативных правовых актов и сопутствующей информации субъектам мониторинга следует придерживаться определенной схемы исследования. Она заключается в том, что анализ осуществляется

в соответствии с определенным перечнем базовых вопросов, сформулированных для получения первоначальной информации и формирования общего понятия о предмете исследования. К числу таких вопросов следует отнести:

- кем было инициировано принятие данного акта?

- кем нормативный правовой акт был принят? (для действующих актов)

- когда нормативный правовой акт был принят?

- какую цель преследовал законодатель, принимая данный акт, инициируя подготовку законопроекта?

- каково фактическое содержание документа?

- каково оценочное содержание документа (что именно в документе можно считать выражением оценок, мотивов, ценностных представлений, получивших в нем отражение [2])?

- отвечает ли данный акт (законопроект) поставленным задачам и целям?

- является ли текст документа логичным, понятным, грамотным, не содержит ли он пробелы, коллизии, опечатки, алогизмы и иные недостатки?

Постановка этих вопросов в начале анализа нормативного правового акта или законопроекта задаст верную траекторию исследованию позволит сформулировать более конкретные вопросы.

Обобщение - это логическая операция, которая заключается в том, что для однородных категорий находится более широкое по объему понятие, отражающее общность свойств этих категорий во взаимосвязи друг с другом [3]. Любое обобщение должно иметь основание, то есть свойство, позволяющее группировать вместе те или иные явления. В мониторинге правоприменения информация - это важнейших инструмент работы. Для эффективной мониторинговой деятельности работа с информацией должна быть непрерывной, комплексной, отлаженной. Метод обобщения информации помогает группировать сведения о нормативных правовых актах (как действующих, так и находящихся на проектной стадии) в зависимости от вида акта, отрасли права, критериев оценки, специфики поставленных задач.

Следующий метод мониторинга также указан законодателем в определении мониторинговой деятельности - метод

оценки информации. Этот метод заключается в формулировании субъектом мониторинговой деятельности соответствующих выводов по результатам использованных ранее методов мониторинга (сбора информации, ее обобщения, анализа и т.д.). Метод оценки информации помогает с помощью определенных критериев выявить те области объекта, которые требуют пересмотра, доработки, внесения изменений или отмены. В методике осуществления мониторинга правоприменения указаны данные критерии. К показателям, по которым оценивается информация об объекте мониторинга, относятся: наличие пробелов, коллизий, дублирующих норм, коррупционных факторов, ошибок юридико-технического характера, случаи искажения смысла нормы и т.д. [1]

Перечисленные общенаучные методы, используемые при осуществлении мониторинга правоприменения, гармонично дополняют методы частные, обусловленные спецификой юридической науки в целом и работой с нормативными правовыми актами, в частности.

К таким методам можно отнести сравнительно-правовой метод, суть которого заключается в сопоставлении однородных правовых процессов в различных государствах, правовых системах, исторических периодах. К примеру, избрав объектом исследования определенный нормативный правовой акт, с помощью этого метода можно ретроспективно проследить регулирование данного вида отношений, изучить зарубежный опыт в данной сфере. Исследования такого рода позволяют выделять общее и различное в специфике регулирования общественных отношений одного типа, сопоставлять те или нормы, выявлять пробелы, а также уникальные правовые нормы и в итоге приходиться к наиболее оптимальному варианту формулировки нормативного правового акта. В сфере мониторинга правоприменения сравнительно-правовой метод, к сожалению, используется не в полной мере: в нормативных правовых актах, регламентирующих порядок осуществления мониторинга на территории Российской Федерации, не содержится указание на необходимость проведения анализа зарубежного опыта в соответствующей сфере общественных отношений. Не вызывает сомнения, что Российская Федерация - страна с собственным неповторимым путем раз-

вития, в том числе и правовой системы, но сегодня, в век стремительнейших социальных и политических процессов, анализировать опыт правового регулирования других стран просто необходимо для того, чтобы совершенствовать свою собственную правовую систему.

Следующий рассматриваемый метод - социологический. Данный метод позволяет не только собирать информацию о процессах, происходящих в обществе, анализировать отношение общественности к объекту мониторинга, но и выявлять и формулировать проблемы в сфере действия того или иного нормативного правового акта. В методике осуществления мониторинга правоприменения содержится прямое указание на необходимость использования социологической информации, полученной в рамках социологических исследований [1]. Для получения социологической информации существует ряд приемов: социологический опрос, анкетирование, наблюдение, интервьюирование, фокус-группы и т.п.

Социологический опрос является специфическим методом исследования, который оказывается незаменимым при сборе информации у широкого круга лиц. Наиболее используемыми видами социологического опроса являются анкетирование и интервьюирование. Анкетирование - это метод, при котором для сбора сведений используется перечень вопросов, на который предлагается ответить респонденту. Этот метод позволяет выявить общественное мнение, опросив большое число лиц, используя при этом минимальные финансовые и трудовые затраты. Анкетирование может быть как очным, так и заочным, в последнем случае используется публикация анкет в прессе, рассылка по почте, проведение интернет - анкетирования. В сфере мониторинга правоприменения законодателю крайне важно отслеживать общественное отношение к принимаемым и действующим нормативным правовым актам, именно поэтому анкетирование и опросы в сети Интернет настолько актуальны и эффективны. В частности, размещение блока вопросов на сайтах органов государственной власти позволит респонденту, не проходя долгую процедуру регистрации и не затрачивая много времени, ответить на необходимые вопросы. Для повышения объективности

интернет-опросов, можно установить систему «одна анкета - с одного компьютера», предотвращающую возможность одного пользователя отвечать много раз на одни и те же вопросы, ставя под сомнение выборку и объективность метода. Также для выборочного анкетирования можно добавлять вопросы о профессии респондента, городе его жительства и т.п., что усложняет обработку информации, но при этом позволяет узнать больше информации о респонденте.

Метод фокус-групп - социологический метод, который заключается в интервьюировании группы людей с целью выяснения их мнения по поводу объекта исследования, анализа их поведенческой модели, мотивации, ожиданий, степени удовлетворенности. Этот метод является достаточно сложным, поскольку проведение фокус-групп требует тщательной подготовки, умелой координации процесса исследования и высокого профессионализма при оценке его результатов. Неоспоримым достоинством данного метода является возможность глубокого исследования позиции заданного состава участников, поскольку субъект проведения исследования самостоятельно определяет круг респондентов фокус-группы, исходя из целей проведения исследования. Применительно к мониторингу правоприменения метод фокус-групп может применяться для исследования отношения различных категорий населения к определенному проекту или действующему нормативному правовому акту.

Перечисленные способы реализации социологического метода направлены на выявление общественного мнения, на поиск оптимальных вариантов правовых решений, корректировки действующих нормативных правовых актов, разработки прогнозов в области внесения законопроектов. Данный метод требует объективной оценки поступившей информации - позитивной или негативной. Законодателю и субъектам мониторинга важно понимать огромную роль общественного отношения в деле совершенствования правовой системы страны.

Метод правового эксперимента - один из важнейших разновидностей соци-

ального эксперимента. Сущность правового эксперимента можно определить как действия субъекта по проверке гипотезы об эффективности той или иной законодательской идеи, законопроекте. Также целью правового эксперимента является прогнозирование и оценка социальных и экономических последствий принятия нормативного правового акта или правовой нормы. Существует два основных вида правового эксперимента:

- эксперименты, имеющие цель определить состояние, актуальность и эффективность действующих нормативных правовых актов;

- эксперименты, прогнозирующие и оценивающие необходимость принятия новой нормы или нормативного правового акта. Обе разновидности правового эксперимента должны использоваться при осуществлении мониторинга правоприменения, поскольку этот метод является крайне эффективным механизмом повышения качества нормативных правовых актов. По мнению Ельцова В.Н., сегодня происходит снижение роли и качества правового эксперимента, причины этого автор диссертационного исследования «Правовой эксперимент в современной России: проблемы эффективности» видит в отсутствии нормативного правового акта, регламентирующего процедуру проведения правового эксперимента, а также четких критериев оценки их эффективности [4]. Эти замечания совершенно справедливы, ведь от грамотного выбора объекта эксперимента, четкой организации проведения эксперимента, объективной оценки итогов зависит качество результата правового эксперимента.

Перечисленные методы осуществления мониторинга являются основными. В совокупности с другими общенаучными и частными методами они составляют методологию мониторинга правоприменения. Хотелось бы особо подчеркнуть необходимость законодательного закрепления методов мониторинговой деятельности, поскольку качество исследования напрямую зависит от методов, при помощи которых оно осуществляется.

Библиографический список:

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 19.08.2011 №694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 29.08.2011. №35. Ст.5081.

2. Голубков Е.П. Основы маркетинга: Учебник. М.: Издательство «Финпресс», 1999.
3. Коротков Э.М. Исследование систем управления. М., Издательско-консалтинговая компания «ДеКа», 2000.
4. Ельцов В.Н. Автореферат дисс. на соискание уч. степени кандидата юридических наук. Тамбов, 2009.

Monitoring enforcement, research methods, scientific methods, private methods, the analysis of the sociological method, the legal experiment, the method of collecting and evaluating information, comparative legal method.

The article is devoted to defining the methods by which the monitoring of enforcement. The author highlights the general scientific and particular methods of monitoring. The article describes the content of the main ones: the method of analysis, synthesis, data collection and evaluation of information, sociological and comparative - legal methods, and method of legal experiment. The author explains the need of legislative consolidation referred to in Article monitoring methods of enforcement.

Рецензенты:

Финогентова О.Е., доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института БФУ им. И. Канта;

Косс А.В., кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Юридического института БФУ им. И. Канта.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

КУЛИКОВ А.В.,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ,
председатель Уставного Суда Калининградской области,
профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД
Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
postmaster@ptskl.baltnet.ru

ЧОБАНОВ Г.А.,

адвокат Адвокатской палаты Московской области, соискатель БФУ им. И. Канта

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ЗАДЕРЖАНИЕ

KULIKOV A., CHOBANOV G.

HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC LEGISLATION ON CRIMINAL LIABILITY FOR UNLAWFUL DETENTION

Задержание, виды задержания, задержание подозреваемого, задержание обвиняемого, задержание осужденного, незаконное задержание, уголовная ответственность.

В статье изложены исторические аспекты развития отечественного законодательства, регламентировавшего уголовную ответственность за незаконное задержание, определены исторические этапы, сделан вывод о необходимости пересмотра института уголовной ответственности за незаконное задержание.

Уголовно-правовые идеи и теории разрабатываются на основе исторического опыта. Изучение истории уголовного права и его отдельных аспектов позволяет выявить истоки криминализации того или иного явления, понять социальный смысл уголовно-правовых норм, социальную обусловленность установления уголовно-правового запрета и его эффективность. «Для того чтобы выявить определенные устойчивые характеристики какого-либо процесса, необходимо, во-первых, наличие достаточного количества отдельных актов, из которых складывается данный процесс, и, во-вторых, он должен быть рассмотрен за достаточно длительный период» [1].

Уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за заведомо незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей было бы неправильно рассматривать в отрыве от существующего исторического опыта конструирования норм, регламентирующих ответственность за исследуемое негативное явление. Согласно замечанию академика Б.М. Кедрова - видного исследователя истории юридической науки, «изучение прошлого может и должно служить средством для того, чтобы помнить настоящее и предви-

деть будущее и на основе этого осмыслить развитие науки как целенаправленный исторический процесс» [2].

Анализируя исследуемое явление, можно утверждать, что как в прошлом, так и в настоящее время имелись достаточные основания для принятия государством мер защиты граждан от посягательств изучаемой категории. Эти меры на разных этапах развития имели соответственно различный объем и содержание. Влияние на их развитие определялось значительным количеством факторов, в частности, таких, как социально-политическая ситуация в стране, состояние экономики, отношение к правам человека в государстве.

В истории человечества не было периода, когда бы не нарушалось право человека на свободу и личную неприкосновенность. Как справедливо отмечал Б. Чичерин, «к числу учреждений, составляющих завещанное веками наследие всех народов, по крайней мере в известную эпоху их жизни, принадлежало состояние несвободы. Рабство мы видим уже в глубочайшей древности: нет народа, у которого оно бы не проявлялось в той или иной форме» [3].

Научная дискуссия идет о времени официального появления определения поня-

тия преступлений, связанных с незаконным лишением свободы. В этой связи авторы не разделяют мнения А.А. Амосова, который считает, что истоки преступлений, определяющие незаконное лишение свободы, появились только в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [4, с.32].

Так, в Судебнике 1497 года в статье 34 было указано: «Недельщик, которому поручено допросить вора, должен вести допрос добросовестно, не заставляя вора оговаривать кого-либо, и сообщить результаты допроса великому князю или судье. Недельщик, посланный для ареста воров, обязан производить арест добросовестно, не потакая никому. Запрещается отпускать арестованных воров, брать с них взятки, а также арестовывать посторонних людей» [5].

В.И. Субботина, исследовавшая развитие законодательства, устанавливавшего ответственность за заведомо незаконные заключение под стражу и содержание под стражей, утверждает, что впервые упоминания об указанных деяниях появились в Судебнике 1550 года. В подтверждение этому приводится статья 70 Судебника, согласно которой незаконным признавался арест и наложение оков на людей, нуждавшихся в поручительстве, без ведома выборных от дворянства властей - «приказчиков и городских», выполнявших судебные обязанности и присутствовавших на суде, наместника в качестве представителей посада, а также дворского старосты и целовальников, то есть представителя уездного дворянства [6].

Как видно, эта статья была призвана упорядочить наместнический суд способом установления контроля со стороны выборного управления за действиями наместников и волостей при производстве ими арестов и дачи на поруки местных жителей. В частности, преступность деяния определялась не отсутствием оснований заключения под стражу, а заключалась в нарушении установленной формы применения такой меры пресечения, как заключение под стражу. В качестве санкции за указанное преступление предусматривалась возмещение в двойном размере нанесенного ущерба [6].

Таким образом, несмотря на то, что как до Судебника 1550 года, так и после него, имели место случаи применения мер процессуального принуждения для «всяческого вымогательства и наживы (не говоря уже о сведении любых личных счетов)» [7], ни в более ранних, ни, довольно длительное время, в последующих уголовных законах специ-

альных норм, устанавливающих уголовную ответственность за подобные деяния, не содержалось (ни в Соборном Уложении 1649 года, ни в Уставе Благочиния 1782 года не было ни слова о признаках незаконного заключения под стражу или содержания под стражей).

Такое положение существовало, несмотря на то, что о противоправности и недопустимости незаконных арестов говорилось в сенатском докладе от 31 июля 1766 года, а в последующем и в наказе Екатерины II, положения которого были закреплены в сенатском Указе от 23 апреля 1801 года [8].

Следующим за Судебником 1550 года уголовным законом, закрепившим ответственность за незаконное применение мер процессуального принуждения, связанных с изоляцией человека от общества, было Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, который представляет собой приближенный к кодексу законодательный акт. Преступления, посягающие на личную свободу, были разбросаны по разным главам особенной части Уложения. Так, в главе 2 «О превышении власти и противозаконном оной бездействии» ответственность за незаконное заключение под стражу регламентировалась в статье 377. В ней указывалось следующее: «За взятие под стражу кого-либо, хотя и по законным, достойным уважения причинам, но без соблюдения установленных на то правил, виновное в том должностное лицо приговаривается, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину его к строгому замечанию или к строгому выговору с внесением в послужной список, или же к вычету от шести месяцев до одного года из времени службы. Когда кто-либо взят под стражу без всяких достойных уважения причин или когда виновный в том не имел на это по закону или особому разрешению права, то он подвергается высшей мере наказания, за противозаконное задержание и заключение, а сверх того, если взятый под стражу окажется не подлежащим сему, то и взысканию бесчестия в его пользу или к прощению у него прощения» [9].

Уложением предусматривались три периода длительности задержания и заключения: не более 7 дней; от 7 дней до 3-х месяцев, свыше 3 месяцев [9].

Анализ данной уголовно-правовой нормы показывает, что, в отличие от Судебника 1550 года, Уложение 1845 года устанавливало ответственность как за наруше-

ния формы (самой процедуры) применения меры пресечения, так и за ее применение без оснований. Причем последнее наказывалось значительно более сурово.

Наряду с этими видами преступных проявлений, связанных с незаконным применением мер уголовно-процессуального задержания, самостоятельным преступлением признавалось содержание задержанного не в месте, для этого предназначенном. Так, в ст.477 Уложения 1845 года содержались положения, согласно которым произвольное содержание кого-либо под стражей «не в месте, для сего предназначенном, и без особых к тому важных причин, виновный в том, смотря по тем побуждениям, коим он следовал при сем отступлении от правил, а равно и по большему или меньшему неудобству места, произвольно им избранного для содержания арестованного, и по состоянию, званию, летам и полу сего лица» наказывался «вычетом от шести месяцев до одного года из времени службы или отрешению от должности или исключению из службы» [9].

Дальнейшее развитие законодательство, регламентирующее ответственность за незаконное применение мер уголовно-процессуального принуждения, получает в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 года.

П.И. Сурихин, проанализировав данное Уложение в вышеуказанной редакции, пришел к выводу, что все составы, устанавливающие ответственность за незаконные задержание и арест, можно разделить на три группы:

- предусматривающие ответственность за незаконное уголовно-процессуальное лишение свободы;
- предусматривающие ответственность за нарушение процедуры законного уголовно-процессуального лишения свободы;
- предусматривающие ответственность за незаконное лишение свободы вообще [10].

В статье 1540 указанного Уложения сформулирован был основной состав преступного лишения свободы: «Кто, по какой бы то ни было причине и с каким бы то ни было намерением, кроме лишь случаев, в коих задержание и самое предварительное заключение, по уликам или подозрениям, или же в виде наказания, дозволено или предписано законом, самовольно и насильственно лишит кого-либо свободы, тот, буде заключение или задержание его продолжалось более трех месяцев, приговаривается...» к лишению всех или некоторых

особенных прав и преимуществ и к отдаче в исправительные арестантские отделения или к заключению в крепости [4, с.34]. Под противозаконным лишением свободы здесь понималось задержание или предварительное заключение, осуществленное без улик либо подозрений, дозволенных или предписанных законом. Кроме того, виновный должен лишиться свободы потерпевшего самовольно и насильственно. Намерение виновного значения для квалификации не имело.

В последующем разработчики проекта Уголовного уложения 1903 года попытались отказаться от выделения специальных норм, регламентирующих ответственность за незаконное задержание и арест. Обосновывалась эта позиция тем, что, например, убийство, совершенное должностным лицом, исполнявшим служебную деятельность, квалифицировалось по статье, регламентировавшей ответственность за убийство, и не выделялись в самостоятельный состав преступления [11]. В части системы преступлений против личной свободы глава 26 Уложения 1903 года сохранила преемственность с нормами Уложения 1845 года.

Принимая активное участие в работе над Уложением 1903 года, Н.С. Таганцев предлагал выделить преступления против свободы личности в отдельную главу. В результате в Уложении преступления, объектом которых является свобода личности, объединены в главу «О преступных деяниях против личной свободы». В главу преступлений против личной свободы включены следующие составы: лишение свободы задержанием или заключением (статьи 498, 499, 500), продажа в рабство или торговля рабами (501), похищение, сокрытие, подмен чужого ребенка (502, 503, 504, 505), похищение женщины (506), принуждение (508), угроза (510) [3].

Я.И. Фойницкий преступные посяательства на личную свободу подразделял по степени вторжения в область свободы личности на три группы.

К первой, по мнению этого ученого, принадлежат деяния, посягающие на свободу отдельных актов деятельности человека и состоящие в принуждении его что-либо сделать или не делать, испытать или пережить какое-либо ощущение (принуждение или угрозу).

Ко второй группе относятся деяния, состоящие в ограничении свободы передвижения на более или менее продолжительное время (противозаконное задержание и заключение).

К третьей группе принадлежат похищения или захват людей, цели которого могут быть разнообразны. Они посягают или на свободное состояние человека, или на его происхождение, или на целомудрие и соответственно этому подразделяются на продажу в рабство и работорговлю, подмен и похищение детей и на похищение женщин [12].

Таким образом, Уложения 1845 года и 1903 года были последними законодательными сборниками, содержащими временные рамки незаконного лишения человека свободы, отражающиеся, в свою очередь, на наказании, от периода, составлявшего не более 7 дней, до периода - свыше 3-х месяцев, за исключением преступлений, предусматривающих ответственность за удержание чужого ребенка, где сроки исчислялись от 3-х дней до периода свыше месяца, при этом законодатель предусмотрел льготный срок удержания ребенка, исключающий наступление уголовной ответственности.

Со свершением Октябрьской революции 1917 года наступил и новый этап развития уголовного законодательства. Необходимо отметить, что виды посягательств на личную свободу человека были сокращены, а оставшиеся в уголовном законодательстве нормы об ответственности за незаконное лишение свободы человека должного развития не получили.

В соответствии с Декретом СНК «О суде» 1917 года судам разрешалось руководствоваться в своей деятельности «законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». Советская власть, отвергая существовавшее ранее законодательство, невольно лишала себя и тех принципов уголовно-правовой охраны личности, которые сложились к тому времени.

Впервые в советском законодательстве перечень мер пресечения был сформулирован в п.78 «Положения о военных следователях», утвержденного 30 сентября 1919 года приказом Реввоенсовета Республики №1595 [13].

К мерам пресечения были отнесены: 1) письменное обязательство о явке к следователю и неотлучке с места службы или жительства; 2) отдача на поруки; 3) представление залога; 4) отдача под ближайший надзор начальства; 5) арест. При этом не совсем ясно, что имелось в виду при введении ареста как меры пресечения - только заклю-

чение под стражу или также задержание и домашний арест. Вместе с тем Положение о народном суде РСФСР, введенное Декретом ВЦИК от 21 октября 1920 года, упоминало только арест как меру пресечения [14].

В послереволюционный период развития уголовного законодательства ответственность за незаконное задержание и незаконное заключение под стражу была регламентирована в первом УК РСФСР 1922 года. Однако, как и в дореволюционном законодательстве, в нем преступления против правосудия не выделялись в качестве главы с самостоятельным родовым объектом и были отнесены законодателем к следующим группам: к контрреволюционным преступлениям, к преступлениям против порядка управления, к должностным преступлениям, к преступлениям против жизни, здоровья и достоинства личности, к нарушению правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок [15, с.14-15]. Соответственно незаконное задержание, незаконный привод и незаконное заключение под стражу в качестве меры пресечения были помещены во вторую главу «Должностные (служебные) преступления».

В таком же виде и в главе с таким же названием ответственность за рассматриваемые преступления была сохранена и в Уголовном кодексе РСФСР 1926 года. Так, ч.1 статьи 115 УК РСФСР 1926 года регламентировала ответственность за «незаконное задержание или незаконный привод» и устанавливала наказание за его совершение в виде «лишения свободы на срок до одного года» [16].

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года впервые преступления против правосудия были выделены в самостоятельную главу, которая включала 15 статей. В эту главу были включены и исследуемые нами преступления (ст.178 - заведомо незаконный арест или задержание).

Ученые, проводившие сравнительные исследования, отмечают, что по сравнению с предыдущими уголовными кодексами в УК РСФСР 1960 года законодатель пошел по пути дифференциации уголовной ответственности за преступления против правосудия, более четкого описания составов и их признаков, исключил ряд деяний, не представляющих большой общественной опасности, ввел ответственность за деяния, которые не были предусмотрены предшествующими уголовными кодексами [15, с.16].

Относительно исследуемых преступлений следует отметить, что значительные изменения, в сравнении с УК РСФСР 1926 года, претерпела норма, устанавливающая ответственность за заведомо незаконный арест (ч.1 ст.178 УК РФ). В частности, был значительно расширен круг преступных деяний, составляющих незаконное заключение под стражу, в силу исключения из числа обязательных признаков этого преступления - мотива совершения указанных действий. Вместе с тем, наряду с расширением круга ответственности за данные деяния, произошло значительное понижение санкции этого преступления. Так, вместо предельного срока «пяти лет лишения свободы», появился предельный срок лишения свободы - «один год» [17].

В действующем сегодня Уголовном кодексе РФ 1996 года сохранена система норм об ответственности за преступления против правосудия, ей отведена отдельная глава в разделе «Преступления против государственной власти». Вместе с тем нормы о преступлениях против правосудия подверглись значительным изменениям, связанным со стремлением законодателя обеспечить максимальную уголовно-правовую охрану лиц, осуществляющих правосудие, и других участников судопроизводства, а также стабильность приговоров, решений и других судебных актов.

Статьей 301 Уголовного кодекса РФ предусмотрена уголовная ответственность за незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей. При этом составы преступлений за незаконное задержание и заключение под стражу отделены друг от друга. В части 1 ст.301 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за заведомо незаконное задержание, в части 2 ст.301 УК РФ за заведомо незаконное заключение под стражу или содержание под стражей.

Под задержанием с точки зрения уголовно-правовой характеристики традиционно понималось только уголовно-процессуальное задержание [18, 19]. Между тем в последнее время все активнее продвигается идея о том, что уголовная ответственность должна наступать не только за заведомо незаконное уголовно-процессуальное, но и административное задержание [20].

Таким образом, можно выделить следующие этапы возникновения и развития института уголовной ответственности за незаконное задержание:

1. Ранний период - 1550-1801 г.г., характеризующийся первыми упоминаниями об

указанных деяниях, которые появились в Судебнике 1550 года. В частности, преступность деяния определялась не отсутствием оснований заключения под стражу, а заключалась в нарушении установленной формы применения такой меры пресечения, как заключение под стражу. В уголовном судопроизводстве того времени отсутствовало определение точного смысла понятия «задержание» лица по подозрению в совершении преступления.

2. Дореволюционный период - 1845-1917 г.г. как период законодательного закрепления незаконного применения мер процессуального принуждения, связанных с лишением свободы. Первым законодательным актом, где предусматривалась уголовная ответственность за незаконное применение мер процессуального принуждения, связанных с лишением свободы, было Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В последующих нормативных актах, таких, как названное Уложение в редакции 1885 г., Уголовное Уложение от 22 марта 1903 г., данные нормы не претерпели существенных изменений.

3. Послереволюционный период - 1922 - 1960 г.г. уголовного законодательства. Ответственность за незаконное задержание и незаконное заключение под стражу была регламентирована в первом УК РСФСР 1922 г., в котором соответственно незаконное задержание, незаконный привод и незаконное заключение под стражу в качестве меры пресечения были помещены во вторую главу «Должностные (служебные) преступления». В таком же виде и в главе с таким же названием ответственность за рассматриваемые преступления была сохранена и в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. впервые преступления против правосудия были выделены в самостоятельную главу, которая включала 15 статей.

4. Современный период уголовного законодательства - с Уголовного кодекса 1996 года по настоящее время. Описание исследуемого преступления (незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей), регламентируемое ст.301 УК РФ, составляют деяния, выражающиеся в заведомо незаконном применении таких мер уголовно-процессуального принуждения как заведомо незаконное задержание (ч.1 ст.301 УК РФ) и заведомо незаконное заключение под стражу или содержание под стражей (ч.2 ст.301 УК РФ).

Библиографический список:

1. Основания уголовно-правового запрета / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.М. Яковлева. М., 1982. С.7.
2. Кедров Б.М. История науки и принципы ее исследования // Вопросы философии. 1997. №9. С.78.
3. Казамиров А.И., Филиппов О.А. Ответственность за преступления против свободы человека в истории уголовного права России // ЕврАзЮж. 2012. №9(52). // URL: <http://www.eurasialaw.ru>.
4. Амосов А.А. Незаконное лишение свободы в уголовном праве России (ее виды и характеристика): Дисс... канд. юрид. наук. 2009.
5. Судебник 1497 года. [Электронный ресурс]. // URL.: <http://his95.narod.ru/1497.htm>.
6. Субботина В.И. Уголовная ответственность за заведомо незаконные заключения под стражу или содержание под стражей: Дисс... канд. юрид. наук. Омск, 2001. С.23.
7. Российское Законодательство X-XX веков. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. Т.2. М., 1985. С.154.
8. Российское Законодательство X-XX веков. Т.9. М., 1985. С.377.
9. Законы уголовные: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб, 1910. С.455.
10. Сурихин П.Л. Уголовная ответственность за заведомо незаконное задержание: Дисс... канд. юрид. наук. Омск, 2000. С.14.
11. Уголовное уложение (Проект редакционной комиссии и объяснения к нему). В 12 томах. Т.6. СПб, 1987. С.433.
12. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства на личные и имущественные. 5-е изд. СПб, 1907. С.92-94.
13. Авдеев В.Н., Каманицин А.С. Развитие института задержания обвиняемого в уголовном судопроизводстве в советский и постсоветский периоды. Калининград, 2012. С.110.
14. СУ. 1920. №83. Ст.407.
15. Голоднюк М. История развития российского законодательства о преступлениях против правосудия // Уголовное право. 2000. №2.
16. Уголовное законодательство СССР и Союзных республик. Сборник. (Основные законодательные акты) / Под ред. профессора Д.С. Кареева. М., 1957. С.62.
17. Уголовный кодекс РСФСР. М., 1974. С.96.
18. Мирзабалаев М.Н. Незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей: Уголовно-правовой и криминологический анализ: Автореф. дисс... к.ю.н. Махачкала, 2005. С.6.
19. Фасхудинова Н.Р. Уголовно-правовая охрана личной неприкосновенности от заведомо незаконных задержаний, заключения под стражу и содержания под стражей: Автореф. дисс... к.ю.н. Ростов-на-Дону, 1999. С.23.
20. Дадаев Х.М. Уголовная ответственность за незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей. Автореф. дисс... к.ю.н. Грозный, 2007. С.5.

Detention, types of detention, detention of the suspect, the detention of the accused, condemned the detention, illegal detention, criminal liability.

The article describes the historical aspects of the development of domestic legislation that regulated the criminal liability for unlawful detention, defined historical periods, concluded that the need to review the institute of criminal liability for unlawful detention.

Рецензенты:

Кременов И.Н., кандидат юридических наук, доцент, доцент Калининградского филиала МФЮА (У);

Богацкий Ф.А., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры ОРД ОВД Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

ВАРЛАЧЕВА А.В.,

адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Санкт-Петербургского университета МВД России
ania.varlacheva@yandex.ru

УДК 34

ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АЗАРТНЫХ ИГР В РОССИИ В XVIII-XIX ВЕКАХ

VARLACHEVA A.

HISTORY OF THE LEGAL REGULATION OF GAMBLING IN RUSSIA IN THE XVIII-XIX CENTURY

Санкт-Петербург, азартные игры, правовое регулирование, устав, запрет.

В статье рассматриваются исторические особенности формирования государственно-правового регулирования азартных игр в России в XVIII-XIX веках. Автор анализирует содержание нормативно-правовых актов, изданных в период в XVIII-XIX и практику применения запретов и ограничений, устанавливаемых на распространение азартных игр в разные периоды. В результате автор приходит к выводу о неэффективности мер полного запрета и возможности эффективного государственно-правового регулирования азартных игр только при установлении четких разграничений между различными категориями игр и определении порядка их проведения.

На протяжении всей человеческой истории отношение к азартным играм было неоднозначным. С одной стороны, азартные игры всегда являлись способом развлечения, позволяющим интересно провести время и получить определенный заряд адреналина за счет непредсказуемости результата игры. С другой стороны, особенности человеческой психологии зачастую толкают людей на необоснованный риск, а вера в удачу и стремление к легкому обогащению заставляли людей играть на деньги и зачастую проигрывать все свое имущество. В результате чего возникали долговые обязательства проигравших, происходило необоснованное обогащение одних за счет полного обнищания других, нарушался устоявшийся экономический баланс общественных отношений.

Подобное положение должно было стать объектом правового регулирования. Кроме того, в урегулированном виде азартные игры могут быть достаточно весомым источником дохода для казны через получение налогов.

Однако для эффективности правового регулирования данной сферы необходимо было четко разграничить категории игр и игроков.

Изначально азартные игры были разделены на категории: просто увеселительные, ради развлечения, без серьезного риска, азартные игры с большим риском, профессиональные, как ремесло и искусство, и, наконец, шулерские, которые были связаны с простым мошенничеством. Однако на практике зачастую все эти категории часто смешивались между собой, а игры подвергались полному запрету.

Так, первым шагом в направлении абсолютного запрета азартных игр в рассматриваемый период стал Указ 1717 г., согласно которому «играть в деньги было воспрещено всем, под угрозой тройного штрафа имеющихся в игре денег», а «шинки, зернь, картежные игры и другие похабства, и всякие такие мерзости испровергнуть» [2].

В период царствования Анны Иоанновны принятые нормативные акты основывались на принципе абсолютного запрета организации проведения азартных игр и участия в них. Указ от 23 января 1733 г., устанавливал: «Чтобы никто, съезжаясь в партикулярных и вольных домах, как в деньги, так и на пожитки, дворы и деревни и на людей ни в какую игру отнюдь не играл». В обоснование устанавливаемого запрета императрица сделала указание на то, что «игроки не только в крайнее убожество и разорение приходят, но и в самый тяжкий грех впадают, и души свои в конечную погибель приводят» [3].

Очевидно, что запрет устанавливался лишь в отношении тех игр, которые влекли негативные последствия, следовательно не исключалась возможность возникновения обязательств и игр, отношение к которым со стороны закона могло бы быть нейтральным.

Первая попытка отойти от принципа установления тотального законодательного запрета на все виды игр была предпринята Елизаветой I. Указ от 16 июня 1761 г. проводит дифференциацию азартных игр, впервые на законодательном уровне определяет, какие из них являются запрещенными, а какие до-

зволёнными. В основу деления был положен критерий субъективного намерения игроков, то есть цель их участия в игре: «Позволяется употреблять игры в азартных дворянских домах; только ж не на большие, но на самые малые суммы денег, не для выигрыша, но единственно для препровождения времени» [17].

Таким образом, игра признавалась дозволенной, если она проводилась преимущественно для «препровождения времени», а не для выигрыша, поскольку именно цель, преследуемая игроками, рассматривалась законодателем в качестве главной причины возможных негативных последствий.

Политику неоднозначного законодательного подхода к правовой регламентации игр продолжила Екатерина II, страстная любительница игры в карты. Подписанный ею 8 апреля 1782 г. Устав Благочиния (далее - Устав) разделил игры на разрешенные и запрещенные исключительно по цели (намерению) игроков - обогатиться или приятно провести время.

Так, в параграфе 67 Устава закреплено: «Игры домашние и игрища, поскольку в оные не входит беззаконие или противное узаконению, полиция не запрещает; в запрещенной же игре смотреть на намерение, с каким играли, и обстоятельства. Буде игра игроку служила забавою или отдохновением посреди своей семьи или со друзьями, игра не запрещена, то вины нет. Буде же игра игроку служит единственным упражнением и промыслом или дом, в коем происходила игра, открыт день и ночь для всех людей без разбора, и что тут же и от того происходит прибыль запрещенный, то о том исследовав, учинить по законам. Просьба же и иск о долге по игре да уничтожаются» [4].

При этом запрет относился не ко всем обязательствам, а лишь к тем, что были прямо запрещены, следовательно, обязательства, возникшие из разрешенных законодателем азартных игр и пари, пользовались судебной защитой, наряду с другими гражданскими обязательствами.

К разрешенным играм, согласно Уставу, относились:

- игры, основанные на силе и телесном проворстве;
- игры, основанные на искусстве и случае;
- игры домашние, для отдыха в кругу семьи или друзей.

Перечень запрещенной азартной деятельности содержала статья 215 Устава, которая впервые на законодательном уровне закрепила термин «азартные игры»:

- картами, или иным чем играть в игры;

- дом свой или нанятой открыть днем, или ночью игрокам и ради запрещенной игры;
- от запрещенной игры иметь единственное пропитание;

За совершение вышеуказанных деяний Устав Благочиния предусматривал различные наказания. Так, в частности, за участие в запрещенной игре с игрока взыскивалась пеня в размере суточного содержания задержанного в смиренном доме, а за открытие игорного дома для проведения запрещенных законом игр с виновного взыскивалась пеня в шестикратном размере суточного содержания задержанного в смиренном доме.

Относительно мягкие санкции за организацию азартных игр и участие в них, установленные Екатериной II, не могли сдерживать повсеместное распространение азартных игр, поэтому дальнейшее развитие правового регулирования общественных отношений в рассматриваемой сфере вновь характеризовалось ужесточением норм, направленных на борьбу с любителями азартных игр.

Меры по искоренению азартных игр получили распространение в период правления Александра I. Так, в Указе от 11 июня 1801 года вводился запрет на все карточные азартные игры. Мотивацией такого решения служило следующее: «Признавая зло сие вреднейшим в своих последствиях, нежели самое открытое грабительство, коего оно есть благовидная отрасль, и, зная, сколь глубоко при малейшем попусчении может оно пустить свои корни в сих скопищах разврата, где толпа бесчестных хищников, с хладнокровием обдумав разорение целых фамилий, из рук неопытного юношества или нерасчетливой алчности одним ударом исторгает достояние предков, веками службы и трудов уготованное и, ниспровергая все законы чести и человечества... Я признаю справедливым обратить всю строгость закона на сие преступление». Виновных, которыми признавались как участники, так и организаторы игр, император требовал «безо всякого различия мест и лиц, брать под стражу и судить» [8].

В этот период на полицию возлагалась обязанность следить за тем, чтобы запрещенные игры нигде не проводились, а в случае выявления такого правонарушения требовалось выяснять все обстоятельства: установить личность участников, время, место, род и орудие игры, а так же цель, которую играющие преследовали. Если в результате проверки устанавливалось, что имела место игра запрещенная, полиция должна была действовать крайне осторожно, ибо окончательное решение мог вынести только суд, рассматривавший дело [18].

Рассмотренные выше законодательные постановления, регламентировавшие правоотношения, возникающие из азартных игр, регулировались преимущественно методом запрета. В отличие от этих постановлений свод законов Российской Империи подошел к разрешению этой проблемы необычным способом. Этот нормативный акт, действовавший вплоть до Октябрьской революции, не содержал специальных норм, регулировавших отношения, непосредственно возникавшие при проведении игры и пари. Упоминание об играх содержалось лишь в двух статьях Свода (ст.ст. 2014 и 2019), непосредственно затрагивающих отношения между одной стороной такого договора и третьим лицом, возникавшие по поводу займа, предоставляемого последним в непосредственной связи с играми и пари.

Так, в ст.2014 Свода законов закреплено: «Заем почитается ничтожным, если по судебному решению найдено будет... что он произошел по игре или произведен для игры с ведома о том заимодавца» [9].

Что касается законодательного подхода к разрешению вопроса о дифференциации игр на дозволенные и запрещенные, то большой интерес вызывает позиция Г.Ф. Шершеневича, который отмечал: «...Свод законов говорит только о долгах по игре и для игры, а не о самой игре» [18].

Из смысла приведенного высказывания можно заключить, что игра и отношения, возникавшие из нее, в целом считались разрешенными, но только до тех пор, пока расплата по ней производилась наличными деньгами. В том же случае, когда игра велась в долг, она была запрещена.

Во время царствования Александра I правительство начало очень энергично преследовать азартные игры. Указами Санкт-Петербургскому военному губернатору Голенищеву-Кутузову 11 июля 1801 года «О истреблении непозволительных карточных игр» [6] и Московскому военному губернатору «О принятии мер к открытию и пресечению азартной карточной игры» от 28 апреля 1806 г. повелевалось: «В связи с тем, что играют в азартные игры ... без зазора и страха», признавая впоследствии игры за «благовидную отрасль грабежа», и то, что разорялись целые фамилии «... из рук неопытного юношества или нерасчетливой алчности, ужесточить меры по запрещению азартных игр, виновных отсылать к суду, а об их именах докладывать государю». 15 июня 1808 года Указом министра внутренних дел «Подтверждение гражданским Губернаторам об искоренении

запрещенных карточных игр» эти меры были перенесены и на гражданских [14]. Важные перемены императором Александром I были осуществлены в деле высшего управления.

Опыт показал, что коллегиальное управление, т.е. решение дел несколькими лицами, является не всегда удобным: в таких учреждениях дела решаются медленнее, чем там, где дело находится в руках одного ответственного распорядителя. Это и побудило Александра I в 1802 г. ликвидировать коллегии и заменить их министерствами. В 1811 году прекращение азартных игр было поручено второму столу второго отделения департамента исполнительной полиции, которая вела дела судебные и уголовные. (Учреждение Министерства полиции) [7].

19 ноября 1825 года Александр I скончался, и на престол вступил его брат Николай I (1825-1855). При его царствовании особенно важное значение получило второе отделение Собственной Его Величества канцелярии, которое ведало делами законодательства. Еще в начале царствования император желал в основу государственного строя и управления положить определенность силы законов. Молодой государь видел, что со времени царя Алексея Михайловича вновь издаваемые законы не приводились в порядок и необходимое между собой согласование. Император Николай I поставил в первую очередь упорядочение законодательства, и вскоре это осуществилось. В 1830 году было создано «Полное собрание законов Российской Империи» [9].

В деле запрещения азартных игр Николай I, ссылаясь на указ от 11 июля 1801 г., 12 марта 1832 года издал Именной указ «О строгом подтверждении, чтобы сборища для запрещенной карточной игры местными начальствами были открываемы и все найденные игроки были передаваемы суду» [5].

Согласно высочайшему указу от 19 октября 1831 года «Об устранении бывшей Шляхты», 22 января 1834 года был издан указ «О распорядке воинской повинности, внутреннего Полицейского и хозяйственного управления в селениях однодворцев и граждан Западных губерний», где в обязанности старшины, утвержденного общественным сходом, входило: «Искоренять пьянство, мотовство, расточительность, а наипаче всякого рода игры на деньги, вещи или заклады между однодворцами» [8].

Запрещение азартных игр коснулось всего населения. Не были забыты и студенты. 21 февраля 1834 года вышли «Высочайше утвержденные правила для учащих в

императорском Дерптском университете». Правила гласили: «На основании существующих законов азартные игры вовсе запрещаются; нарушившие это правило подлежат исключению или удалению» [11].

Николай I через год после вступления на престол учредил из высших сановников комитет, которому поручил изыскать меры по улучшению положения помещичьих крестьян. В дальнейшем были учреждены еще несколько комитетов по крестьянскому делу, но ничего существенного эти комитеты не принесли. Но все же царю удалось осуществить несколько подготовительных мер для последующего освобождения крестьян. В результате одной из них появилось около 8 миллионов государственных крестьян - бывших крепостных, которых государство выкупило вместе с имениями у разорившихся помещиков. Они получили право самостоятельно решать дела через своих выборных. Государственные крестьяне стали разделяться на волости, которые делились на сельские общества, выбиравшие старост и прочие сельские власти. Была учреждена сельская полиция [17].

В деле воспрещения запрещенных игр был выпущен «Судебный устав для государственных крестьян» от 23 марта 1839 г.: «Всех тех, кои будут играть на деньги в карты или другие азартные игры, за первый раз под стражу, а за второй раз или более наказывать телесно; найденные же при играющих деньги отбирать и обращать в хозяйственный капитал» (ст.213). «Высочайше утвержденный проект учреждения о управлении государственными имуществами в губерниях» от 30 апреля 1839 года поручал: «Сельским старостам не допускать между государственными крестьянами всякого рода игр на деньги, вещи или заклады» [12].

А наблюдать за порядком входило в обязанности станового пристава: «Становой пристав, получив от подчиненных, или иным способом сведения о запрещенной азартной игре ... преступление исследовать по горячим следам, кем, когда, что и каким образом учинено».

В конце XIX века с изданием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных от 27 декабря 1865 года и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями от 20 ноября 1864 года, законодатели образовали в запрещенной игре два проступка: устройство или открытие игорного дома; устройство запрещенных игр, но не в виде игорного дома. В первом случае наказание производилось по статье 990 Уложения: «Кто в своем доме или ином каком-либо месте устроит или до-

зволит устроить род заведения для запрещенных игр, тот за сие подвергается:

- в первый раз - денежному взысканию не свыше 3000 рублей;

во второй раз - сверх того же денежного взыскания аресту на время от трех недель до трех месяцев;

- в третий раз также - сверх денежного взыскания, заключение в тюрьму на время от четырех до восьми месяцев» [13].

Во втором случае - по статье 46 Устава о наказаниях: «За устройство запрещенных игр в карты, кости и т.п., однако не в виде игорного дома, виновные подвергаются аресту не свыше одного месяца или денежного взыскания не свыше 100 рублей» [5].

Необходимым условием для привлечения к ответственности нарушителей было устройство запрещенных игр публично, т.е. «на глазах у публики». При отсутствии условий публичности деяние считалось ненаказуемо.

Также законодатель предусматривал ответственность за устройство фабрик по выпуску карт. Согласно ст.1351 все машины, инструменты, снаряды и выделанные карты подлежали конфискации, а с виновных взыскивали штраф от 100 до 500 рублей. А ст.1351 гласила: «С виновных в продаже запрещенных игральных карт, сверх конфискации взыскивать штраф по 15 рублей с каждой дюжины колод в пользу открывателя и уличения виновного» [14].

Наблюдение за исполнением законодательства по пресечению азартных игр поручалось полиции. Согласно Уставу благочиния и безопасности, полиция при расследовании проступка должна исследовать следующие вопросы: в какую игру играли; какие деньги, что играли; о времени, когда играли; о месте, где играли; об околличностях, объясняющих, в каком намерении играли и утверждающих, как играли, и об игроках, которые в игре участвовали. Но при расследовании рекомендовалось поступать с осторожностью, чтобы не причинить напрасных поклепов, обид, беспокойств. А если игра служила забавою в кругу семьи, то к ответственности лица не привлекались.

Приведенные примеры правового регулирования свидетельствуют о том, что на протяжении XVIII-XIX века отношение к азартным играм оставалось неоднозначным. Меры полного запрета оказывались недостаточно эффективными. Более того, такие ограничения и запреты способствовали, как правило, определенному росту распространения азартных игр, тем самым провоцирова-

ли имеющих пристрастие к азартным играм лиц на поиск не всегда законных возможностей обхода устанавливаемых государством запретов. Эту потребность обуславливает не только психологическое пристрастие многих граждан, но и общественные факторы - возможности получения в соответствующие бюджеты дополнительных средств и перспективы трудоустройства лиц, занятых в этой сфере.

Функции полиции как органа государственной власти в данном направлении в рассматриваемый период сводятся к профилактике, выявлению и пресечению деятельности

по проведению и организации азартных игр. На полицию была возложена обязанность следить за тем, чтобы нигде не проводились запрещенные игры, а в случае выявления подобного правонарушения нужно было выяснить все обстоятельства: установить личность участников, время, место, род и орудие игры, а также преследуемую играющими цель. Если проверка устанавливала, что имела место игра запрещенная, полиция должна была действовать крайне осторожно, т.к. окончательное решение выносил только суд, который рассматривал дело.

Библиографический список:

1. Михневич В. Язвы Петербурга. // СПб, 1896. С.499.
2. Указ от 17.12.1717 «О запрещении носить пряженое и волоченное золото и серебро, покупать оное и играть на деньги» // ПСЗРИ. Первое собрание. Т.5. СПб, 1830.
3. Указ от 23.01.1733 «О запрете, по силе указа 17171 года, играть на деньги...» // ПСЗРИ. Собр.1. Т.9. СПб, 1830.
4. Устав благочиния или полицейский. 8 апреля 1782 г. // ПСЗРИ. Собр.1. Т.21. №15379.
5. ПСЗРИ. Т.12. С.484.
6. Указ от 11 июля 1801 года «О истреблении непозволительных карточных игр» // ПСЗРИ. Т.26. №19938.
7. Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. // СПб, 1867. С.435.
8. Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. // СПб, 1871. С.81.
9. Свод законов Российской Империи. Т.15. Петроград, 1916. С.211.
10. ПСЗРИ. Т.39. СПб, 1865. С.405.
11. Неклюдов Н.А. Руководство для Мировых судей. // СПб, 1874. С.223.
12. Свод законов Российской Империи. Т.9. Петроград, 1916. С.211.
13. Свод законов Российской Империи. Т.15. Петроград. 1916. С.211.
14. Полное собрание законов Российской империи. 1 собр. СПб., 1830. Т.37. №28765.
16. РГИА. Ф.1286. Оп.5. Д.200.
17. Романова И.Н. Особенности правового регулирования деятельности по организации и проведению азартных игр и пари: историко-правовой анализ и новый правовой режим: Автореф. дисс... канд. юр. наук. М, 2008.
18. Азартные игры. // Словарь юридических и государственных наук / Под редакцией А.Ф. Волкова, Ю.Д. Филиппова. СПб, 1901. С.157.
19. Устав благочиния или полицейский от 8 апреля 1782 года // Российское законодательство X-XX веков. М, 1986. Т.5. С.368.
20. Попов Г.С. О играх: забавы, расчеты и корысти. Исторические изыскания и современные соображения. СПб: Военная типография, 1858. С.18.

St. Petersburg, gambling, regulation, regulations, prohibition.

The article describes the historical features of the formation of public-legal regulation of gambling in Russia in XVIII-XIX centuries. The author analyzes the content of regulations issued during the period in XVIII-XIX and practical application of prohibitions and restrictions imposed on the spread of gambling in different periods. As a result, the author comes to a conclusion about the ineffectiveness of the measures and the possibility of a total ban effective public-legal regulation of gambling only in establishing a clear distinction between the different categories of games, and determining the order of their conduct.

Рецензенты:

Фролов В.В., кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России;

Казачова Л.С., кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

АЛИБЕКОВ Ш.И.,

доктор экономических наук, профессор
(Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет)
rusbanker@mail.ru

ШИШКАНЕВА В.Д.,

преподаватель кафедры экономики Санкт-Петербургского
университета сервиса и экономики (Калининградский филиал)
vitoriya@front.ru

УДК 332

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ЖИЛЬЯ

ALIBEKOV S., SHISHKANEVA V.

CHARACTERISTICS OF THE DEVELOPMENT OF REGIONAL HOUSING MARKETS

Рынок недвижимости, элит-класс, лофты, потребности граждан, земельный участок.

Стратегическая цель государственной политики в сфере земли и иной недвижимости - обеспечение условий для эффективного использования и развития недвижимости в интересах удовлетворения потребностей общества и граждан.

В результате проводимых в России реформ - либерализации цен, приватизации, развития частного предпринимательства - получили заметное развитие рынок товаров и услуг, рынок капитала, рынок труда. Однако в части рынка недвижимости пока можно говорить лишь о неравномерном и нестабильном развитии его отдельных секторов. Относительно быстро развивается только рынок квартир, значительно отстает предложение коммерческой недвижимости, в зачаточном состоянии рыночный оборот промышленной недвижимости, практически отсутствует рынок земельных участков, что усугубляется недостаточным правовым обоснованием совместного решения задач рынка жилой недвижимости и земельного рынка.

Специфические особенности регионов отражаются на структуре спроса-предложения на рынках жилой недвижимости. В этом плане характерно различие критериев отнесенности жилья к какому-либо классу, обусловленное спецификой региона.

Так, наиболее различными критериями, как правило, характеризуется жилье элит-класса. В частности, следует учитывать различие регионов по уровню жизни, приводящее к тому, что жилье, в каком-либо городе отнесенное к элит-классу, в другом городе бы попало в разряд эконом-класса. В то

же время в большинстве регионов жилая недвижимость элит-класса имеет место лишь в центре и пригородах городов: региональных центров, центров ресурсодобывающей отрасли и т.п. [1]

Следует учитывать, что элитная недвижимость как сектор жилья, пользующийся спросом у потребителей с высоким уровнем доходов, возникла в качестве жилья, заполнившего нишу жилой недвижимости, ранее занятую «квартирами улучшенной планировки». Речь идет о многоэтажных многоуровневых, террасных и прочих квартирах, пентхаусов, таунхаусов и т.п., находящихся в комфортабельных зданиях, расположенных в районах с современной инфраструктурой. Вместе с тем критерии элитности жилья не являются четко установленными и общепринятыми. В связи с этим в каждом конкретном регионе или городе устанавливаются специфические критерии элитности, соответствующие спросу потребителей. Более того, каждая девелоперская фирма или риэлторская компания стремится разрабатывать и использовать в своей практике собственные критерии, применительно к жилой недвижимости элит-класса.

Понятие «элитности», а точнее критерии, по которым та или иная недвижимость, относится к этому сегменту, постоянно ме-

няются. Кроме того, используемое сегодня в практике понятие элитной жилой недвижимости не имеет достаточно четкого определения среди основных участников рынка. Данному процессу способствует непрерывный процесс формирования новых строительных технологий, материалов, совершенствования инженерных систем, а основной причиной этих изменений является потребность покупателя в элитной недвижимости, которая объединяет в себе следующие функции объекта: обеспечение жизнедеятельности и инвестиционного ресурса.

Понятие элитного жилья варьируется в зависимости от стран и регионов. В большей части западных стран (например Германии, Бельгии, Швейцарии, США, Великобритании) элитное жилье - это, прежде всего, свой дом, имеющий прилегающий к нему участок земли. Обычно это отдельно стоящие дома, построенные из качественных материалов, имеющие придомовую территорию (сад, бассейн, двор). В европейских странах элитность определяется, прежде всего, местоположением (в центре), видом из окон, уже сделанным дизайнерским ремонтом, наличием собственной охраняемой территории дома, собственной инфраструктурой квартала и т.д.

Следует также учитывать, что появляются новые формы жилой недвижимости, относящейся к элитному жилью. Так, с учетом фактора реновации промышленных комплексов и зданий на рынке элитной недвижимости появились «лофты».

Лофты как отдельный вид жилья появились в результате того, что некоторые представители творческих слоев населения поселялись на территории промышленных зданий, дабы предотвратить их снос. Сохраняя таким образом памятники промышленной архитектуры, они выделили новую категорию жилья, которая на данный момент на Западе считается элитной.

Какими бы разными ни казались подходы составителей классификаций, сходятся они в одном: главными признаками элитности являются местоположение, количество квартир в доме, инфраструктура и качество строительства. «Центровое» местоположение определяет и все остальные параметры: и количество квартир, и этажность, и наличие объектов инфраструктуры, и инженерное оснащение, и места в подземном паркинге.

Следующий критерий - этажность и количество квартир в доме, этот критерий еще

называют «клубностью». Поэтому одной из наиболее важных характеристик элитных жилых зданий риэлторы считают наличие соответствующей социально-бытовой инфраструктуры на нижних этажах самого дома или в непосредственной близости от жилого строения, составляющей единый защищенный и комфортабельный комплекс.

С одной стороны, престижными являются центральные районы города, образующие так называемый «деловой центр». Чаще всего это еще и исторический центр города, близость к которому также очень ценится в связи с наличием развитой культурной, образовательной, социальной инфраструктуры. С другой стороны, для проживания более комфортны спокойные, тихие районы с благоприятной экологической обстановкой.

С развитием строительных технологий требования к элитному жилью, как и жилью вообще, подвержены постоянным изменениям. Но существуют обязательные опции и специальные - по ситуации. Элитные дома высшей ценовой категории обладают уникальным архитектурным обликом, при строительстве используются только высококачественные материалы, имеется подземный паркинг, из расчета не менее двух машиномест на квартиру, а сами апартаменты оборудуются современными техническими системами. Но в то же время списывать со счетов дома, не имеющие, к примеру, системы «умный дом», нельзя [3].

В целом в большинстве регионов России установилась следующая наиболее распространенная градация домов (квартир) по соотношению цена-качество: эконом - комфорт - бизнес - элита. Требования к качеству квартир в каждом ценовом сегменте действительно изменились. Существенная дифференциация, обусловленная региональными различиями, помимо элитного жилья, присуща и для рынка малоэтажного строительства, сталкивающегося с такими проблемами, как сложности с инженерным обустройством участков, транспортным сообщением, участием малых строительных фирм, которые нередко экономят на архитектурных решениях, применении страхования рисков строительного-монтажных работ и пр.

Инициатива по стимулированию малоэтажного строительства исходит из руководства страны. В развитие данной инициативы Национальным агентством малоэтажного строительства предложены планы увеличения объемов финансирования ипотечного про-

дукта «Дом с участком» (стоимость от 1,5 до 5 млн. руб. на стадии строительства). Предполагается, что малоэтажное строительство станет массовым, поднявшись за период 2015-2020 г.г. до отметки 80% от всего объема строительства нового жилья в России.

Главным препятствием для реализации данного проекта является неподготовленность земельных участков и отсутствие надлежащей инфраструктуры (как инженерной, так транспортно-дорожной). При этом подводка коммунальных сетей к каждому дому будет составлять значительную долю стоимости проекта [2].

Можно предположить, что малоэтажное строительство активнее всего будет создаваться рядом с центрами регионов,

городами, являющимися центрами городских округов, то есть малых городских агломераций.

Темпы массового развития малоэтажного строительства пока сдерживаются в основном по причине того, что этому мешает неподготовленность земельных участков и отсутствие надлежащей инфраструктуры. Соответственно можно предположить, что малоэтажное строительство, как перспективная форма развития рынка жилой недвижимости, активнее всего будет создаваться рядом с центрами регионов, городами, являющимися центрами городских округов, то есть малых городских агломераций, промышленными и инновационными центрами (как традиционными, так и новыми).

Библиографический список:

1. Камышанский В.П. Переустройство и перепланировка квартиры по новому Жилищному кодексу // Жилищное право. 2005. №6. С.21.
2. Косарева Н.Б., Туманов А.А. О текущей ситуации на рынке жилья // Экономическая политика. №2. 2009.
3. Денисенко Е. Расползание города // Малоэтажная страна. №1(1). 2011. С.12-15.
4. Динамика региональных рынков жилья РФ. Аналитический обзор. Сентябрь. 2009. // URL: <http://www.grouptmr.com/files/demoreports/housingfree.pdf>.

Real estate market, the elite class, the lofts, the needs of citizens, land.

The strategic goal of the state policy in the field of land and real estate - providing conditions for the efficient use and development of real estate in order to meet the needs of society and individuals.

РЯБЦЕВ С.В.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Менеджмент» ФГБОУ ВПО БГАРФ
postmaster@ptskl.baltnet.ru

СБОЙЛОВА Л.Е.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Менеджмент» ФГБОУ ВПО БГАРФ
l_sboylova@gmail.com

УДК 339.726.7

НАЛОГОВЫЕ СИСТЕМЫ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ПЕРИОД 2008-2011 ГГ.

RYABTCEV S., SBOJLOVA L.

TAX SYSTEMS IN EUROPEAN UNION COUNTRIES DURING 2008-2011 YEARS

Налоговая система, прямые и косвенные налоги, социальные взносы, федеральные налоги, региональные налоги, местные налоги, налоги на потребление, подоходные налоги, налоги на капитал.

Настоящая статья посвящена исследованию изменений, происходящих в налоговых системах двадцати семи государств ЕС в период 2008-2011 гг. Налоговые системы рассматриваются в соответствии с различными классификациями налогов. Дается характеристика унификации налоговых систем стран ЕС.

Формирование финансовой системы Европейского Союза неразрывно связано с унификацией налоговых систем стран его членов. К сожалению, необходимо признать, что данный процесс был приостановлен финансовым кризисом 2008 г. В связи с этим, настоящая статья посвящена исследованию изменений, происходящих в налоговых системах стран ЕС в 2008-2011 гг.

Налоговые системы рассматриваются нами в соответствии с различными классификациями налогов, а именно: по видам налогов (прямые и косвенные налоги, социальные взносы); по уровню органов государственной власти (центральные, региональные, местные, фонды социального обеспечения, институты ЕС); а также в зависимости от характера налоговой базы (потребление, труд и капитал).

Прежде всего, необходимо отметить, что Евросоюз относится к территориям с

относительно высокой совокупной налоговой нагрузкой. В 2010 г. налоговые поступления в бюджеты различных уровней в ЕС в среднем составили 38,4% от ВВП, что на 40% выше аналогичных показателей в США и Японии (Рис.1). Уровень совокупной налоговой нагрузки в ЕС высок не только по сравнению с этими странами, но и по сравнению с другими странами с развитой экономикой. Только Канада и Новая Зеландия имеют совокупную налоговую нагрузку, превышающую 30% ВВП. Что касается менее развитых стран, то они, как правило, имеют относительно более низкую совокупную налоговую нагрузку [2].

Повышение совокупной налоговой нагрузки в Евросоюзе происходило в последние тридцать лет XX века. В этот период наблюдалось усиление роли государственного сектора, что и обусловило резкий рост сово-

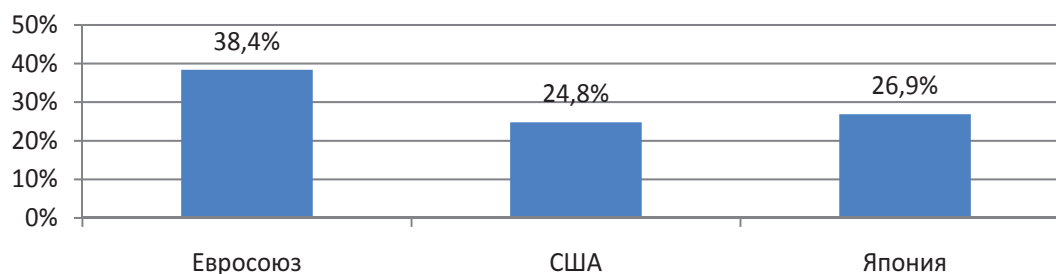

Рис. 1. Уровень совокупной налоговой нагрузки (включая социальные взносы) в ЕС, США и Японии в 2010 г., в % от ВВП. Источник: Commission Services and Eurostat (ESA95) for the EU, OECD (SNA2008) for the US and Japan.

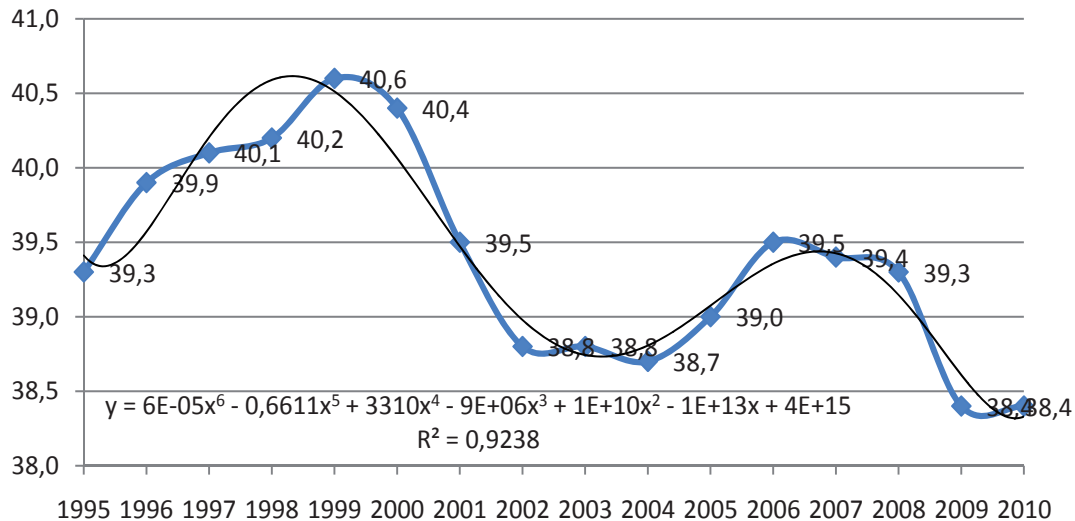

Рис. 2. Динамика совокупной налоговой нагрузки (включая социальные взносы) в ЕС в 1995-2010 гг., в % от ВВП.

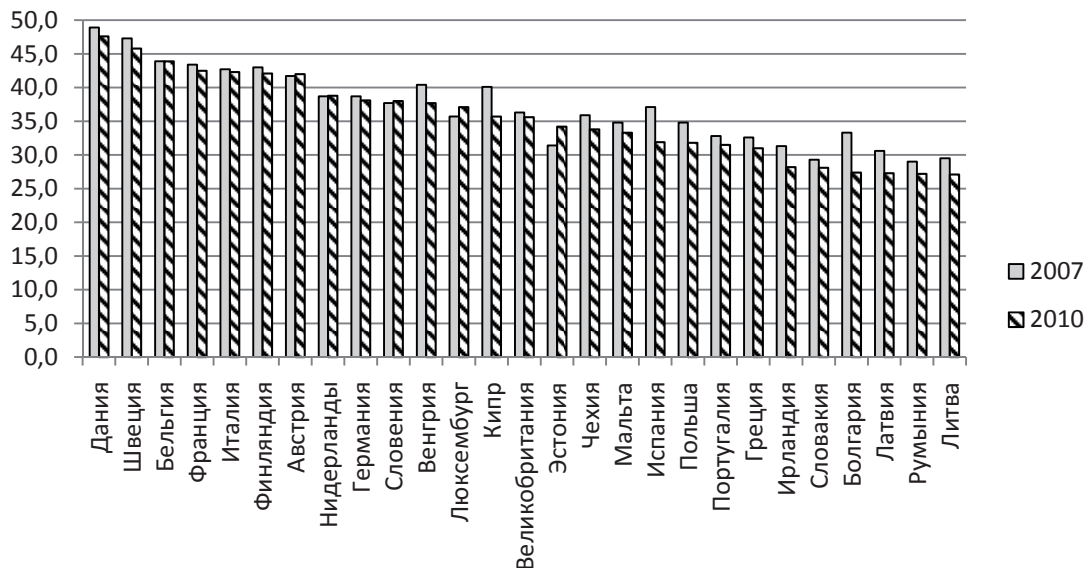

Рис. 3. Уровень совокупной налоговой нагрузки (включая социальные взносы) в странах ЕС в 2007 и в 2010 гг., % ВВП.

купной налоговой нагрузки в 70-х гг. Данный процесс несколько замедлился в 80-х гг. и в начале 90-х гг. Однако, уже в конце 90-х гг., ввиду принятия Маастрихтского договора и Пакта стабильности и роста, членам ЕС пришлось принять ряд мер. В некоторых странах эти меры были направлены на сокращение государственных расходов, тогда как в других акцент был сделан на повышение налогов. Однако к 2010 г. ряд стран ЕС воспользовался высокими налоговыми поступлениями для уменьшения налогового бремени, сократив ставки подоходного налога, налога на прибыль, а также отчислений на социальное страхование.

В результате совокупная налоговая нагрузка в ЕС начала снижаться с 2000 г. Однако через несколько лет, ввиду необходимости снижения дефицита консолидированных государственных бюджетов, снижение налоговой нагрузки прекратилось (Рис. 2).

Последствия мирового экономического кризиса проявились в снижении прибыли уже в 2008 г., хотя рецессия в ЕС началась только в 2009 г. [3]. Совокупная налоговая нагрузка достигла в 2009 г. своего самого низкого уровня с начала десятилетия. Страны, снизившие уровень налогообложения, сделали это в основном за счёт налогов на труд и в меньшей степени за счёт снижения

налогообложения капитала. Данные меры и умеренное восстановление экономики позволили стабилизировать налоговые поступления в 2010 г.

Тенденции в налоговой сфере ЕС в период кризиса характеризуются следующим. Налоги на потребление значительно увеличились. Кроме того, ряд членов ЕС повысил максимальную ставку подоходного налога [3]. После 2009 г. ставки налога на прибыль продолжили снижаться, но более медленными темпами по сравнению с началом десятилетия этого века, а в 2012 г. в среднем по ЕС даже несколько увеличились. Однако данные по налоговым поступлениям на момент написания настоящей статьи имеются только по 2010 г., и отследить влияние повышения ставок налогообложения на налоговые поступления пока невозможно. В целом же совокупная налоговая нагрузка в странах ЕС в 2010 г. снизилась на 1,4% по отношению к 2000 г., и на 0,2% по сравнению с 2009 г.

В то время как увеличение доходов бюджетов различных уровней в 1995-1999 г.г. было вызвано повышением налоговых ставок, то рост налоговых поступлений в 2004-2006 г.г. был обусловлен стадией роста экономического цикла. Отношение налоговых поступлений к ВВП свидетельствует об их сокращении в условиях экономического и финансового кризиса 2007-2008 г.г. Изменение данной тенденции в 2009-2010 г.г. обусловлено повышением ставок НДС и НДФЛ.

Уровень совокупной налоговой нагрузки в различных странах ЕС значительно отличается друг от друга. Самую низкую налоговую нагрузку имеет Литва (27,1% ВВП), а самую высокую - Дания (47,6% ВВП), т.е. самая высокая налоговая нагрузка в ЕС на 75% выше самой низкой (Рис. 3). Данные различия во многом обусловлены тем, каким образом то или иное государство обеспечивает свою социальную или экономическую политику. То есть либо косвенно с помощью снижения или освобождения от налогов и социальных взносов, либо напрямую, предоставляя средства из бюджетов соответствующих уровней.

Следует также отметить, что в расчетах уровня налогообложения используется ВВП, в котором учитывается вклад неформального сектора экономики. Таким образом, не только низкая налоговая нагрузка, но и уклонения от уплаты налогов могут быть причиной низкой фактической налого-

вой нагрузки. Отношение налоговых доходов к ВВП в целом значительно выше в странах ЕС-15 (т.е. в 15 государствах, которые присоединились к Союзу до 2004 г.), чем в ЕС-12 (12 государств, вошедших в ЕС в 2004 и в 2007 г.г.). Первые девять позиций с точки зрения совокупной налоговой нагрузки занимают страны ЕС-15. Исключение составляют Ирландия и Греция, чья налоговая нагрузка одна из самых низких в ЕС. Совокупная налоговая нагрузка Португалии увеличилась на 0,5% в 2010 г. и в настоящее время находится на уровне чуть выше, чем у Греции. Следовательно, налоговая нагрузка выше в еврозоне, так как в неё входят в основном старые члены ЕС.

Конвергенция налоговых отношений в ЕС была прервана финансовым кризисом. Уровни налоговой нагрузки в 2007 г. стран ЕС достигли наибольшей унификации (среднее отклонение данного показателя составило 4,569). Однако в 2008-2010 г.г. из-за различий в глубине спада и используемых антикризисных мер уровень налоговой нагрузки в странах ЕС вновь стал сильно отличаться (среднее отклонение в 2010 г. - 5,142).

Рисунок 3 показывает изменение налоговой нагрузки в странах ЕС в 2007-2010 г.г. В этот период большинство стран, кроме Эстонии, Люксембурга, Австрии, Словении и Нидерландов, сократили налоговую нагрузку в 2010 г. по сравнению с докризисным 2007 г. До 1% сократились налоговые поступления в 5 странах, до 2% - в 7 странах, и свыше 2% - в 9 странах. Наиболее значительно снижение налоговых поступлений произошло в Польше, Ирландии, Латвии, Кипре, Испании и Болгарии. Следует также отметить тот факт, что государства с низкой налоговой нагрузкой в исследуемый период сократили её ещё больше.

В 2010 г. около 60% всей совокупности налоговых поступлений в странах ЕС поступили в центральные или федеральные бюджеты. Около 30% приходится на долю фондов социального обеспечения и около 10% на местное самоуправление. Менее 1% доходов приходится на долю институтов ЕС. Существуют значительные различия в структуре распределения налоговых доходов между государствами членами ЕС. Например, некоторые государства, являясь федерациями, предоставляют своим регионам высокую степень финансовой автономии (Бельгия, Германия, Австрия, Испания). В

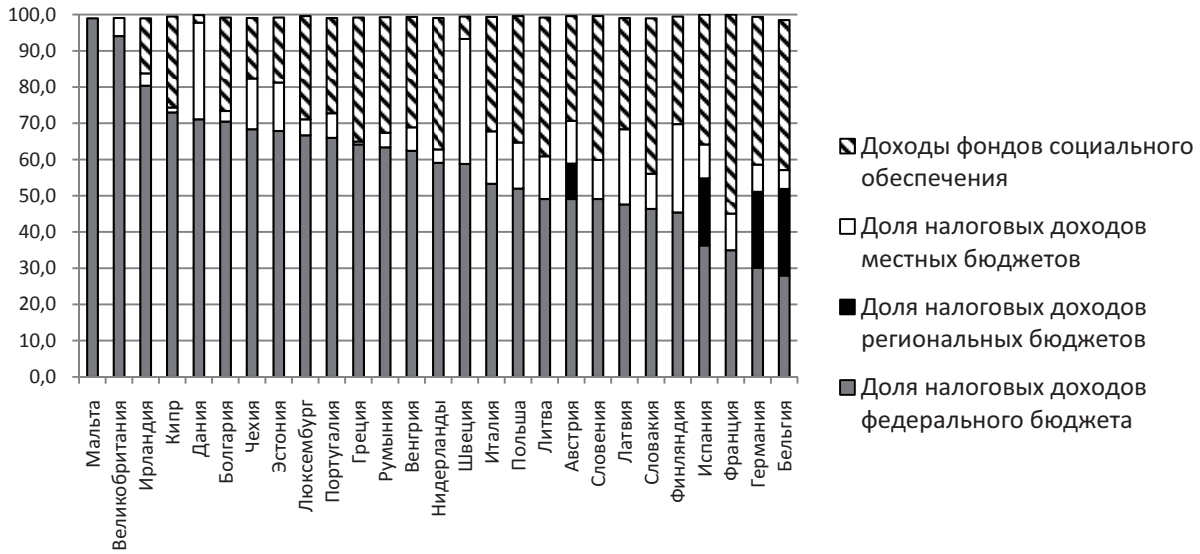

Рис. 4. Поступления в бюджеты различных уровней и социальные фонды стран ЕС в 2010 г., в % от общей суммы налоговых поступлений.

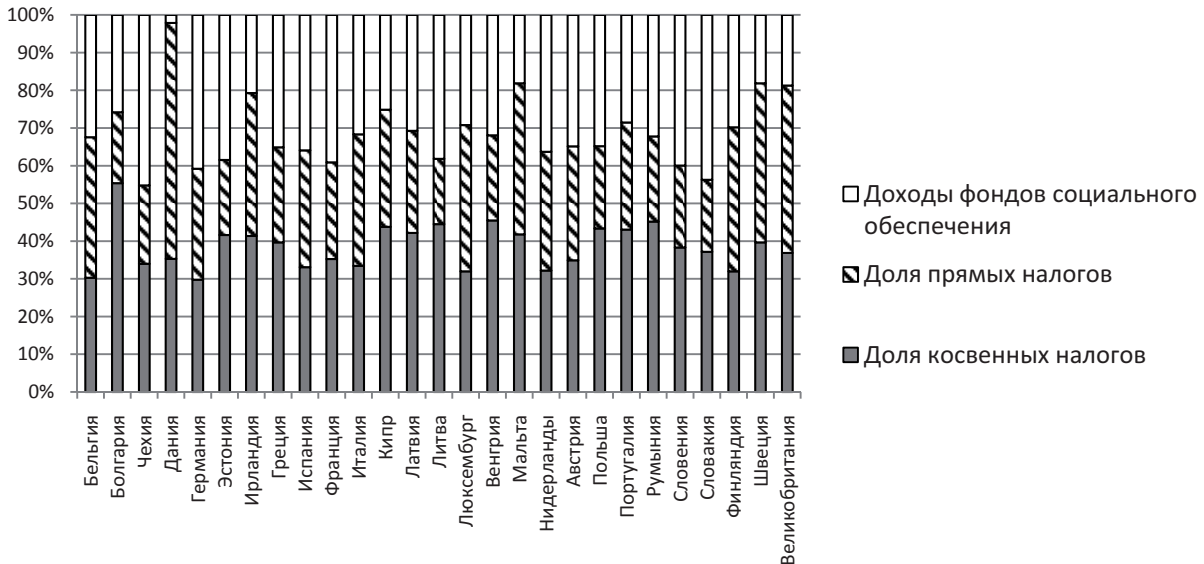

Рис. 5. Доля прямых и косвенных налогов в бюджетах стран ЕС в 2010 г., в % от общей суммы налоговых поступлений.

Великобритании и на Мальте система социального обеспечения не отделена от уровня центрального правительства, в то же время в Дании система социального страхования финансируется за счет поступлений от налогообложения.

Доля субфедеральных доходов (налоговых доходов муниципалитетов и регионов) колеблется от менее 1% до чуть более одной трети совокупных налоговых поступлений (Рис. 4). Бюджетная система Швеции, Испании, Германии и Бельгии предусматривает высокую долю муниципалитетов и регионов в общем объеме налоговых поступлений. В то же время эта доля в Греции

составляет менее 1%. Наибольшая доля налоговых доходов, приходящихся на фонды социального обеспечения, наблюдается во Франции и Словакии. Таким образом, можно сделать вывод о том, что налоговые доходы являются весьма несовершенным показателем фискальной автономии муниципалитетов и регионов, так как данный уровень финансовой системы полностью зависит от центральных правительств и не имеет достаточных прав для регулирования налоговых потоков.

Таким образом, приведённые статистические данные свидетельствуют о постепенном увеличении доли местного са-

моуправления в совокупных налоговых поступлениях. Однако в 2010 г. наметилась обратная тенденция, поскольку в период кризиса значение налоговых поступлений от НДС и акцизов, собираемых на центральном уровне, существенно возросло.

Налоги традиционно разделяются на прямые и косвенные. Прямые налоги в большей мере выполняют распределительную функцию, тогда как косвенные налоги редко имеют прогрессивный характер. Исходя из этого, прямое налогообложение используется правительствами тех стран, чья политика в области перераспределения доходов должна быть видима для избирателей. В этом случае ставки подоходного налога находятся на максимально высоком уровне.

Как правило, новые члены Евросоюза имеют структуру налоговых поступлений, отличную от старых членов этой организации. В частности, если большинство стран ЕС-15 имеют примерно равные доли доходов от прямых и косвенных налогов, а также от взносов на социальное обеспечение, то новые страны ЕС обычно демонстрируют относительно меньшую долю прямых налогов (Рис. 5).

Самые низкие поступления от прямых налогов в 2010 г. наблюдаются в Литве (17,4%, тогда как в 2008г. - 31%), Болгарии (18,8%), Словакии (19,1%) и Эстонии (19,9%). Во всех данных странах используются плоские ставки налогообложения, которые в условиях кризиса способствуют более сильному сокращению поступлений от прямых налогов, чем от косвенных [1].

Также имеются заметные различия среди стран ЕС-15. Северные страны, а также Великобритания имеют относительно высокую долю прямых налогов в общем объеме налоговых поступлений. В Дании, Швеции и Великобритании взносы в фонды социального страхования в общем объеме налоговых поступлений имеют достаточно низкое значение. Что касается Дании, то существует особая причина данного явления: большинство социальных расходов финансируется за счет общих налоговых поступлений. В этом отношении налоговые системы Германии и Франции характеризуются высокими ставками взносов в социальные фонды и относительно низкими поступлениями от прямого налогообложения.

Распределение налоговых поступлений в зависимости от вида налоговой базы представлены на рисунке 6. На графике видно, что существует достаточно много отличий между странами ЕС. В частности, несмотря на то, что наиболее важные косвенные налоги унифицированы на уровне ЕС, существуют значительные различия в размерах доходов, полученных от налогов на потребление.

Это связано с тем, что унификация не приводит к установлению единой ставки налога, а вводит определённые минимальные требования к порядку его сбора. Как правило, страны ЕС-12 демонстрируют высокую долю налогов на потребление. Помимо того, что конечное внутреннее потребление составляет значительную долю ВВП в ЕС-12, сравнительно низкие налоги на труд в

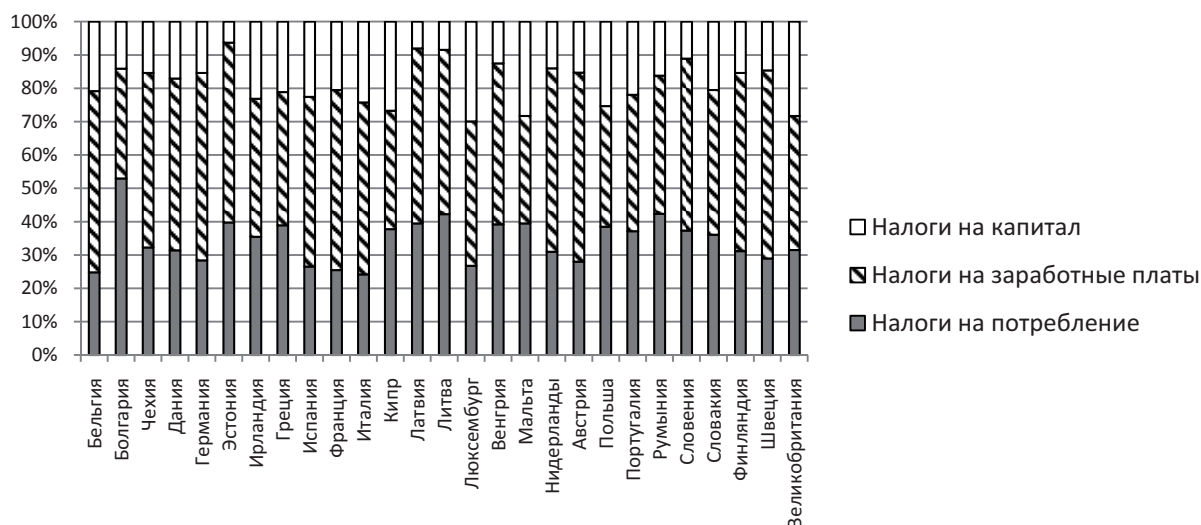

Рис. 6. Распределение налоговых поступлений в зависимости от типа налоговой базы в странах Европейского Союза в 2010г., в % от общей суммы поступлений.

этих странах симметрично отражаются в увеличении налогов на потребление. Кроме того, энергоемкость экономики в этих государствах относительно выше, поэтому акцизные сборы на нефтепродукты играют важную роль.

Еще большие различия видны в налогообложении капитала и доходов от предпринимательской деятельности. Несколько меньше различия в налогообложении ценных бумаг и налогообложении лиц, не занятых трудовой деятельностью. В целом налоги с заработных плат, как правило, удерживаются у источника их выплат, что обеспечивает почти 50% этих налоговых поступлений. Налоги на потребление составляют примерно

1/3 налоговых поступлений, а поступления налогов на капитал - около 1/5.

Таким образом, в исследуемый период можно наблюдать следующие тенденции в налоговой сфере стран ЕС:

- налоги на потребление значительно увеличились;
- ряд членов Евросоюза повысил максимальную ставку подоходного налога;
- налоговая нагрузка выше в странах еврозоны;
- конвергенция налоговых отношений в Евросоюзе, начавшаяся в 2010 г., была прервана финансовым кризисом;
- государства с низкой налоговой нагрузкой сократили её ещё больше.

Библиографический список:

1. European Commission, Taxation trends in the European Union - Data for the EU Member States, Iceland and Norway, 2012 edition, Luxembourg, 2012.
2. OECD, Organisation for Economic Co-operation and Development, Revenue Statistics 2011 edition, 2011.
3. Taxation trends in the European Union - Focus on the crisis: The main impacts on EU tax systems Luxembourg: Publications Office of the European Union 2011.

Tax system, the direct and indirect taxes, social contributions, federal taxes, regional taxes, local taxes, consumption taxes, labour taxes, capital taxes.

This article is devoted to the study of changes in the tax systems of the twenty-seven EU countries in the period 2008-2011. Tax systems are considered according to different taxes classifications. The article is given the characteristics of tax systems unification in the EU.

СТЕПАНЕНКО Д.М.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики
ГУВПО «Белорусско-Российский университет»
erstesieger@mail.ru

УДК 330

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА: СМЫСЛОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

STEPANENKO D.

STATE INNOVATION POLICY: SEMANTIC CHARACTERISTIC

Инновация, государственная инновационная политика, государственная научно-техническая политика, государственная технологическая политика, государственная экономическая политика, модель.

Статья посвящена исследованию государственной инновационной политики как важного явления в жизни современного общества. Автором обосновано введение в научный оборот понятий «государственная инновационная политика в широком смысле» и «государственная инновационная политика в узком смысле». Предложена и обоснована логическая модель взаимосвязи между государственной экономической политикой и государственной инновационной политикой.

Важной отличительной характеристикой современного этапа развития теории инноваций является то, что в рамках данной теории предметом научного осмысления становится не только само огромное положительное влияние инноваций на развитие экономики и общества, но и то, что необходимо делать государству как публичному представителю общественных интересов для поощрения инновационной активности на своей территории.

Таким образом, современный этап развития теории инноваций предполагает фокусирование внимания исследователей не только на инновациях, инновационном процессе и инновационной деятельности как таковых, но и на инновационной политике государства.

В данном контексте представляется целесообразным обратить внимание на то, что А. С. Майдановым в работе «Методология научного творчества» было введено в оборот понятие парадигмальных и непарадигмальных проблем. Решение парадигмальных проблем дает на выходе знание, которое принципиально не отличается от имеющегося знания; кроме того, в существующем арсенале науки имеются адекватные средства и методы их разрешения. Непарадигмальные проблемы, напротив, характеризуются тем, что их нельзя разрешить с помощью существующих представлений, методов и приемов, то есть на базе имеющихся парадигм [1].

Как отмечает в данном отношении А.С. Майданов, «непарадигмальность проблемы происходит от того, что нужно получить результат, для которого в наличных знаниях нет необходимых данных. Другим критическим моментом такой ситуации является незнание способов и приемов решения проблемы, их отсутствие. Таким образом, перед исследователем встает задача получения результата, который не может быть выведен из имеющихся данных, выходит за их рамки» [1].

Следует отметить, что как самостоятельное направление государственной политики целенаправленное стимулирование нововведений - «инновационная политика» - сформировалась в конце 60-х - начале 70-х годов прошлого века. Термин «инновационная политика» был впервые использован в известном «докладе Charpie» («Технологические нововведения: управление и условия осуществления»), подготовленном Министерством торговли США в 1967 году [2].

Отсюда очевидным представляется вывод о том, что государственная инновационная политика - это достаточно новое явление в жизни общества. При этом к вопросу о ее сущности, границах отсутствует какой-либо единый подход в научной литературе.

Во многом это является следствием того, что с момента возникновения внимания к государственной инновационной политике со стороны представителей научной обще-

ственности прошло весьма мало времени. И, как следствие такой ситуации, для того, чтобы получить искомый результат (то есть выявить сущность инновационной политики государства), еще просто не накоплено необходимых данных, не выработаны адекватные способы и приемы решения данной проблемы.

Исходя из отмеченного выше, проблему сущности государственной инновационной политики в современных условиях необходимо квалифицировать как непарадигмальную. Более того, учитывая тенденцию возрастания роли государства в экономике практически во всех странах мира, имеющую место с момента начала глобального кризиса 2008 года, вкупе с осознанием ключевой роли инноваций в развитии экономики и общества в целом, обоснованным представляется предположение о том, что именно с активизацией инновационной политики государств мира будет связано преодоление последствий разразившегося недавно всемирного кризиса. Обозначенная ситуация уже сейчас объективно призвана повысить внимание к проблеме сущности инновационной политики со стороны науки.

В свою очередь, фокусирование внимания исследователей на проблеме сущности государственной инновационной политики способно иметь своим следствием начало нового этапа в развитии теории инноваций, выработку и обоснование новых парадигм в рамках развития указанной теории. Таким образом, разрешение непарадигмальной в современных условиях проблемы о сущности инновационной политики государства потенциально способно вывести теорию инноваций на принципиально новый парадигмальный уровень.

Учитывая все это, значимость поставленной проблемы несомненна.

Каковы же могут быть подходы к ее разрешению?

Прежде всего, важно разрешить вопрос о соотношении между понятиями «государственная инновационная политика» и «государственная научно-техническая политика». Очевидно, что инновационная политика внутренне связана с научно-технической, ориентированной на формирование условий для создания продукта, потенциально способного стать инновацией.

Однако инновационная политика охватывает сферу не только создания инновационного продукта, но и его возможной коммерциализации, производственного или

иного применения. Исходя из этого, логически обоснованным представляется тезис о том, что содержание инновационной политики шире по сравнению с содержанием научно-технической политики, первая включает в себя вторую.

В обозначенном контексте интересной представляется мысль В.Ж. Келле о том, что инновационная политика выполняет интегративную функцию, поскольку она направлена на объединение в единый комплекс научно-технической и производственной сфер в деле создания и применения в производстве новых технологий, а также самого инновационного продукта [3].

Необходимо учитывать и то, что инновации могут не только создаваться силами научно-технического потенциала страны, но и также закупаться за пределами страны, а также добываться посредством осуществления соответствующей разведывательной деятельности. Как следствие этого, содержание понятия «государственная инновационная политика» включает в себя в том числе и волевою деятельность государства, ориентированную на обеспечение задействия обозначенных источников поступления инноваций в экономику страны.

Таким образом, инновационная политика является более широким понятием, чем научно-техническая.

Вместе с тем неправомерным представляется и сведение содержания инновационной политики к вопросам, связанным с процессом коммерциализации инноваций. Следует учитывать, что для того, чтобы отмеченный процесс стал возможным, необходимо, прежде всего, чтобы новшество стало реальностью, чтобы было что коммерциализировать. Государство же способно путем соответствующего стимулирования оказать содействие созданию инноваций. Кроме того, нельзя не принимать во внимание и тот факт, что не все инновации могут быть коммерциализированы. На основании всего обозначенного представляется целесообразным не согласиться с С.Д. Бешелевым и Ф.Г. Гурвичем, определявшими государственную инновационную политику как совокупность научно-технических, производственных, управленческих, финансово-бытовых и других мероприятий, связанных с продвижением новой или улучшенной продукции на рынок сбыта [4].

Нельзя не отметить и тесную связь инновационной политики государства с го-

сударственной технологической политикой, акцентирующей первоочередное внимание на разработке и освоении новых технологий, являющихся составляющими инновационного процесса. Вместе с тем в роли инновации может выступать отнюдь не только новая технология; инновацией может быть новый продукт, новая организационная структура предприятия, новая финансовая операция, новое решение в сфере государственного управления. И данный перечень может быть продолжен. Он не является исчерпывающим.

При этом достаточно широкое смысловое содержание термина «инновация» является предпосылкой для логического вывода о том, что содержание инновационной политики государства значительно шире содержания государственной технологической политики.

В целом можно говорить о том, что широкое смысловое содержание понятия «инновация» является предпосылкой для логического вывода более общего характера, заключающегося в том, что государственная инновационная политика охватывает собой поддержку со стороны государства создания и внедрения прогрессивных нововведений во всех сферах общественной жизни, где они только могут возникнуть.

В то же время как в экономической литературе, так и в практике государственного управления в современных условиях принято отождествлять государственную инновационную политику с экономическими мерами воздействия, направленными на создание и внедрение инноваций исключительно в национальной экономике. Инновационная политика государства рассматривается при этом как часть государственной экономической политики и не включает в себя, например, меры государственной поддержки внедрения инноваций в работе органов внутренних дел, органов государственной безопасности, в военной сфере, финансовых инноваций в национальной банковской системе.

Учитывая изложенное выше, весьма важным представляется вопрос о соотношении между понятиями «государственная инновационная политика» и «государственная экономическая политика».

Разрешение логического соотношения между двумя указанными понятиями является, в свою очередь, предпосылкой для понимания того, какой быть инновационной политике на практике, какие меры воздействия она должна в себя включать и на кого

должно быть направлено воздействие обозначенных мер.

Для разрешения соотношения между понятиями «государственная инновационная политика» и «государственная экономическая политика» представляется целесообразным ввести в оборот такие понятия, как «государственная инновационная политика в широком смысле» и «государственная инновационная политика в узком смысле».

Государственную инновационную политику в широком смысле логично рассматривать с позиции того, что она должна акцентировать собой стимулирующее воздействие не только на субъектов экономики, но и на иных субъектов общества; другими словами, инновационная политика государства в широком смысле призвана поддерживать инновационную активность всех субъектов общества без исключения во всех возможных сферах его функционирования.

В свою очередь, государственную инновационную политику в узком смысле целесообразно рассматривать как совокупность мер государства, ориентированных на стимулирование новаторской активности исключительно в национальной экономике, то есть как часть экономической политики государства.

Государственная инновационная политика в узком смысле в рамках предложенной трактовки представляет собой часть инновационной политики государства в широком смысле, связанную с поддержкой инновационной деятельности в хозяйственной жизни общества. Однако вместе с тем необходимо осознавать и тот факт, что государственная инновационная политика в широком смысле имеет и иные части, связанные с поддержкой новаторской активности в других сферах общественной жизни.

Инновационная политика государства в узком смысле с точки зрения логики есть ничто иное, как сфера пересечения между собой содержания, с одной стороны, государственной инновационной политики в широком смысле и, с другой стороны, экономической политики государства.

Логическая модель взаимосвязи между государственной экономической политикой и государственной инновационной политикой, предполагающая использование введенных в оборот понятий «государственная инновационная политика в широком смысле» и «государственная инновационная политика в узком смысле», представлена на рисунке 1.

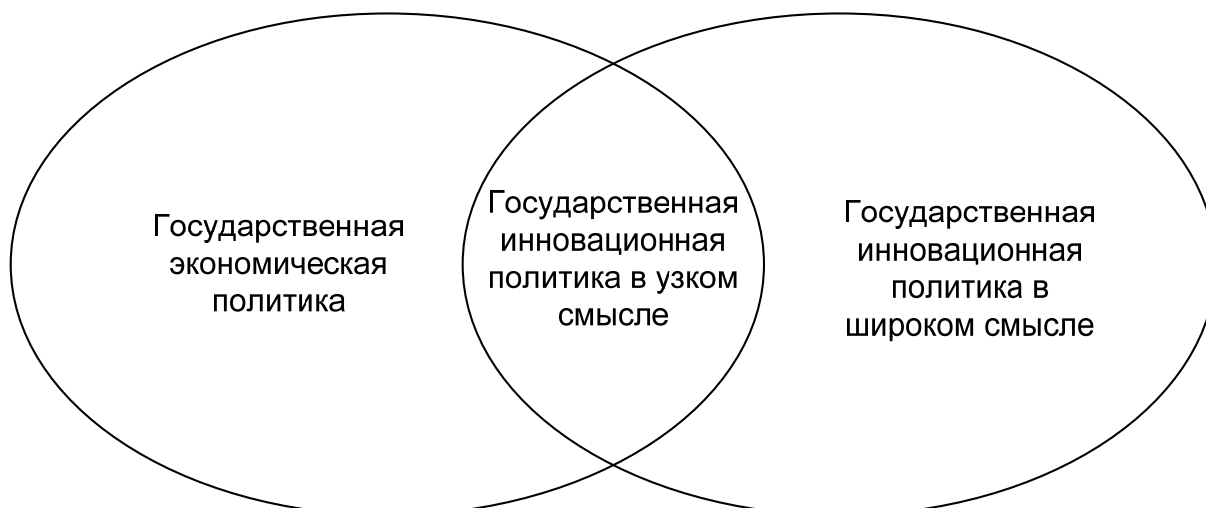

Рис. 1. Логическая модель взаимосвязи между государственной экономической политикой и государственной инновационной политикой. Источник: собственная разработка автора.

Таким образом, все, что делает государство в процессе реализации инновационной политики в ее узком смысле в рамках поддержки процессов создания и внедрения инноваций в национальной экономике, является вместе с тем и частью совокупного содержания государственной инновационной политики в широком, глобальном смысле.

Инновационная политика осуществляется государственными органами, которые выступают от имени государства, являются носителями его воли. Она включает в себя многообразие мероприятий, предпринимаемых указанными органами, ориентированное, с одной стороны, на стимулирование национальных субъектов хозяйствования разрабатывать и внедрять инновации, а, с другой стороны, на создание условий для прогрессивного технологического развития народного хозяйства страны.

При этом важным представляется обратить внимание на то, что создание обозначенных условий предполагает в том числе реализацию и таких мероприятий со стороны государства в лице его соответствующих органов, фактическое осуществление которых имеет место за пределами страны, то есть на территории других государств. Конкретным примером подобного рода является финансирование со стороны национального государства патентования отечественными предприятиями за рубежом принадлежащих им объектов интеллектуальной собственности.

Поскольку реализация государственной инновационной политики не ограничивается рамками национальных границ, логич-

ным представляется сделать вывод о том, что она носит экстерриториальный характер, является экстерриториальным явлением.

Важным фактором успешного развития страны на инновационной основе, результативности практической реализации инновационной политики государства является закрепление на законодательном уровне адекватного определения термина «государственная инновационная политика». От того, что вложено в смысл понятия «государственная инновационная политика» в его интерпретации на уровне нормы закона, будут напрямую зависеть масштабы и характер действий в инновационной сфере конкретных государственных органов, конкретных должностных лиц государства.

Для адекватного определения термина «государственная инновационная политика» представляется целесообразным выделить наиболее общие признаки, присущие ей. К таковым могут быть отнесены [5]:

1) осуществление инновационной политики государством в лице его соответствующих органов;

2) одновременная ориентация на обеспечение стимулирующего воздействия на субъектов экономики и общества в целом с целью разработки и внедрения ими инноваций и на создание условий для прогрессивного технологического развития народного хозяйства страны;

3) широкий спектр мероприятий (соответствующее налоговое и амортизационное стимулирование, защита прав на интеллектуальную собственность и т. п.), составляющих содержание указанной политики;

4) экстерриториальный характер инновационной политики, отсутствие каких-либо территориальных границ ее реализации.

На основании этого инновационную политику государства на законодательном уровне следует определять как широкую совокупность мероприятий органов государственной власти, способных иметь экстерриториальный характер и направленных на обеспечение стимулирующего воздействия на субъектов экономики и общества в целом с целью выпуска ими новых конкурентоспособных видов продукции, разработки и внедрения новых прогрессивных технологий, новшеств

организационного, экономического, социального и иного характера, а также на создание условий для прогрессивного технологического развития народного хозяйства страны.

В рамках ориентации экономической политики на формирование инновационной модели развития, когда рост эффективности общественного производства достигается за счет роста знаний, инновационная политика государства способна выступать в качестве своеобразной стратегии всеобщего развития, что особым образом подчеркивает ее колоссальную значимость и необходимость эффективного осуществления.

Библиографический список:

1. Майданов А.С. Методология научного творчества. М.: ЛКИ, 2008. 512 с.
2. Белов В.Н. К вопросу о российской инновационной политике. Зарубежный опыт // Инновационная политика и инновационный бизнес в России. Аналитический вестник. 2001. №5(146). С.16-27.
3. Келле В.Ж. Инновационная система России: формирование и функционирование. М.: Едиториал УРСС, 2003. 148 с.
4. Бешелев С.Д., Гурвич Ф.Г. Нововведения и мы. М.: Наука, 1990. 208 с.
5. Степаненко Д.М. Теоретико-методологические основы реализации государственной инновационной политики. Смоленск: ИООО «Универсум», 2010. 312 с.

Innovation, state innovation policy, state scientific and technical policy, state technological policy, state economic policy, model.

Article is devoted to research of the state innovation policy as important phenomenon in life of modern society. The author proved introduction in a scientific turn of the concepts «the state innovation policy in a broad sense» and «the state innovation policy in a narrow sense». The logical model of interrelation between the state economic policy and the state innovation policy is offered and proved.

АНДРОНЮК Н.В.,

доцент кафедры МТиГБб КИТ филиал РМАТ
nikandronyc@mail.ru

УДК 330

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ТУРИЗМА

ANDRONIUK N.

CONCEPTUAL-METHODOLOGICAL BASES OF DEVELOPMENT OF THE SPHERE OF TOURISM

Методология, парадигма, теория познания, туризм и рекреация.

В настоящее время философией экономики ведётся фундаментальная разработка вопросов логики и методологии научного знания, постулируются основы организации научного познания нарождающейся мирохозяйственной системы, создаётся соответствующая методологическая база для решения экономических задач различного масштаба. Тем не менее, проводимые исследования не могут, в большинстве своем, предложить конкретные средства для развития узкопрофессиональных дисциплин, вследствие чего в границах каждой науки, в том числе и экономической, развиваются особые теоретико-методологические направления исследований, осуществляющие внутринаучный синтез специальных знаний и осмысливающие междисциплинарное взаимодействие.

После длительного периода расширения и углубления экономико-методологических исследований эта область знания выделилась в особую подотрасль в рамках современной экономической науки - науку о методе. К глубокому сожалению методологией, то есть изучением и обоснованием метода, учёные-экономисты занимаются, как правило, без особого энтузиазма, частью из них метод вообще воспринимается как нечто заданное извне философами либо представителями точных наук. Как отмечает профессор А.Г. Худокормов [9] «свою задачу большинство учёных видят в том, чтобы, следуя уже готовым правилам и учитывая, по возможности, специфику предмета исследования», воспроизвести новое знание, потребность в котором диктуется теоретико-практическим интересом, обусловленным нахождением «точек роста» знания философского. Помимо общей сложности предмета исследования, наиболее досадной особенностью экономики с точки зрения представителя точных наук является отсутствие жёстко зафиксированных условий для испытания предлагаемых теорий [2, с.144-151]. Открывающееся в связи с этим новое предметное поле позволяет провести практический пересмотр либо углубить содержание целого ряда теорий, тем, предметов, до сих пор считавшихся вполне устоявшимися. И.В. Кузнецовым «специфическая форма преемственной взаимосвязи старых и но-

вых теорий» трактуется как принцип соответствия. Теории, справедливость которых была экспериментально установлена для определённой группы явлений, с появлением новых теорий не отбрасываются... Выводы новых теорий в той области, где была справедлива старая «классическая» теория, переходят в выводы классической теории [4]. Мы исходим из того, что развитие философско-экономического знания заключается не столько в создании «систем» или углублении их категориального аппарата, сколько в обогащении понимания выполняемых ими операциональной и проективной функций, а поиск новой парадигмы связан со стремлением отойти от упрощённых методов к более сложным, учитывающим системные подходы. По словам Т. Куна [5, с.74-75], «... без специальной техники, которая создаётся главным образом для ожидаемых явлений, открытия новых фактов не происходит. И даже когда такая техника существует, первооткрывателем оказывается тот, кто, точно зная, чего он ожидает, способен распознать то, что отклоняется от ожидаемого результата...». Научное знание воплощается исключительно в теории и правилах; проблемы ставятся таким образом, чтобы обеспечить лёгкость в применении этих правил.

Нередко экономисты-исследователи защищают тот или иной тезис с помощью тщательно отобранных аргументов, опирающихся на исторические данные, тогда как

их оппоненты защищают противоположную точку зрения с помощью доводов, столь же хорошо аргументированных и согласующихся с исторической действительностью. Однако в последнее время становится всё более и более трудным заниматься развитием науки через простое накопление знаний, открытий, изобретений. Обнаруживается, что чем дальше уходит время, тем труднее, а отнюдь не легче бывает ответить на некоторые вопросы. «Правильность» и «достаточность» применяемой методологии исследования как раз и заключается в разумном сочетании ценностного и операционального подходов, позволяющих выявить тип и характер связи, существующий между тем или иным «проектом» как совокупностью идей и реальным течением событий. Заметим, что уже ставится под сомнение универсальность самой науки. Чтобы понять действительность научно, необходимо многократно раздвинуть рамки нашего рассмотрения и расширить набор орудий анализа. Новые реалии определён-но нелинейны, тогда как современные технологии её научного познания воздвигнуты на опоре линейности. Междисциплинарные научные взаимосвязи таковы, что экспоненциальный рост знаний наталкивается на естественный барьер - уменьшающееся пространство применимости этих знаний. Сегодня новая наука поднимает фундаментальные вопросы о современности используемых технологий, в которых она находит своё воплощение.

Предлагаемая нами постановка задач для исследования вопросов развития туристической сферы подразумевает непрерывно-последовательный процесс разработки научно-теоретических основ изучения обозначенной проблематики, а предметом, на котором сосредотачивает внимание автор, служат не только общепризнанные в данный период выводы, но и дискуссии, то есть не только то, что объединяет учёных-экономистов, специалистов в области туристической индустрии, но и сталкивает их в полемике, ведет науку и практику дальше. Среди след-дующих автором принципов прослеживаются историцизм, экстраполяция настоящего в будущее и односистемность сравнительного анализа. Руководствуясь академической универсальностью, автор стремится расширить круг анализируемых концепций реализации государственной и региональной политики в области туризма и рекреации; предлагает аксиоматику действий субъектов предпри-

нимательства в сфере туризма; анализирует конкретные варианты развития туристической индустрии. Не ставя своей задачей определить, какой необходимо сделать первоначальный выбор целей, автор даёт только информацию, согласно которой может быть произведён разумный отбор целей. «Нельзя (и не имеет смысла) утверждать, что какая-либо цель по своей внутренней сути предпочтительнее другой. Исследователь может ответить лишь на такие вопросы, как: являются ли поставленные цели совместимыми и являются ли используемые средства действительно наиболее пригодными для достижения намеченных целей?» [2].

Анализ фундаментальных изменений в экономике туризма поставил перед исследователем столь многоплановые и столь много-аспектные вопросы, что однозначные ответы стали просто невозможны, но в то же время без использования многозначных формул и формулировок в работе показаны огромные возможности выводимой теории, её прогностический потенциал. «Однако ясно без особых доказательств, что по ключевым вопросам различия во мнениях будут существовать безотносительно к совершенствованию методов анализа» [2, с.144-151].

Любая научная теория независимо от своей направленности проходит при разработке три стадии, когда на первой чётко и ясно формулируются исходные гипотезы, на второй из этих гипотез выводятся следствия, на третьей - следствия сопоставляются с данными наблюдений. Гипотезы, лежащие в основе теории, не имеют права быть продуктом исключительно интуиции: их выдвижение представляет собой целостный процесс анализа предшествующих наблюдений и выводов, когда всего в нескольких положениях дан сгусток бесчисленных фактов. Вторая стадия является тавтологической, ибо отсутствие тавтологии означало бы ошибочность рассуждений. Третья стадия - сопоставление выдвинутых гипотез с фактами - теория не представляет научной ценности, если не может быть сопоставлена с данными наблюдения или же не согласуется с фактами. Неверифицируемая теория не является научной. Традицией современной экономической теории стало подчёркнутое стремление к построению научной и объективной теории, свободной от произвольности и пристрастности, несмотря на то, что научным сообществом мир фактов, как правило, воспринимается сквозь призму уже сложившихся

теорий. Важные научные решения, обычно описываемые как выбор между теориями, более точно выражаются как выбор между «формами научной работы», между «традициями» или между «парадигмами».

Тавтологическая фаза выведения теории опирается на уже существующую теорию и теоретико-методологические конструкции. Выводимая нами динамическая теория является центрированной, то есть все частные закономерности выводятся в ней из одного центрального принципа, определяемого нами как принцип дополнительности, а для целостного восприятия единства в его многообразии принцип дополнительности соединяется с принципом развития. В проводимом исследовании применена историко-методологическая модель научного знания Т. Куна, И. Лакатоса и др., в своём нормативном аспекте являющаяся моделью методологии науки, а в своём эмпирическом воплощении выступающая как модель рациональной реконструкции истории науки. Данный подход, несомненно, не является единственным в современных исследованиях проблем логики и методологии науки. Среди других интенсивно развиваемых логико-методологических направлений можно назвать семантическую модель научной теории, сетевую модель научной теории и др. Являясь одним среди многих, рассматриваемое нами направление, тем не менее, получило наибольший общественный резонанс, что обусловило его ведущую роль в современной неофилософии знания. С нашей точки зрения эта модель позволяет рассматривать затрагиваемые проблемы так, что появляется возможность перехода от выдвигаемых гипотез к конкретной научной теории и исследования даже не столько общих принципов, сколько деталей выводимой теории.

Сравнивая «структуру научного исследования» Т. Куна и «исследовательскую программу» И. Лакатоса, заметим, что эти методологические концепции, не противореча друг другу в принципе, являются взаимодополняющими и взаимовлияющими и идеально накладываются на любую область экономических исследований. Под исследовательской программой И. Лакатос понимает серию сменяющих друг друга теорий, объединённых определённой совокупностью базисных идей и состоящей из: (1) ядра программы - совокупности конкретно-научных и онтологических допущений, принимаемых конвенционально и сохраняющихся без

изменений в ходе последующего развития и реализации программы; (2) предохранительного пояса (оболочки) - совокупности вспомогательных гипотез, окружающих ядро и принимающих на себя удары опытных опровержений; в ходе развития программы предохранительный пояс видоизменяется, и вводимые изменения обуславливаются рядом правил эвристики программы; (3) негативной эвристики, призванной не допускать эмпирического опровержения программы и правил, позволяющих это решение реализовать; (4) позитивной эвристики, способствующей позитивному развитию теории и модифицированию «опровергаемого» предохранительного пояса (подробнее см. [3]). В то же время Т. Кун, чью теорию дополняет «исследовательская программа», больше оперирует таким понятием, как «парадигма», подразумевая, что это «не только теория, но и способ действия в науке, модель, образец решения исследовательских задач», принципиальная возможность познания экономического поля, позволяющая выразить его суть и внутренний механизм развития. Тем не менее, не отдаваясь всемогуществу «парадигм», в своей основной работе он пишет буквально следующее: «... так как ни одна из парадигм никогда не решает всех проблем, которые она определяет, и поскольку ни одна из двух парадигм не оставляет нерешёнными одни и те же проблемы, постольку обсуждение парадигмы всегда включает вопрос: Какие проблемы более важны для решения?» [5].

Выделив из общей массы две, кажущиеся нам, основные методологии научного познания и осознав, что научные выкладки всегда должны опираться больше на перспективы в будущем, чем на прошлые достижения, приступим к функциональному наполнению указанных методик, рассматривая их применимость непосредственно к теме нашего исследования, а именно к исследованию процесса формирования кредитно-валютных объединений в системе асимметричных экономик. Поскольку новое знание рождается из старого, оно обычно вбирает в себя большую часть словаря и приёмов как концептуальных, так и экспериментальных, которыми традиционное знание оперировало ранее. Возникающая при анализе конкретного хозяйства и являющаяся инструментом для получения научного опыта морфология служит инструментом научного проникновения в действительность, а применение морфологического

аппарата позволяет познавать структуру и конструкцию любой хозяйственно-экономической ситуации. Полностью и абсолютно нейтрального и инвариантного для всех теорий эмпирического языка нет, но и относительно инвариантные языки можно построить, они существуют, а достаточная переводимость разных эмпирических языков - факт бесспорный. Невозможно указать на какие-либо две научные теории, имеющие один и тот же предмет исследования, но обладающие двумя абсолютно несходными эмпирическими базами (языками). У двух разных теорий всегда найдутся некоторые общие для них, пусть лишь методологические фрагменты.

Каждая теория создаётся в рамках конкретной парадигмы, теории, существующие в рамках различных парадигм несопоставимы, в связи с чем одна и та же теория не может входить в разные парадигмы без предварительного её серьёзного переосмысления. «При смене парадигм невозможно осуществить преемственность теорий, то есть какие-то теории перенести из старых парадигм в новые: в контексте новых парадигм старые теории получают качественно новое содержание, иную интерпретацию» [9]. В представленной работе мы не стремимся показать, что разрабатываемая нами парадигма лучше какой-либо другой, а лишь

отмечаем, что она иная и что наблюдаемые межпарадигмальные различия оправданны. Наша парадигма иная, потому что перед ней стоит задача решать иные проблемы посредством использования отчасти тех же самых, отчасти других методов по сравнению с теми, которые применяются в рамках прочих, широко распространённых современных парадигм, приближенных к области нашего исследования, но в любом случае никакая парадигма вовсе не обязана давать объяснение всем фактам, с которыми она может столкнуться. Так, например, В. Полтерович, рассматривая состояние экономической науки, отмечает: «Экономическая действительность слишком многовариантна, и скорость её изменения опережает темп её изучения... По-видимому, многообразие экономических явлений не может быть объяснено на основе небольшого числа фундаментальных закономерностей» [6, с.23-24]. Не находя кардинальных различий между рассматриваемыми нами методологиями, считаем возможным применить синтезированную методологическую модель общего познания, в которой «парадигма» Т. Куна тождественна «исследовательской программе» И. Лакатоса, однако реализация этой модели в постановке конкретных теоретических и практических задач - предмет отдельного исследования.

Библиографический список:

1. Алле М. Экономика как наука. М.: Наука для общества, РГГУ, 1995. 168 с.
2. Гранберг М. Моделирование сложной экономической системы // Электронное моделирование и машинное управление в экономике: Сб. науч. тр. М.: Мир, 1965. С.144-151.
3. Концепция И. Лакатоса как новый вариант поспозитивистской философии науки // Диалектический материализм и постпозитивизм. М.: МГУ, 1981. С.136-142.
4. Кузнецов И.В. Принцип соответствия в современной физике и его философское значение. М.-Л.: Гостехиздат тип. «Красный пролетарий» в Мск., 1948. 116 с.
5. Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
6. Полтерович В. Кризис экономической теории. Труды научного семинара «Неизвестная экономика». Отделение экономики РАН. Вып.2. М.: ЦЭМИ РАН, 1997.
7. Радугин А.А. Философия: Курс лекций. М.: Центр, 2001. 272 с.
8. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS, 1994. Т.2. Вып.4. С.20-52.
9. Худокормов А.Г. История экономических учений. М.: Инфра-М, 1998. 733 с.

Methodology, paradigm, knowledge theory, tourism and recreation.

Now the philosophy of economy conducts fundamental development of questions of logic and methodology of scientific knowledge, bases of the organization of scientific knowledge of arising world economic system are postulated, the corresponding methodological base for the solution of economic problems of various scale is created. Nevertheless, conducted researches can't, in the majority, offer concrete means for development of narrowly professional disciplines, owing to what in borders of each science including economic, the special theoretical-methodological directions of researches carrying out intra scientific synthesis of special knowledge and comprehending interdisciplinary interaction develop.

ОСТРОГЛЯДОВА О.И.,

доцент кафедры экономики и предпринимательства
ФГБОУ ВПО «Калининградский государственный технический университет»
olga5353@mail.ru

УДК 658

КОНТРОЛЛИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННЫМ КОМПЛЕКСОМ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

**OSTROGLIADOVA O.
CONTROLLING AS A TOOL TO IMPROVE THE EFFICIENCY
OF AGRICULTURE OF THE KALININGRAD REGION**

Агропромышленный комплекс, система управления предприятием, система контроллинга.

Данная статья рассматривает проблемы, связанные с внедрением и функционированием системы контроллинга на предприятиях АПК Калининградской области, и возможный путь их решения.

Агропромышленный комплекс (АПК) - совокупность отраслей, включающих сельское хозяйство, промышленность и сферу услуг, технологически связанных с сельским хозяйством, осуществляющих транспортировку, хранение, переработку сельскохозяйственной продукции, доведение ее до потребителя, обеспечивающих сельское хозяйство техникой, удобрениями, а также производственную и социальную инфраструктуру [1].

АПК Калининградской области и главный потребитель его сырья - пищевая промышленность региона, занимают важное положение в экономике и структуре промышленного производства области.

Современный АПК представляет собой сложную многофункциональную и многоуровневую иерархическую систему, развитие которой определяется, прежде всего, тенденциями и параметрами функционирования экономики области и страны в целом.

Структурная схема АПК Калининградской области представлена на рисунке 1.

В течение длительного периода времени финансово-экономическое положение сельскохозяйственных предприятий Калининградской области остается нестабильным, динамика сальдированного финансового результата их деятельности имеет неустойчивое состояние, чуть более половины сельскохозяйственных предприятий являются прибыльными.

На современном этапе развития АПК, сельскохозяйственные товаропроизводи-

тели сталкиваются с множеством проблем, требующих грамотного управленческого решения.

Развитие и стабильное функционирование предприятий АПК Калининградской области, несмотря на большое влияние природно-климатических, геополитических и макроэкономических факторов, зависит и от внутренних факторов, и, несомненно, одним из важнейших факторов является эффективность системы управления и качества менеджмента.

Эффективную систему управления возможно построить при внедрении и использовании системы контроллинга на предприятиях АПК региона.

Существующая в данное время на предприятиях АПК система управления не может обеспечить адекватной оценки эффективности их деятельности, имеющегося ресурсного потенциала, использования привлеченного капитала и возможностей интеграционных процессов. Сложившийся на сельскохозяйственных предприятиях Калининградской области уровень менеджмента, структура управления не могут достичь высокого уровня организации и согласованности производственных процессов вне зависимости от улучшения внешних условий в силу невысокой заинтересованности и невысокой квалификации работников предприятия, отсутствием систематического повышения их квалификации, связанных с ограниченностью финансирования и сложившихся «штампов» управления. Отри-

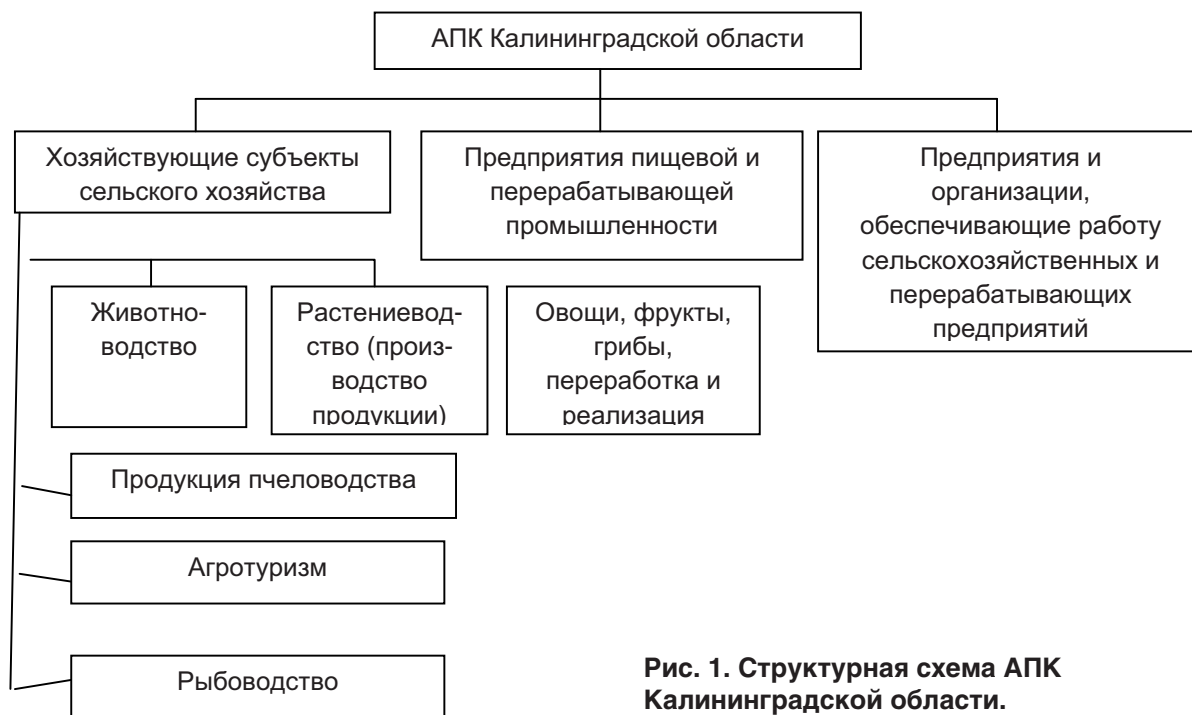

Рис. 1. Структурная схема АПК Калининградской области.

цательное воздействие на эффективность управления оказывает и отсутствие своевременных консультационных услуг по отраслевым проблемам, связанное с удаленностью предприятий АПК от областного центра и низкой информированностью предприятий о возможности получения данных услуг. Все это вызывает необходимость внедрения адекватных, качественно новых управленческих технологий.

Динамичность развития внешней среды и значительное влияние внутренних факторов предопределяет актуальность внедрения системы информационно-аналитической и методологической поддержки руководства в процессе принятия управленческих решений. В любых условиях развития экономики, в том числе и кризисных, контроллинг предстает как наиболее действенный инструмент обеспечения выживаемости и долгосрочного существования компании и является одной из современных концепций управления. По своей сущности контроллинг - это технология управления процессом управления организацией на основе интеграции и координации информационных потоков с целью выбора приоритетных направлений управленческого воздействия на экономическую ситуацию и адаптации к ней в связи с изменяющейся внешней средой. В связи с этим система контроллинга направлена на совершенствование системы управления на предприятии

посредством интеграции и координации ее на достижение поставленных целей.

Особенности сельскохозяйственного производства, с одной стороны, вызывают настоятельную необходимость использования системы контроллинга в управлении, а с другой - усложняют процесс ее становления на предприятиях аграрного сектора.

Основными проблемами, возникающими при попытках внедрения контроллинга на предприятиях АПК, являются:

- 1) отсутствие у многих сельскохозяйственных предприятий достаточного количества финансовых ресурсов;
- 2) отсутствие достаточного количества подготовленных специалистов в данной области;
- 3) типичные проблемы в коллективах, связанные с внедрением службы новых технологий систем управления.

Одним из возможных решений является сотрудничество сельскохозяйственных производителей с информационно-консультационными службами (ИКС).

Созданные и создаваемые вновь государственные и частные службы сельскохозяйственного консультирования призваны обеспечить клиентов-сельхозпроизводителей качественной информацией, способствующей принятию эффективных управленческих решений, тем самым частично возлагая на себя функцию контроллинга.

Внедрение системы контроллинга путем использования аутсорсинга в лице ИКС позволит сельхозпроизводителям построить систему эффективного управления и сократить время реализации управленческих воздействий, что позволит:

- решить проблему недостаточной управляемости на предприятии;
- снизить затраты на внедрение и использование системы контроллинга;
- упорядочить информационные потоки внутри предприятия;

- минимизировать риски принятия неоптимального варианта управленческого решения;

- выявить экономические резервы и высвободить дополнительные ресурсы;
- решить проблему отсутствия квалифицированных специалистов.

Внедрение контроллинга приведет к координации управленческих воздействий на предприятии в рамках единого информационного поля и, как результат, - достижению поставленных целей.

Библиографической список:

1. Кундиус В.А. Управленческий анализ деятельности предприятий агропромышленного комплекса: учебное пособие / В.А. Кундиус. М.: КНОРУС, 2012. 392 с.

Agriculture, enterprise management system, controlling system.

The subject of study are problems of implementation and operation of a controlling system for agro industrial enterprises in the Kaliningrad region and the possible ways to solve them.

ШИШКАНЕВА В.Д.,

преподаватель кафедры экономики Санкт-Петербургского
университета сервиса и экономики (Калининградский филиал)
vitoriya@front.ru

УДК 332

НАПРАВЛЕНИЕ И ТЕМПЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА ЖИЛЬЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

SHISHKANEVA V.

**THE DIRECTION AND PACE OF DEVELOPMENT
OF THE HOUSING MARKET IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Рынок жилья, недвижимость, первичный рынок, вторичный рынок, жилищное строительство, ипотечное кредитование.

На сегодняшний день существует огромное количество источников, при анализе которых можно сформулировать собирательное понятие рынка жилой недвижимости. Под понятием «рынок жилой недвижимости» (или, как синоним, «рынок жилья») целесообразно понимать совокупность механизмов, операций, сделок купли-продажи и сопутствующих услуг, обеспечивающих создание, передачу прав собственности на пользование, финансирование и эксплуатацию объектов жилой недвижимости в условиях пространственных и нормативно-правовых ограничений.

В национальной экономике рынок недвижимости выполняет следующие функции: 1) эффективное решение социальных задач, связанных с созданием и использованием полезных свойств недвижимости; 2) отчуждение полных или частичных прав собственности на объекты недвижимости от одного экономического субъекта к другому и защиту его прав; 3) свободное формирование цен на объекты и услуги; 4) перераспределение инвестиционных потоков между конкурирующими видами объектов недвижимости; 5) перераспределение инвестиционных потоков между конкурирующими способами использования земель [5].

На практике в целях регулирования или анализа отношений на рынке жилой недвижимости он обычно разделяется на две группы: 1) первичный рынок жилой недвижимости, под которым понимается совокупность механизмов, операций, сделок купли-продажи и сопутствующих услуг с вновь созданными объектами жилой недвижимости (квартирами, комнатами, домами и пр.), а также приватизированными объектами, ранее не проходившими государственную регистрацию; 2) вторичный рынок жилой недвижимости, то есть совокупность механизмов, операций, сделок купли-продажи и сопутствующих услуг, совершаемых с ранее созданными объектами жилой недвижимости, находящимися в эксплуатации и

связанными с перепродажей или с другими формами передачи прав собственности поступивших на рынок объектов от одного владельца к другому.

Соответственно по рыночным закономерностям строятся, то есть рассматриваются в виде парциальных рынков и другие объекты и субъекты, имеющие отношение к рассматриваемому рынку, к важнейшим из которых относятся: 1) рынок объектов жилой недвижимости, включающий квартиры, комнаты, пентхаусы, таунхаусы; 2) институциональный жилищный рынок, касающийся основных предприятий и организаций, занимающихся формированием, инвестированием, продажей и другими операциями с жилой недвижимостью; 3) клиентурные рынки, формируемые в качестве целевых групп потребителей (пользователей, покупателей и т.д.) жилой недвижимости как корпоративных, так и индивидуальных.

Важной группой понятий, связанных с рынками жилой недвижимости, являются понятия, касающиеся зонирования территории.

Функциональные зоны по определению, содержащемуся в Кодексе, представляют собой зоны, для которых документами территориального планирования определены границы и функциональное назначение. Кроме понятия «функциональные зоны», градостроительное и земельное законодательство оперирует понятием «территори-

альные зоны», к которым относятся зоны, для которых в правилах землепользования и застройки определены границы и установлены градостроительные регламенты. При этом в ст.35 Кодекса дается характеристика видов и состава территориальных зон. Аналогичные положения закреплены в ст.85 ЗК РФ. Что же касается функциональных зон, то ни их виды, ни состав в Градостроительном кодексе не определены.

К числу важнейших экономических факторов, детерминирующих развитие рынка жилья, целесообразно назвать: наличие благоприятной социально-экономической ситуации и конъюнктуры (как в текущий момент времени, так и на перспективу) на территории дислокации соответствующего рынка жилой недвижимости; благоприятные финансовые возможности населения для приобретения потребного им жилья, обусловленные высоким трудовым потенциалом, наличием рабочих мест и т.п.; развитием инвестиционно-строительного комплекса.

В результате кризиса, пик которого в рассматриваемой сфере пришелся на 2008-2009 гг., строительная отрасль серьезно пострадала. Существенную роль в поддержке жилищного строительства играли правительственные программы: это и переселение граждан из ветхих и аварийных зданий, и предоставление жилья военнослужащим и ветеранам, поддержка ипотеки и пр. Несмотря на все усилия, строительной отрасли по ряду показателей до сих пор не удалось достичь докризисного уровня производства, более того, объемы жилищного строительства непрерывно сокращались год от года, хотя и наблюдалась помесечная положительная динамика. В 2010 году, по данным Росстата, объемы жилищного строительства сократились на 2,4%, за I полугодие 2011 года - ещё на 0,8% по сравнению с 2010 годом.

Характерны тенденции в ряде других отраслей и направлений экономической деятельности, связанных с развитием жилой недвижимости. Так, в период кризиса был отмечен спад на услуги по архитектурному проектированию. Одновременно в полтора-два раза снизились расценки на соответствующие работы. Иными словами, архитектурное проектирование в период кризиса стало относиться к сферам, на которых можно экономить, используя преимущественно упрощенные или типовые архитектурные решения.

Аналогичные по характеру изменения коснулись и такой сферы, как страхование рисков строительно-монтажных работ (страхование СМР). Вместе с тем падение объемов страховых премий по данному виду страхования совершенно недопустимо, поскольку оно является важнейшим элементом обеспечения безопасности и качества строительства.

Наиболее заметными явились изменения, связанные со свертыванием программ ипотечного кредитования и ужесточением условий предоставления соответствующих кредитов.

Текущая ситуация показывает устойчивые тенденции к торможению в развитии рынка жилой недвижимости практически во всех субъектах Российской Федерации. Сложившаяся ситуация отрицательно влияет на социально-экономическое развитие как в муниципальных образованиях, так и в целом в Российской Федерации.

Рынок управления жилой недвижимостью имеет тенденции развития только в городах с развитой экономикой, но в 1/3 муниципальных образований из-за ветхости и удаленности жилой недвижимостью занимаются муниципальные организации. Привлечь в такие поселения строительный бизнес представляется невозможным из-за отсутствия системы стимулирования бизнеса в сфере управления жилой недвижимостью.

С другой стороны, выход из кризиса ознаменовался рядом позитивных тенденций как на рынке жилья, так и в смежных отраслях. В частности, отмечается, что по итогам I полугодия 2011 года населению было выдано 195,5 тыс. ипотечных кредитов на общую сумму 268,6 млрд. рублей, что в 1,8 раз превышает выдачу аналогичного периода 2010 года в количественном выражении и более, чем в 2 раза, - в денежном. В свою очередь, рост кредитования сопровождался в I полугодии 2011 года массовым снижением ставок и смягчением условий кредитования.

Следует отметить, что в 2010-2011 гг. на рынке жилья произошли изменения, касающиеся, прежде всего потребительских установок: от выжидательно-экономных стратегий - к расширению диапазона потребления недвижимости, хотя и в пределах более экономичных. То есть если клиент ориентируется на приобретение квартиры бизнес-класса, то в этом диапазоне он с большей вероятностью выберет покупку квартиры, относящейся к нижнему (прежде

всего, с точки зрения цены) сегменту данного класса.

В первом полугодии 2011 года наблюдалось продолжение тенденций 2010 года, когда сочетание низкого предложения строящегося жилья с восстановлением ипотечного кредитования и ростом оборотов рынка, тем не менее, не привело к росту цен на жилье. Во многом это было обусловлено тем, что основная масса сделок происходила в сегменте эконом-класса преимущественно на вторичном рынке.

В частности, в 2011 году объемы введенного жилья в Москве составили 1,805 миллиона квадратных метров, что на 2,1% превышает аналогичный показатель 2010 года.

По данным Росстата, наибольшие объемы жилищного строительства в 2011 году в России осуществлялись в Московской области, где было введено 13,2% от сданной в эксплуатацию общей площади жилья по России в целом – 8,219 млн. кв. метров.

В Краснодарском крае было введено 5,9% жилья (3,688 млн. кв. метров), в Санкт-Петербурге - 4,3% (2,705 млн. кв. метров), в Республике Татарстан - 3,8% (2,396 млн. кв. метров), в Республике Башкортостан - 3,4% (2,109 млн. кв. метров), в Тюменской области - 3,3% (2,067 млн. кв. метров), в Ростовской области - 3% (1,88 млн. кв. метров), в Москве и Свердловской области - по 2,9% (1,805 млн. кв. метров и 1,817 млн. кв. метров соответственно), в Нижегородской и Новосибирской областях - по 2,4% (1,474 млн. кв. метров и 1,48 млн. кв. метров соответственно) [4].

В данных субъектах в 2011 году построено чуть меньше половины введенной общей площади жилья в России.

Всего объемы введенного жилья в РФ в 2011 году составили 62,3 миллиона квадратных метров (788,2 тысячи квартир), что на 6,6% больше аналогичного показателя 2010 года.

В среднем за последние 6 лет ежегодно строится около 0,4 м² на человека, что явно недостаточно для решения жилищной проблемы, поскольку, по мнению экспертов, чтобы заменить выбывающий и устаревающий жилищный фонд, необходимо поддерживать уровень ввода в строй жилья выше 1 м² на человека.

Таким образом, по итогам 2011 года общая площадь жилых помещений на одного россиянина составит около 23 кв. м, что, как и ранее, ниже, чем в развитых странах.

Согласно рекомендации ООН, на человека должно приходиться не менее 30 кв. м жилья. Если темпы ввода жилья в нашей стране сохранятся на текущем уровне (около 0,4 кв. м в год на человека), то достичь показателя, рекомендуемого ООН, в России можно будет только через 18 лет, а достичь уровня США с обеспеченностью 70 кв. м - только через 118 лет.

Потенциал роста рынка недвижимости во многом зависит от деятельности банков, в частности, от суммы выдаваемых на покупку недвижимости кредитов. Поэтому доступность ипотечных кредитов является для развития рынка жилой недвижимости крайне важным фактором, который еще больше усиливает и без того большой спрос на жилую недвижимость.

Ближайшие тенденции и перспективы развития региональных рынков жилья в определенной степени обуславливаются ожиданиями следующих событий: новых законодательных инициатив в отношении рынка жилой недвижимости; готовящегося введения в 2013 году единого налога на недвижимость, вместо налога на имущество и земельного налога, что позволит рассматривать недвижимость как единый объект и обеспечит формирование полного и достоверного кадастра; стабилизации и предсказуемости валютного курса; постепенного снижения ипотечных ставок, хотя бы на 2-3 пункта процентной ставки (при условии отсутствия новых пиков финансово-экономического кризиса); пересмотра ряда концепций и проектов в сфере строительства в крупнейших рынках недвижимости (Москва, Санкт-Петербург, связанных со сменой руководства этих регионов); тенденций к росту агломерационных и конурбанизационных процессов (например в рамках расширения границ Москвы, решение по которому на данном этапе принято административным образом, без глубоко проработанных обоснований, касающихся естественного роста таких комплексов и пр.).

К этому следует добавить, что ряду регионов удалось попасть в число стратегически важных для России территорий интенсивного нового строительства, в связи с успешно реализованными инициативами страны по организации крупных спортивных форумов (последовательно: Универсиада в Казани, Олимпийские игры в Сочи и Чемпионат мира по футболу, проведение которого предусматривает радикальное совершен-

ствование городской инфраструктуры примерно в 12 городах России [2].

При анализе динамики развития жилищного рынка, как указывалось выше, необходимо выделять первичный и вторичный рынок жилья. Первичный рынок представляет собой рынок строящегося или вновь вводимого в эксплуатацию жилья. Предложение на нем формируют строительные организации, коммерческие или государственные, которые сами ведут строительство жилых домов и продают квартиры в новостройках, а спрос - рядовые граждане, риэлтерские фирмы. Средние цены на первичном рынке жилья регионов России в настоящее время характеризуются высоким уровнем дифференциации, связанным с различным уровнем социально-экономического развития регионов.

Инвестиции в жилье эконом-класса держатся на низком уровне, о чем свидетельствует дисбаланс спроса и предложения. Если спрос оценивается на уровне 12,5 млн. кв.м., то в 2009 году сдано в эксплуатацию 500 тыс. кв.м. жилья. Сейчас рентабельность строительства жилья бизнес-класса и эконом-класса составляет 300%, в связи с этим социальное жилье оказывается невыгодным для строителей и девелоперов.

Для оценки перспективности рынка элитного жилья обычно рассчитывается отношение стоимости элитного жилья к стоимости типового жилья в регионах России. В качестве элитного жилья выступают элитные квартиры в монолитных и кирпичных домах в престижных районах. В качестве типового - типовые квартиры в панельных, крупноблочных и кирпичных домах спальных районов.

С точки зрения разницы в стоимости элитного жилья и эконом-сегмента лидером по-прежнему остается г. Москва. Здесь стоимость квадратного метра в элитных квартирах превышает цену типового жилья более,

чем в два раза, что связано с дефицитом предложения в центральных районах города и с исключительным по российским меркам уровнем престижности местоположения.

Соответственно вторичный рынок реагирует на такую ситуацию уверенным ростом цен, причем рост цен в долларовом эквиваленте превышает рост цен в рублевом эквиваленте.

Спрос на новые квартиры аналогичен спросу на вторичное жилье. Происходит это из-за активного внедрения в банковскую практику механизма выдачи потребительского кредита на покупку квартиры, по сути, отличного от ипотечного.

В 2010 году на рынке жилой недвижимости стали проявляться признаки восстановления темпов роста. Эти тенденции на первичном рынке жилья коснулись увеличения числа ввода новых объектов, роста объемов продаж (в среднем на 15-30%). Наибольший рост продаж отмечен в эконом-классе и бизнес-классе (в секторе, приближенном по критериям к эконом-классу). В элитном сегменте (функционирующем по своим законам) рынок также практически достиг предкризисного состояния.

Изменения спроса потребителей заключались в ориентации на приобретение готового жилья в объявленные сроки, бюджетные схемы покупок, предпочтение квартир меньшей площади, на большую популярность спальных районов.

Соответственно изменились установки строителей и девелоперов, которые переориентировались в рамках уже начатых проектов на преимущественное создание объектов эконом-класса.

В значительной степени на изменение установок всех субъектов, относящихся к рассматриваемому рынку, было обусловлено либерализацией ипотеки, стимулиро-

Регионы-лидеры по наценке на элитное жилье (2-й кв. 2009)	Регион	Наценка на элитное жилье (%)
1	г. Москва	138
2	Волгоградская область	106
3	Хабаровский край	104
4	Красноярский край	99
5	Кемеровская область	96
6	Алтайский край	79
7	Челябинская область	78
8	Курганская область	78
9	Нижегородская область	76
10	Свердловская область	68

Топ-список регионов, лидирующих по параметру «наценка на элитное жилье» [1]

ванной Центробанком, заключающейся в снижении со стороны банков требований к заемщикам, снижении первоначального взноса и, как следствие, рост количества ипотечных сделок. В среднем рынок ипотечного кредитования в 2010 году увеличился в 2,5 раза.

Уровень ставок по ипотечным кредитам в рублях, выданным в течение месяца, в декабре 2010 года, по сравнению с октябрём 2010 г., значительно снизился: с 13,2% до 12,5%, что ниже докризисных показате-

лей: средневзвешенная ставка выдачи ипотечных кредитов в рублях за январь-октябрь 2008 года составляла 12,7%.

Следует отметить такую особенность регионального рынка жилья, как локальный характер его основных параметров, в результате чего местоположение объектов недвижимости выступает как ключевой фактор формирования стоимости и рыночного равновесия цены объектов недвижимости, индивидуальных для каждого территориального рынка.

Библиографический список:

1. Рейтинг субъектов РФ по объектам жилищного строительства по итогам 1 января-июня 2011 года.
2. Динамика региональных рынков жилья РФ. Аналитический обзор. М.: сентябрь 2009. // URL: http://www.grouptmr.com/files/demoreports/housing_free.pdf.
3. Косарева Н.Б., Туманов А.А., Сивоев Д.С. Исследование региональной структуры рынков жилья в России. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. 1 т.
4. Газета «Рынок жилья» // URL: <http://www.rynokzhilia.ru> №41. 20 октября 2011.
5. Андрианов Н.А. Территориальное планирование как основа регулирования городской застройки // Правовые вопросы строительства. 2005. №2. // URL: <http://lawmix.ru/comm/3211>.
6. Обзор рынка жилья и ипотечного кредитования: итоги первого полугодия 2011 г. // URL: <http://www.iarex.ru/articles20328.html>.

Housing market, real estate, primary market, secondary market, housing, mortgage lending.

Today, there are a huge number of sources, the analysis of which can be formulated as a collective term residential real estate market. The term «residential real estate market» (or, as a synonym for «housing market»), it is advisable to understand the totality of arrangements, operations, sales transactions and related services, ensuring the creation, transfer of property rights to use, financing and operation of residential properties in spatial and regulatory restrictions.

ПРОХОРОВА О.В.,

ассистент кафедры менеджмента БФУ им. И. Канта
pov-555@mail.ru

УДК 339.727.22 (470.26)

ПОКАЗАТЕЛИ КАЧЕСТВА ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В РАМКАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

PROKHOROVA O.

INDICATORS OF THE QUALITY OF FOREIGN DIRECT INVESTMENT IN THE REGIONAL ECONOMY

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ), оценка эффективности ПИИ, показатели качества, эффекты от ПИИ.

Рассмотрена социально-экономическая сущность и основные показатели, характеризующие качество ПИИ, проанализирована динамика поступления ПИИ в регион. Предложена классификация эффектов от ПИИ, а также методический подход к оценке их эффективности, основанный на определении их качества с позиции интересов иностранных инвесторов и с позиции интересов экономики принимающего региона, на микроуровне и на макроуровне. Также выявлены косвенные эффекты от ПИИ и доказана необходимость их учета при разработке политики привлечения иностранного капитала в регион.

На развитие любого региона существенное значение оказывают прямые иностранные инвестиции (ПИИ), которые являются неким показателем инвестиционной привлекательности территории и комфортности ведения бизнеса. ПИИ - это наиболее емкая форма объединения национальных интересов различных слоев общества, так как они вкладываются в реальный сектор экономики, а значит, являются важным каналом поступления в регион новых технологий, приобретения организационно-управленческого опыта, способствуют доступу в международную торговую сеть, обеспечивают базу развития для многих отечественных предприятий, положительно влияют на конкурентоспособность, ин-

новации, занятость, рост экономики и торговли в целом.

В 2012 года в экономику Калининградской области поступило 344,4 млн. дол. иностранных инвестиций (ИИ), что на 11% больше 2011 года [6]. При этом общий объем изъятых инвестиций за 2012 год составил 463,1 млн. дол., в том числе прямых - 208,6 млн. дол., портфельных - 5,4 млн. дол. и прочих (в первую очередь различные кредиты) - 249,1 млн. дол. Под погашением или выбытием ИИ подразумевается погашение задолженности по кредитам, продажа акций, изъятие инвестиций за отчетный период в связи с ликвидацией организаций [4].

Стоит отметить, что в 2012 году сильно изменилась структура ИИ, поступающих в

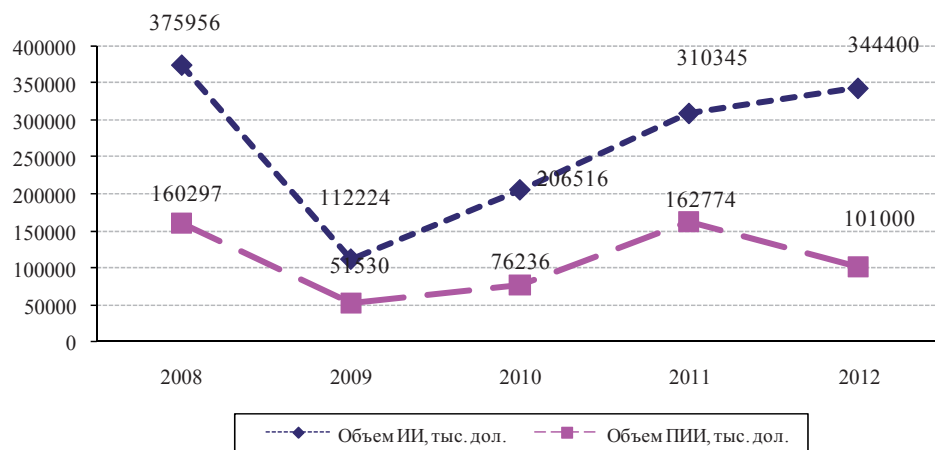

Рис. 1.
Динамика поступления ИИ и ПИИ в Калининградскую область в 2008-2012 г.г., тыс. дол. [3]

Таблица 1.

ЭФФЕКТЫ, ПОЛУЧАЕМЫЕ ОТ ПИИ

Эффекты	Уровни эффектов
<p>1. <u>Прямые эффекты</u> в виде:</p> <ul style="list-style-type: none"> • показателя экономической эффективности; • показателя бюджетной эффективности; • показателя финансовой эффективности 	<p>1. <u>Региональный уровень:</u></p> <ul style="list-style-type: none"> • являются дополнительным ресурсом для модернизации производства; • способствуют становлению новой институциональной структуры рыночной экономики, укрепляют хозяйственные связи между экономическими субъектами и облегчают выход на мировые рынки; • активизируют инвестиционные процессы в силу присущего инвестициям мультипликационного эффекта; • содействуют общей социально-экономической стабильности, стимулируют производственные вложения в материальную базу, рост занятости, повышение уровня доходов населения, расширение налоговой базы; • способствуют развитию отраслей и регионов при правильной организации, стимулировании и размещении ПИИ, они наиболее устойчивы в условиях финансового кризиса
<p>2. <u>Косвенные эффекты:</u></p> <ul style="list-style-type: none"> • производственные; • общественные/социальные; • структурные. 	<p>2. <u>Отраслевой уровень:</u></p> <ul style="list-style-type: none"> • обеспечивают усиление конкурентного давления на рынках в принимающей экономике, мотивируя национальные компании к реструктуризации, заимствованию новой продуктовой и процессной технологии, передового опыта в сфере управления и маркетинга; • способствуют интеграционным процессам в отраслях и межотраслевых комплексах
	<p>3. <u>Уровень хозяйствующих субъектов:</u></p> <ul style="list-style-type: none"> • являются источником дополнительного производственного капитала; • обеспечивают трансферт технологий, ноу-хау, передовых методов управления и маркетинга; • способствуют росту объемов производства, производительности труда, снижению капиталоемкости продукции, повышению числа оборотов капитала; приросту фондо-, материало-, энерго- и капиталоемкости в результате более рационального и экономного использования ресурсов; • содействуют росту профессиональной компетентности персонала

Источник: разработано автором.

Калининградскую область: в 2011 году в качестве ПИИ в регион поступило 162,7 млн. дол. (в 2012 г. - 101 млн. дол.), в качестве «других» инвестиций 147,6 млн. дол. (в 2012 году - 238 млн. дол.). Главным «поставщиком» ИИ в Калининградскую область является Кипр, откуда в 2012 году поступило более 128 млн. дол. На втором месте - Литва с 46 млн. дол., а за ней - Польша с 40,7 млн. дол. [4].

Динамика поступления ИИ в Калининградскую область за последние 5 лет представлена на рисунке 1.

Как видно из рисунка 1, развитие рынка ИИ в Калининградской области носит скачкообразный характер, что обусловлено как мировыми особенностями развития экономики, так и российскими, и региональными, особенно неизвестностью ситуации после 2016 г., когда прекратится действие закона об ОЭЗ.

В целом в 2012 году в экономику России поступило 154,6 млрд. дол. ИИ, что на 18,9% меньше, чем в 2011 году. Динамика поступления иностранного капитала циклична: если в 2008 году объем поступления ИИ за год уменьшился на 14,2% и составил 103,8 млрд. дол., в 2009 году на 21,0% (81,9

млрд. дол.), то в 2010, 2011 г. отмечен рост поступления ИИ в экономику России на 40% и 66% соответственно. Доля Калининградской области в общероссийских масштабах в общем объеме поступления ИИ составила в 2012 году всего лишь 0,22% (доля ПИИ 0,54% от всех ПИИ по РФ) [6].

В расчете на душу населения РФ в 2012 году ИИ составили 1078,3 дол. (в 2011 г. - 1334 дол.), в том числе ПИИ - 130,3 дол. (129 дол.). Наибольший объем ПИИ в расчете на душу населения отмечен в Сахалинской области - 21586 дол., Ненецком автономном округе - 14829,7 дол. В Калининградской области объем ПИИ в расчете на 1 жителя региона в 2012 г. составил 382 дол. (8 место по СЗФО), в 2011 году - 173 дол. (4 место) [6].

В денежном выражении объем ИИ в Калининградской области составляет незначительную часть инвестиций в экономику региона, однако необходимо учитывать не только инвестиции в виде иностранного капитала, но и в виде управленческого опыта, возможностей выхода на международные рынки и интеграции в мировое хозяйство, приобретения связей, доступа к передовым методам организации производства, сти-

Таблица 2.

СИСТЕМА ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАЧЕСТВА ПИИ

С позиции иностранного инвестора	С позиции экономики принимающего региона		
	На микроуровне	На макроуровне	
		Экономический эффект от ПИИ	Социальный эффект от ПИИ
1. Чистая текущая стоимость (NPV)	1. Рост производительности труда за счет модернизации производства, повышения квалификации кадров	1. Рост валового регионального продукта; рост бюджетных поступлений, обусловленных реализацией проектов с участием ИИ	1. Увеличение занятости населения региона за счет предоставления рабочих мест на предприятиях с участием ИИ, создания новых производств
2. Индекс рентабельности ПИИ (PI)	2. Сокращение численности занятых	2. Увеличение доли вклада иностранных предприятий в объем экспорта и импорта региона, также увеличение объема ИИ в общем объеме капиталовложений региона	2. Увеличение среднедушевых доходов населения за счет повышения занятости населения на предприятиях с участием ИИ
3. Внутренняя норма доходности (IRR)	3. Прирост фондо-, материало-, энерго- и капиталоемкости как результат более рационального и экономного использования ресурсов	3. Рост объема производства в отраслях региональной экономики (объема промышленного производства, объема продукции сельского хозяйства, объема работ по договору строительного подряда, объема розничной торговли, объема платных услуг)	3. Повышение качества жизни населения региона путем поступления на региональный рынок более качественных товаров народного потребления, повышения доступности и качества услуг в сфере транспорта, здравоохранения, образования, физической культуры и спорта, культуры, ЖКХ; повышение индекса человеческого развития.
4. Срок окупаемости инвестиций (PBP или DPP).	4. Рост расходов на инновации (затраты на обучение персонала, число сотрудников на уникальном или высокотехнологичном оборудовании)	4. Оценка масштабов участия иностранного сектора в региональной экономике: <ul style="list-style-type: none"> • доля занятых на предприятиях с ИИ в общей численности занятых и уровень зарплат; • доля иностранного сектора в производстве ВВП региона; • удельный вес числа предприятий с ИИ в общем количестве; • производительность труда в иностранном секторе экономики региона в сравнении с производительностью труда в национальном секторе экономики. 	4. Снижение экологической загрязненности региона с использованием ИИ

Источник: разработано автором.

мулирования внутренних инвестиций. Поэтому в условиях конкуренции на мировом рынке важным вопросом является не только эффективное использование иностранных средств, но и привлечение именно качественных прямых ПИИ.

В широком смысле качественные ПИИ способствуют существенному росту благосостояния в принимающих странах, а необходимым и основным критерием качественных ПИИ является наличие у иностранного инвестора работающих местных производственных мощностей. В узком смысле качественные ПИИ - это те инвестиции, которые приносят принимающей стране реальный рост производства [2]. Качество и социально-экономическая сущность ПИИ находит свое отражение в основных эффектах от них, при этом выделены различные уровни их проявления. Они способствуют не только технологическому обновлению, но и несут в себе значительный по-

тенциал экономических выгод в виде роста занятости населения, более высокой заработной платы, повышения производительности, развития инновационной составляющей региона, интеграции национальной экономики области в мировое хозяйство (табл. 1).

Результаты расчетов экономических эффектов от ПИИ имеют самое широкое народнохозяйственное применение: при выборе стратегических и инновационных решений, при обосновании кредитов банкам, при ТЭО инновационных, инвестиционных, научно-технических, производственных, административных мероприятиях, в бизнес-планировании. Предложенная классификация эффектов от ПИИ дает расширенное представление о содержании и значимости иностранного капитала, целесообразности его привлечения и рационального использования, что влияет на качество и устойчивость регионального развития.

Использование ПИИ несет в себе выгоды для принимающей экономики как микро- так и макроэкономического значения. Микроэкономическое значение (внутреннее) объясняет влияние на эффективность деятельности компаний с участием иностранного капитала, а макроэкономические (внешние или косвенные) эффекты ПИИ проявляются во влиянии их на деятельность национальных компаний без участия иностранного капитала. Инвестиции на макроэкономическом уровне являются основой для осуществления расширенного воспроизводства, ускорения научно-технического прогресса (НТП), улучшения качества и конкурентоспособности отечественной продукции. В условиях экономической трансформации значимость ПИИ особенно возрастает. Оценку результативности ПИИ целесообразно осуществлять по двум направлениям:

1) Влияние ПИИ на динамику развития предпринимательского сектора, промышленности, малого и среднего бизнеса принимающего региона путем анализа изменений производительности местных компаний.

2) Влияние ПИИ на социально-экономическое развитие принимающего региона, где оценивается и исследуется корреляционная связь между объемами ПИИ (их темпами) и динамикой основных макроэкономических и социально-экономических показателей принимающего региона. Макроэкономические показатели качества ПИИ можно разделить на группы: показатели экономического и социального эффекта (табл. 2). Предлагается проводить оценку качества ПИИ с позиции иностранного инвестора и с позиции экономики принимающего региона, преследующих разные цели и рассматривающих качество ПИИ через разную систему индикаторов (табл. 2).

Таким образом, процесс инвестирования с участием ИИ приводит к экономическому росту, который сопровождается расширением совокупного и потребительского спроса, повышается жизненный уровень населения. Граждане страны получают возможность покупать современную продукцию, произведенную с учетом новых технических и технологических разработок. Кроме того, предприятия с иностранным капиталом часто устанавливают тесные связи с научными учреждениями, с системой подготовки кадров. Существенное значение оказывают ИИ на социальную сферу, что обусловлено трансформациями в экономике.

Вместе с тем иностранный капитал может оказывать и негативное влияние на социальную ситуацию в стране. Такой эффект может возникнуть, например, в случае переноса вредных и экологически опасных производств на территорию региона принимающей инвестиции.

Качество ПИИ во многом определяется их эффективностью, которая оценивается через различную систему финансовых показателей. Эффективность ПИИ следует рассматривать с различных точек зрения, поскольку они в совокупности влияют на экономический, научно-технический, культурный, социальный, демографический, экологический потенциал региона. В целом определение экономической эффективности ПИИ по отношению к экономике принимающего региона осуществляется с помощью показателя, величина которого равна отношению чистой прибыли (ВРП), получаемой предпринимательскими структурами от ПИИ, к затратам на их привлечение.

На основании перечисленных особенностей ПИИ предлагается следующий методический подход к оценке их эффективности: 1) выбор метода оценки влияния ПИИ на экономику принимающего региона; 2) определение показателей эффективности ПИИ как на качественном, так и на количественном уровне натуральных и стоимостных показателей; 3) сбор фактических данных о результатах использования ПИИ в оцениваемый период для конкретного предприятия и экономики региона в целом; 4) проведение расчетов в соответствии с выбранной методикой; 5) анализ полученных данных и оценка эффективности ПИИ.

Эффективность вложений от ПИИ характеризуют такие показатели, как показатель чистой текущей стоимости (NPV), показатель индекса рентабельности ПИИ (PI определяется как отношение настоящих приведенных потоков на первоначальные ПИИ; при этом инвестиционный проект или программу надо принимать, когда $PI > 1$, а также показателя IRR (внутренняя норма доходности, отражающая максимально допустимый относительный уровень расходов по привлечению денежных средств, это доходность самого проекта или программы, рассчитанная с учетом реинвестирования прибыли).

Расчет показателей на микроуровне определяется в сравнении указанных по-

$$\mathcal{E}_{\text{ПИИ}} = Q_t * \left(\frac{T_{t-1} + A_{t-1} + E_{t-1} + M_{t-1} + K_{t-1}}{Q_{t-1}} - \frac{T_t + A_t + E_t + M_t + K_t}{Q_t} \right) \quad (1),$$

где Q_t, Q_{t-1} - объем производства в t -м периоде после осуществления ПИИ и в $t-1$ -м периоде - до их осуществления; T - трудоемкость соответственно до и после осуществления ПИИ; A - величина амортизации до и после осуществления ПИИ; E - энергоемкость в объеме размера удельных затрат энергоресурсов на производство единицы продукции; M - материалоемкость до и после осуществления ПИИ; K - капиталоемкость.

казателей до осуществления ПИИ и после, при этом суммарная экономия от иностранных инвестиций ($\mathcal{E}_{\text{ПИИ}}$) за счет сокращения затрат ресурсов при более рациональном их использовании, обеспечивающая прирост чистой прибыли, может быть определена по формуле 1 [1, с.110]

Показатели T, A, E, M определяются по бухгалтерским данным, при расчете показателя K учитываются показатели оборачиваемости капитала и доходности его возможных альтернативных вложений.

Для расчета ряда показателей на макроуровне анализируют статистические данные и проводят соответствующие расчеты.

Полученные результаты оценки и выявленные эффекты ПИИ на экономику принимающего региона являются ориентиром для разработки стратегий и концепций региональной инвестиционной политики. Предложенная методика оценки влияния ПИИ на экономику региона позволяет оценить вклад ПИИ на макроэкономическое развитие региона, определить рациональность и целесообразность их привлечения и возможность их направления в приоритетные отрасли, а также выявить ряд косвенных эффектов влияния ПИИ.

Косвенные эффекты от ПИИ - это совокупность изменений, вызываемых деятельностью предприятий с участием ПИИ в региональной экономике, которые не стимулируются ими целенаправленно в процессе функционирования; они действуют по принципу мультипликатора, когда незначительный объем инвестиций дает значительный прирост ВРП. ПИИ способствуют не только приросту реального объема ВРП, но и сопровождается обновлением и улучшением его качества, становится побудительной

причиной структурных сдвигов, изменяющих соотношения между отдельными секторами (отраслями) экономики региона. Поэтому структурные сдвиги в региональной экономической системе могут быть отнесены к косвенным эффектам привлечения ПИИ. Косвенные эффекты можно подразделить на [1]:

- производственные эффекты (повышение эффективности факторов производства, технологический трансферт);
- общественные эффекты (насыщение рынка, повышение уровня жизни, развитие человеческого потенциала);
- структурные эффекты (структурные сдвиги в экономике, характеризующиеся изменением долей различных секторов, отраслей в ВРП).

Для региональной экономики значимость косвенных эффектов от ПИИ достаточно высока, так как они гораздо сильнее действуют на местном уровне, чем на общегосударственном.

В заключение отметим, важным критерием успеха ПИИ служит состояние экономики принимающего региона и его инвестиционный климат. Потенциально ПИИ способны оказать положительное воздействие на развитие отраслей и секторов экономики принимающего региона, но возможны и отрицательные тенденции, которые можно нивелировать путем грамотного государственного регулирования. Результаты эмпирических исследований свидетельствуют о неоднозначности влияния ПИИ на развитие малого и среднего бизнеса и общее социально-экономическое развитие принимающего региона, что обуславливает необходимость государственного управления процессами привлечения и использования ПИИ.

Библиографический список:

1. Ливенцев Н.Н., Костюнина Г.М. Международное движение капитала (Инвестиционная политика зарубежных стран): Учебник. М.: Экономистъ, 2004.
2. Юнусов Л.А. Привлечение прямых иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации: современное состояние, проблемы и перспективы: Монография. М.: РГТЭУ, 2009.
3. Калининградская область в цифрах, 2012. Краткий стат. сборник, 2012. Калининград: Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Калининградской области, 2013.

4. Калининградский городской портал. // URL: <http://rugrad.eu>.
5. Официальный сайт Правительства Калининградской области. // URL: <http://www.gov.kaliningrad.ru>.
6. Официальный сайт федеральной службы государственной статистики. // URL: <http://www.gks.ru>.

Foreign direct investment, the estimation of effective of FDI, indicators of the quality, the effects from FDI.

The article considers social-economical essence and the basic indexes of the quality of foreign direct investment (FDI), analyzed the dynamics of the receipt of FDI to the region. The classification of effects of FDI and the methodical approach to assess their effectiveness are suggested, based on the definition of their quality from the position of the interests of foreign investors and the position of the interests of the economy of the host region, at the micro level and at the macro level. The indirect effects of FDI are identified and proved the necessity to take them into account when developing the policy of attracting foreign capital into the region.

Рецензенты:

Ивченко В.В., доктор экономических наук, профессор (БФУ им. И. Канта);

Шеховцева Л.С., доктор экономических наук, профессор (БФУ им. И. Канта).

РЯБЦЕВ С.В.,

кандидат экономических наук, доцент
(Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота)
laturna@interia.pl

МИЛЕНЬКИЙ В.И.,

аспирант Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота
viktor85a-ata@mail.ru

УДК 658.15

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ПОТЕНЦИАЛА САМОФИНАНСИРОВАНИЯ ОБОРОТНОГО КАПИТАЛА ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

RYABTSEV S., MILENKIY V.

**METHOD OF ASSESSMENT WORKING CAPITAL SELF-FINANCING
CAPACITY OF KALININGRAD REGION TRANSPORTATION COMPANIES**

**Оборотный капитал, внутренние резервы, операционный цикл, показатель темпа
роста самофинансирования.**

Регулярно сталкиваясь с дефицитом финансирования оборотного капитала, транспортно-логистическим предприятиям приходится принимать решения по привлечению внешних источников финансирования. Однако кредитные организации не всегда готовы предоставлять кредиты на приемлемых условиях. В связи с этим, настоящая статья посвящена оценке возможностей транспортно-логистических предприятий по самофинансированию оборотного капитала.

Основной проблемой последних лет в области формирования оборотного капитала является дефицит финансовых ресурсов. В условиях падения потребительского спроса, ужесточения конкурентной борьбы во всех секторах экономики, а также увеличения процентных ставок со стороны банков и затруднительном доступе к долгосрочному финансированию многие российские транспортно-логистические предприятия становятся особо уязвимыми по сравнению с западными аналогами [1]. По этой причине вопросы финансирования оборотного капитала для них носят не только теоретический характер, но и практическую направленность.

За счет собственного капитала формируется, как правило, минимальная стабильная часть оборотного капитала. Наличие собственных оборотных средств позволяет компании повышать результативность и устойчивость своей деятельности [2]. Компания, использующая только собственный капитал, имеет наивысшую финансовую устойчивость, но ограничивает темпы своего развития, так как не может обеспечить формирование необходимого дополнительного объема активов в периоды благоприятной конъюнктуры рынка и не использует финан-

совые возможности прироста прибыли на вложенный капитал. Зачастую эффективность использования заемных средств оказывается более высокой, чем использование собственных. Все зависит от цены капитала - собственного и заемного. В различных странах между собственным и заемным капиталом используются различные соотношения (нормативы). В России применяют соотношение 80/20, в США - 60/40, а в Японии - 30/70 [3].

В силу ряда объективных причин, таких, как сезонные колебания спроса, инфляция, рост объемов производства, задержки в оплате счетов клиентов и пр., у транспортно-логистических компаний возникают временные потребности в дополнительном оборотном капитале. В этих случаях финансовое обеспечение хозяйственной деятельности сопровождается привлечением заемных источников: банковских и коммерческих кредитов, займов, облигационных займов, а также источников, приравненных к собственным средствам, так называемых устойчивых пассивов.

Однако, как показало ранее проведенное нами исследование [4], транспортно-логистические предприятия на современ-

Таблица 1.

Коэффициент обеспеченности собственными средствами организаций транспорта

Значение/год	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Россия	-0,483	-0,481	-0,514	-0,8	-0,578	-
Калининградская область	-0,172	-0,181	-0,417	-2,039	-2,567	-2,049

ном этапе развития испытывают нехватку собственных средств при финансировании производственной деятельности и являются малопривлекательными объектами банковского кредитования (табл. 1) [5, 6]. По официальным статистическим данным, в современной российской экономике наблюдается достаточно большой удельный вес убыточных организаций транспорта: к началу 2011 года 32,5% всех хозяйствующих субъектов [5], а в Калининградской области этот показатель составил 45,0% [6].

Вопросы финансирования оборотного капитала транспортно-логистических компаний, по нашему мнению, должны рассматриваться высшим менеджментом данных компаний при формировании финансовых стратегий. В этой связи одной из основополагающих целей проектирования финансовой стратегии хозяйствующего субъекта становится оценка внутренних резервов финансирования за счет оперативно генерируемых средств компании.

По мнению авторов, для этих целей может быть использован показатель темпа роста самофинансирования предприятия (TRC). Данный показатель описывает темп роста предприятия за счет оперативно генерируемых средств без увеличения продаж и внешнего финансирования. Этот специфичный темп роста предприятия существенно зависит от трех факторов: 1) продолжительности операционного цикла (ПОЦ); 2) времени связывания средств при финансировании оборотного капитала, а также операционных затрат для поддержания операционного цик-

ла; 3) свободных средств, генерируемых в операционном цикле.

Операционный цикл характеризует общее время, в течение которого финансовые средства компании находятся в запасах и дебиторской задолженности. Продолжительность операционного цикла рассчитывается согласно данным отчета о прибылях и убытках:

$$ПОЦ = ПЦ + КЦ \quad (1),$$

где ПЦ - производственный цикл (приемка, хранение запасов, длительность производственного процесса);

КЦ - коммерческий цикл (продажа услуг покупателям, инкассация дебиторской задолженности).

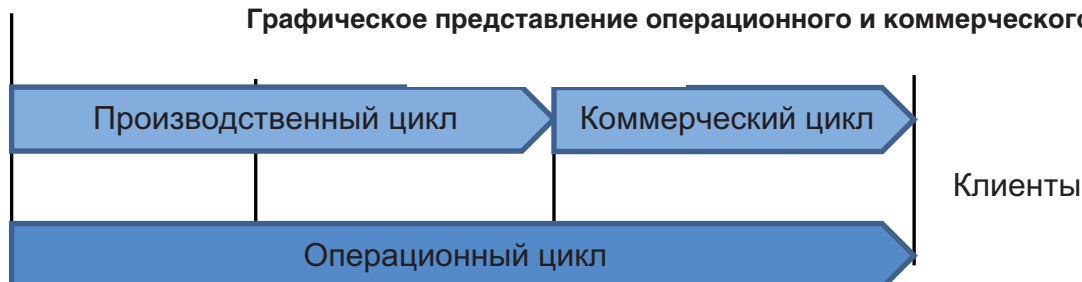
Производственный цикл включает период времени с момента получения ресурсов от поставщиков до продажи готовой продукции заказчику и рассчитывается:

$$ПЦ = \frac{\text{Запасы}}{\text{Себестоимость реализованных услуг}} * 365 \text{ дней} \quad (2)$$

С позиции финансового менеджмента идеальным состоянием для ведения бизнеса является отсутствие каких-либо товарных запасов при полном обеспечении производственного процесса всеми необходимыми компонентами. В структуре оборотного капитала транспортно-логистических предприятий запасы составляют в среднем около 20%. Параметрами управления запасами обычно выступают размер заказа на закупку запасов; время возобновления заказа; условия оплаты заказа. Достигнуть этого можно, выбрав оптимальный метод и соответствующую информационную систему производ-

Рисунок 1.

Графическое представление операционного и коммерческого циклов.

ственного планирования и управления материальными запасами.

Коммерческий цикл охватывает период времени от продаж готовой продукции до получения оплаты от заказчика. С помощью баланса и отчета о прибылях и убытках его можно рассчитать как:

$$КЦ = \frac{\text{Дебиторская задолженность}}{\text{Чистая выручка}} * 365 \text{ дней} \quad (3)$$

Как видно из данного соотношения продолжительность коммерческого цикла зависит от применяемой маркетинговой и финансовой политики на предприятии, от которых, в свою очередь, зависят инвестиции компании в расширение объема продаж и в увеличение доли рынка. Стоит отметить, что средняя дебиторская задолженность транспортно-логистических предприятий Калининградской области составляет около 60% всего оборотного капитала.

Следующим фактором предлагаемого показателя темпа роста самофинансирования является достаточность средств, необходимых для финансирования операционного цикла, которая рассчитывается следующим образом:

$$ИС_c = \frac{ПС_c}{ПОЦ} * \frac{\text{Себестоимость реализованной продукции}}{\text{Чистая выручка}} \quad (4)$$

$$ИС_{пр} = \frac{ПС_{пр}}{ПОЦ} * \frac{\text{Прочие расходы}}{\text{Чистая выручка}} \quad (5)$$

где, ИС_с - денежные средства, инвестированные в себестоимость производимых услуг;

ИС_{пр} - денежные средства, инвестированные в прочие расходы;

ПС_с - продолжительность нахождения средств в операционном цикле, отнесенных к себестоимости производства;

ПС_{пр} - продолжительность нахождения средств в операционном цикле, отнесенных к прочим расходам.

Сумма «замороженных» денежных средств в себестоимость проданных товаров и в прочих расходах, приходящихся на каждый рубль результатов продаж, представляет собой все денежные средства в операционном цикле. Стоит пояснить, что в данном случае в состав прочих расходов включаются: управленческие расходы на содержание административно-управленческого аппарата; содержание общехозяйственного персонала, не связанного с производственным процессом; оплата информационных, ауди-

торских, консультационных услуг; подготовка и переподготовка кадров; прочие расходы - штрафы, пени, неустойки за нарушение условий договора; убытки прошлых лет, выявленные в отчетном году; суммы уценки активов; отрицательные курсовые разницы; расходы, связанные с оплатой услуг, оказываемых кредитными организациями и т.п. Наличие свободных денежных средств в операционном цикле указывают на возможность финансирования предприятия в денежных единицах на каждый рубль оборота.

На рисунке 2 представлен порядок расчета темпа роста самофинансирования предприятия (ТРС) [7]. В годовом выражении показатель ТРС предоставляет информацию о потенциальном уровне роста предприятия за год, без учёта привлечения внешних источников финансирования. Если предприятие растёт с меньшими темпами, чем расчетное значение ТРС, то это означает, что оно генерирует больше средств, чем необходимо для роста. В то же время, если рост компании происходит более высокими темпами чем ТРС, то это свидетельствует о необходимости привлечения внешних источников финансирования для обеспечения соответствующего уровня ликвидности.

Данная методика была нами опробована на примере одной из транспортно-логистических предприятий Калининградской области. Прежде всего, нами были произведены расчеты продолжительности операционного цикла и времени связывания средств в нем (табл. 2).

Используя данные таблицы, произведем расчет показателей производственного и коммерческого циклов, согласно формулам 2 и 3:

$$ПЦ = \frac{26020}{107418} * 365 = 87,7 \text{ дней}$$

$$КЦ = \frac{39310}{133655} * 365 = 104,1 \text{ дней}$$

И

Таким образом, длительность операционного цикла составит 191,8 дня. Предполагается, что прочие расходы распределяются равномерно на всю продолжительность операционного цикла, так как рассчитать продолжительность такого удержания возможно только при наличии точных дат возникновения обязательств и их погашения. Поэтому для упрощения расчетов продолжительность удержания денежных средств в прочих расходах примем равной половине длительности операционного цикла, т.е. 95,9 дней. Для дальнейших расчетов прочие рас-

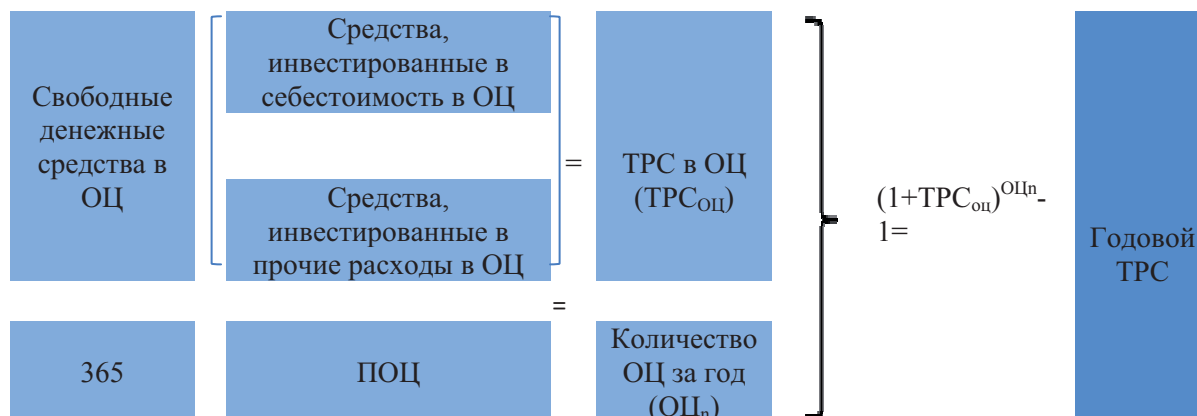

Рисунок 2. Алгоритм расчета годового показателя темпа роста самофинансирования.

Таблица 2.
 Данные бухгалтерского баланса ООО «Кениг-Нострада» за 2011 год

Показатель	Значение
Запасы, тыс. руб.	25820
Дебиторская задолженность, тыс. руб.	38310
Чистая выручка, тыс. руб.	133655
Себестоимость, тыс. руб.	107413
Чистая прибыль, тыс. руб.	10962
Период удержания денежных средств в операционном цикле, дней	175,1
Рентабельность продаж, %	8,2

ходы будут определяться как разность между чистой выручкой, с одной стороны, и себестоимостью проданных товаров и чистой прибыли - с другой:

Прочие расходы = 133655 - 107413 - 10962 = 15280 тыс. руб.

Используя формулы 4 и 5, денежные средства, инвестированные в производство проданных товаров, т.е. их себестоимость и прочие расходы на каждый рубль выручки, могут быть определены как:

$$ИС_с = \frac{175,1}{191,8} * \frac{107413}{133655} = 0,734$$

$$ИС_{пр} = \frac{95,9}{191,8} * \frac{15280}{133655} = 0,057$$

Отсюда следует, согласно алгоритму, представленному на рисунке 2, что показатель ТРС в годовом выражении составит:

$$\left. \begin{aligned} \frac{0,082}{(0,734 + 0,057)} &= 0,104 \\ \frac{365}{191,8} &= 1,903 \end{aligned} \right\} (1 + 0,104)^{1,903} - 1 = 21 \%$$

На основании полученных результатов можно утверждать, что при индексе внутреннего самофинансирования предприятия 0,104 и годовой оборачиваемостью операционного цикла 1,9 компания может реализовать 21%-й темп роста без привлечения внешних источников финансирования.

Таким образом, руководители предприятий, используя предлагаемый подход к оценке роста внутреннего потенциала транспортно-логистических предприятий, могут самостоятельно производить оценку возможностей по генерированию средств, необходимых для обеспечения бесперебойной работы. Кроме того, моделируя составляющие уравнения (например, сокращая продолжительность производственного цикла за счет изменения условий оплаты с клиентами и расчета с поставщиками), можно понять, какой «финансовый ресурс» предприятия может быть

мобилизован. В результате у руководства транспортно-логистических предприятий по-

является реальная возможность повышения эффективности финансовой стратегии.

Библиографический список:

1. Лукьянова Н.А., Шевченко О.А. Применение методов финансовой логистики для оптимизации финансового цикла на предприятиях с длинным процессом производства. // Балтийский экономический журнал. Калининград. 2009. №1. С.38-46.
2. Управление инвестициями / Под общ. редакцией В.В. Шеремета, научные редакторы В.М. Павлюченко, В.Д. Шапиро. Т. 1, 2. М.: Высшая школа, 2008. 553 с.
3. Шеремет А.Д., Иванова А.Ф. Финансы предприятий: менеджмент и анализ: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и. доп. М.: ИНФРА-М, 2006. 479 с.
4. Рябцев С.В., Миленький В.И. Диагностика финансовой устойчивости транспортно-логистических предприятий на основании методики рейтинговых оценок. // Проблемы и перспективы развития экономики Калининградской области в условиях модернизации российской экономики: Сборник научных трудов. Калининград: Изд-во ФГБОУ ВПО «КГТУ», 2012. С.146-153.
5. Российский статистический ежегодник. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2012. 786 с.
6. Калининградская область в цифрах 2012. Калининград, 2012. 332 с.
7. Hofmann E., Maucher D., Piesker S., Richter P. Ways Out of the Working Capital Trap. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2011. 106 p.

Working capital, internal resources, operating cycle, the growth rate of self-financing.

Regularly faced with shortage of working capital for the smooth operation of the enterprise, is often necessary to make decisions to attract external funding. However, lenders are not always willing to lend for satisfying business conditions. The article is devoted to assess the possibilities of transport enterprises quickly generate their own funds without increasing revenue and attract external funding.

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК КАЛИНИНГРАДСКОГО ФИЛИАЛА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ»

■ Научно-теоретический журнал «Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России» (до 2012 года - «Вестник Калининградского юридического института МВД России») издаётся с 2002 года.

■ С 2010 года журнал выходит ежеквартально.

■ Приглашаются к сотрудничеству учёные, соискатели, адъюнкты, аспиранты, сотрудники правоохранительных органов, практикующие юристы и экономисты.

В зависимости от представленных статей журнал содержит рубрики:

- Теория и практика правоохранительной деятельности;
 - Дискуссионная трибуна;
 - Экономические исследования;
 - Образовательный процесс;
- и учебно-методическое мастерство;
- Гуманитарные и естественнонаучные знания;
 - Государство и право;
 - Уголок рецензента
- и др.

■ Представленный в научной статье, направляемой для публикации в журнале, фактический материал должен отражать новейшие данные, быть тщательно проверен и подтверждён ссылками на источники.

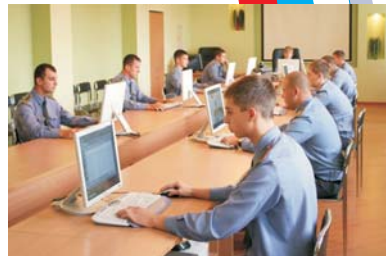
**В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ АВТОРСКИХ
ПРАВ (ПЛАГИАТ) НЕСЁТ АВТОР СТАТЬИ.**

**ВСЕ ПРЕДСТАВЛЯЕМЫЕ К ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛЫ
РЕДАКЦИЯ ПРОВЕРЯЕТ В СИСТЕМЕ АНАЛИЗА ТЕКСТОВ
НА НАЛИЧИЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ «АНТИПЛАГИАТ».**

■ Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объём статей и принимать решение о включении их в журнал. Отклоненные материалы не возвращаются.

Направляя статью для опубликования в журнале, автор (соавторы) безвозмездно предоставляет редакции «Вестника» неисключительные права на использование данной статьи, в том числе на неограниченное её распространение любым способом, включая создание её электронного варианта для размещения в локальной сети Калининградского филиала СПбУ МВД России, а также в сети Интернет (на сайте журнала, в интегрированном научном информационном ресурсе - электронной библиотеке и т.д.) с целью доведения статьи до всеобщего сведения и выполнения требования ВАК Минобрнауки РФ об информационной открытости научной периодики.

Адрес редакции журнала
«Вестник Калининградского филиала СПбУ МВД России»:
236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30.
Тел. 8(4012) 46-23-04, e-mail: rio1@ptskl.baltnet.ru

ПАМЯТКА АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК КАЛИНИНГРАДСКОГО ФИЛИАЛА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ»

1. Срок предоставления материалов:
 - до 1 февраля, до 1 мая, до 1 августа, до 1 ноября.
2. Статья представляется в виде распечатанной на принтере рукописи и электронной версии на магнитном носителе (CD или DVD-диск), идентичной бумажному варианту.
3. Объём рукописи не должен превышать 10 страниц формата А4, включая таблицы, иллюстрации, библиографический список и приложения.
4. К рукописи прилагаются две рецензии, подписи рецензентов должны быть заверены по месту их работы в установленном порядке.
5. Авторы, являющиеся докторами наук, профессорами или представляющие статью в соавторстве с докторами наук, профессорами, представляют одну рецензию.
6. Рецензии, прилагаемые к материалам, должны соответствовать требованиям Положения о порядке рецензирования статей, представленных для публикации в «Вестнике».
7. Рукопись статьи должна быть подписана лично автором (соавторами), подписи заверены по месту работы или обучения в установленном порядке.
8. К статье прилагается следующая информация об авторе (каждом соавторе):
 - фамилия, имя, отчество (полностью);
 - основное место работы, должность (для докторантов, аспирантов, адъюнктов и соискателей также полное название учреждения, в котором осуществляется научная деятельность);
 - учёные степени и звания, почётные звания, специальное звание;
 - контактная информация (адрес электронной почты).
9. Рукописи статей аспирантов, адъюнктов и соискателей должны быть завизированы подписью научного руководителя (с указанием фамилии, инициалов, учёных степеней и званий, места работы и должности).
10. Технические требования к материалам:
 - текст рукописи и прилагаемых к ней материалов печатается на листах формата А4 в текстовом редакторе «MSWord» с межстрочным интервалом 1,5 с использованием шрифта гарнитуры «Times New Roman (Cyr)», кегль - 14 пт;
 - параметры страницы: верхнее поле - 2 см, нижнее поле - 2 см, правое поле - 2 см, левое поле - 2,5 см;
 - не допускается выставление «красной строки» в начале абзацев табулятором или клавишей «пробел», абзацный отступ устанавливается в меню «Формат - Абзац - Первая строка (Отступ 1,25 мм)»;
 - текст выравнивается «по ширине», название файла даётся по фамилии автора, например, «Петров.doc»;
 - в статье указывается информация о рецензентах;
 - таблицы, графики и другие инфографические объекты прилагаются к электронной версии статьи отдельными файлами (например «Петров.Таблица1.doc»), при этом в тексте статьи указываются места их размещения;
 - если к статье прилагаются графические файлы, то они называются по фамилии автора с указанием номера изображения, в соответствии с использованным в тексте, например «Петров. Рисунок1.jpg» (разрешение изображения в графическом файле - 300 dpi).
11. У каждой статьи должен быть пристатейный библиографический список, составленный с соблюдением требований ГОСТ Р 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». В тексте статьи номер ссылки из пристатейного библиографического списка печатается в квадратных скобках, нумерация сплошная. Пристатейный библиографический список размещается непосредственно после текста статьи.
12. У статьи в обязательном порядке должны быть:
 - перевод названия на английский язык;
 - транслитерация (написание латинскими буквами) фамилии и инициалов автора (соавторов);
 - аннотации (от 2 до 5 предложений) на русском и английском языках;
 - перечни ключевых слов на русском и английском языках.
13. Статья должна иметь шифр УДК.
14. Материалы необходимо представлять лично или высылать почтой (электронную версию разрешается пересылать электронной почтой).
15. Экземпляры распространяются только по подписке, оформленной заранее.

ВЕСТНИК

**КАЛИНИНГРАДСКОГО ФИЛИАЛА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ**

**№2(32)
2013 г.**

**Председатель
редакционной коллегии,
главный редактор
- С.В. Векленко.**

**Сдано в набор - 04.06.2013. Подписано в печать - 14.06.2013.
Формат 60x90 1/8. Объем - 21,0 у.п.л.
Заказ №132. Тираж - 600 экз.**

**Научно-исследовательское и редакционно-издательское отделение
Калининградского филиала СПбУ МВД России
236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30.**

